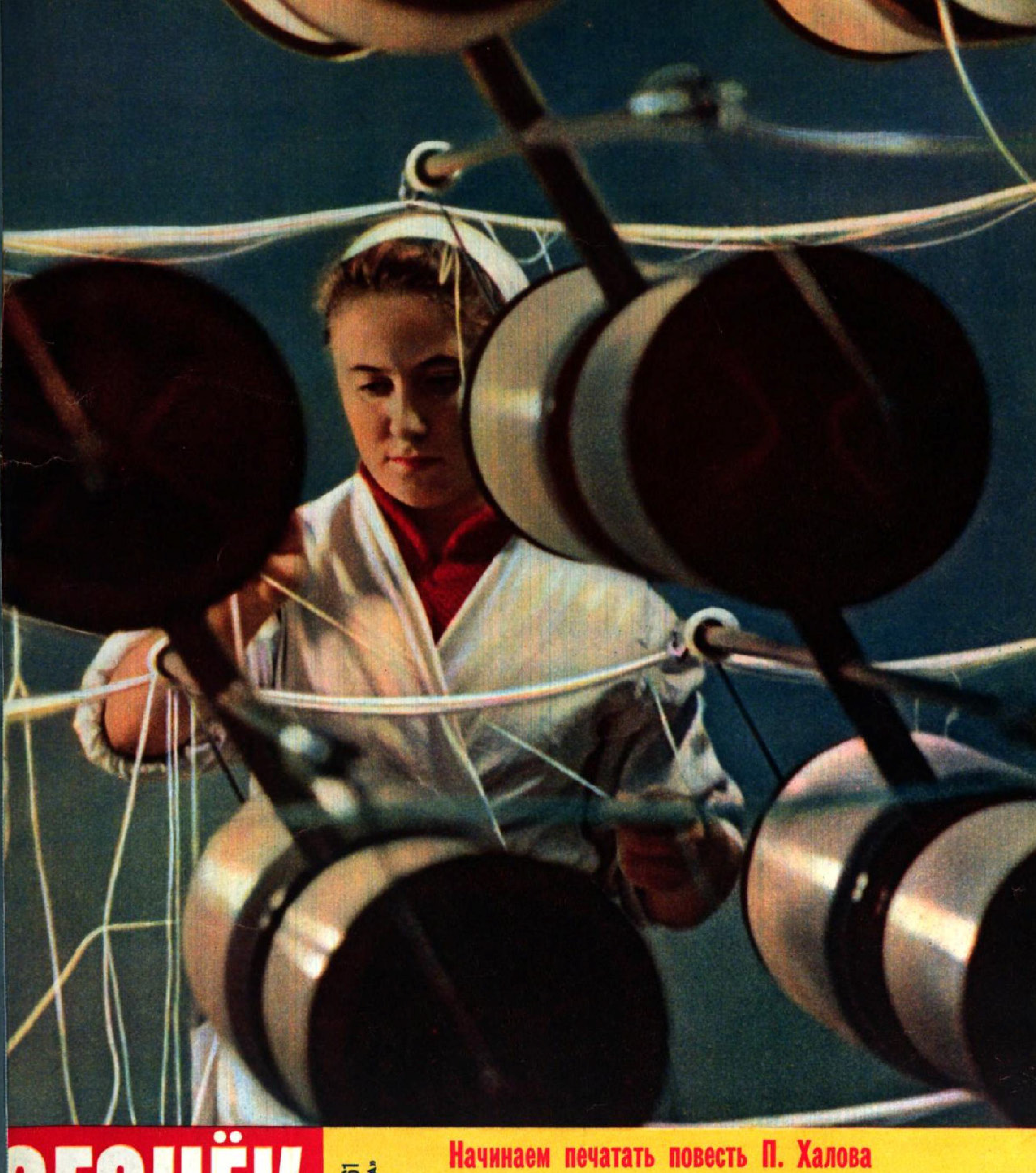

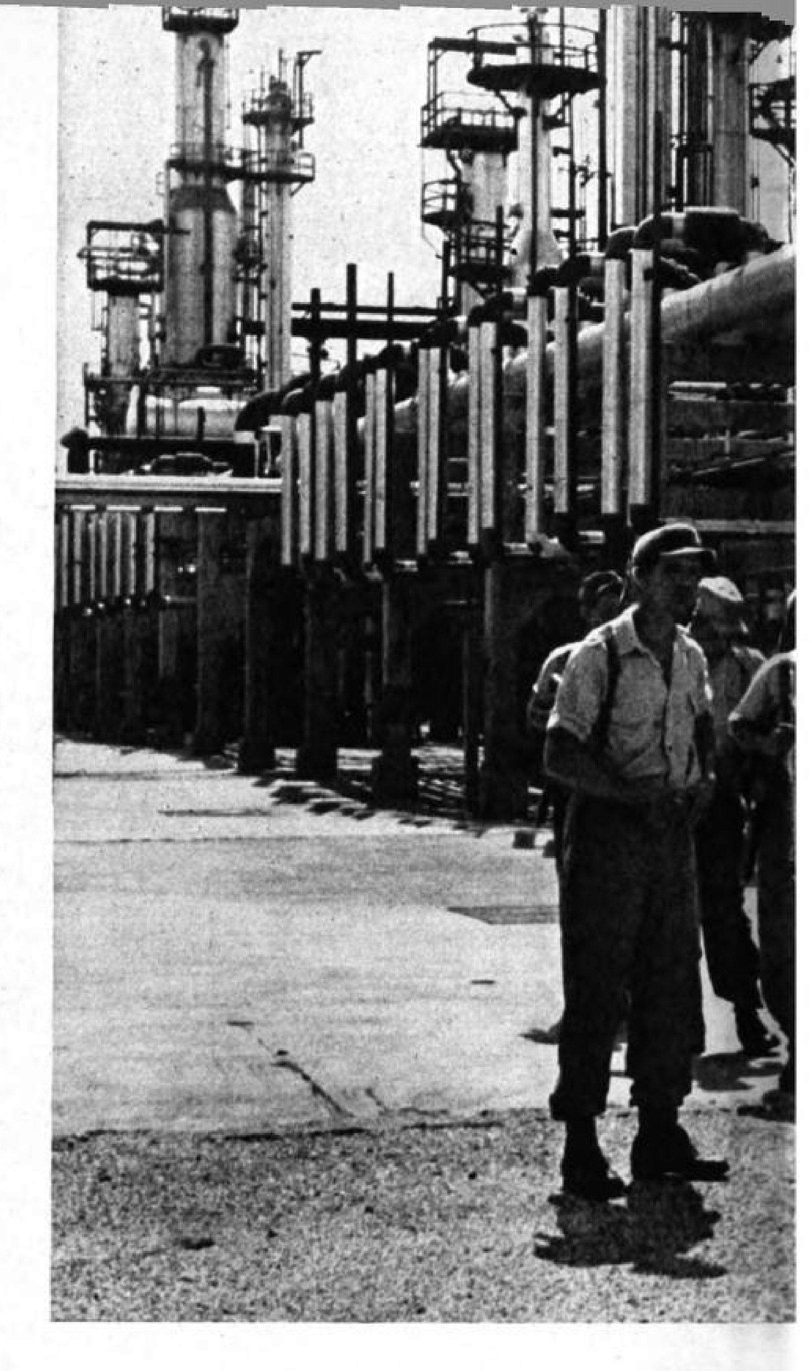
ОГОНЁК
№ 2 ЯНВАРЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Начинаем печатать повесть П. Халова
«ВСЕМ, КТО МЕНЯ СЛЫШИТ»

Эстафета воздушного шпионажа

СПОР О ЛЮБВИ И ЭГОИЗМЕ

Революционной Кубе — два года. На снимке: Фидель Кастро — глава кубинского правительства.

СЧАСТЬЯ ТЕБЕ, КУБА!

Куба никогда больше не будет экономическим придатком США. На снимке (вверху справа): бойцы народной милиции на территории национализированного нефтеобрабатывающего завода, принадлежавшего раньше американской компании «Тексако».

Кубинские крестьяне на митинге, посвященном проведению аграрной реформы.

Фото Н. Кармен и Г. Боровика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 2 (1751)

8 ЯНВАРЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Родился новый день

Н. БЫКОВ

Будильник, как и было ему назначено с вечера, протрезвонил ровно в четыре. Но Иван спал. Разбудил его часа через полтора дождь. По-апрельски спорый, он громко, будто нарочно, колотил по крыше.

«Теплый, наверное»,— подумалось Ивану. Клава, ребятишки и теща Лукерья Петровна спали. Иван прошлепал в сенцы, зачерпнул кружкой воды из ведра и, склонившись над тазом, плеснул себе в лицо. На дворе хлюпала, вскипала, позванивала частая капель.

Дождь в декабре для Приазовья не ахти какое диво. Да и не так уж он весел, признаться, этот неурочный, не по сезону бойкий дождь. Но в тот ранний час его музыка наполнила душу Ивана покоем и радостной уверенностью в себе. Не то чтобы он сомневался в чем-то накануне, нет; просто весенний настрой дождя как бы смыл груз и напряжение этих последних дней.

Иван вышел под дождь и легко зашагал во тьме — на ферму.

От моря летели низкие, потрепанные в пути тучи. Ветер гнал их, срывая на ходу капли, швыряя их на землю, словно сеял что-то заветное.

Под сапогами плыло, ползло, скользило. Иван шел своим широким, будто на походе, шагом и думал о ферме. Вчера они хорошо и много говорили о ней в горкоме партии. Ну и времена! Павел Трофимович, первый секретарь горкома, часа два толковал с ним о перестройке корпусов, о кормах и рационах, о новом в свиноводстве — науке и важнейшей отрасли животноводства...

И без всякой связи, а быть может, именно в связи с этим вчерашним разговором в кабинете Афонина припомнился Ивану другой разговор, случившийся прошедшей осенью на их совхозной улице. Иван помнит: догорало за лиманом солнце, с писком разлетались из-под ног стрижи. Он шел с Клавой в клуб посмотреть новую картину. Быстро густели сумерки, воздух наливался синью. До Ивана донеслись хриплые голоса:

— Поднимают Штефаненко!

— Як же ж, свынячий герой! За уши тянут...

Кровь хлынула к вискам, свинцовыми стали ноги. Ослышался?.. Признаться, Иван растерялся. Широченная, в молодых посадках совхозная улица. Впереди огни клуба. Люди — каждый знаком — идут рядом целыми семьями, вот они: озорно перекликаются, сыплют подсолнечной шелухой. И тут же, только чуть в сторонке, у забрызганного грязью штакетника, мерцает цигарка.

Пройти мимо? Смолчать? Иван выпустил локоть жены.

— Погоди. Я сейчас.

Три шага к разом притухшей звезде. Несколько пар глаз встретили его: одни колюче, другие с любопытством: «Шо воно буде?..»

— Ну, говори, как поднимают Штефаненко? И за какие такие доблести его поднимают? Говори! — надвинулся Иван.

— Очумел, чи шо?

— Брось, Кузьмич!

— Сам выкладай, як славу роблють. От тебя послухать хотели,— не дрогнул один.

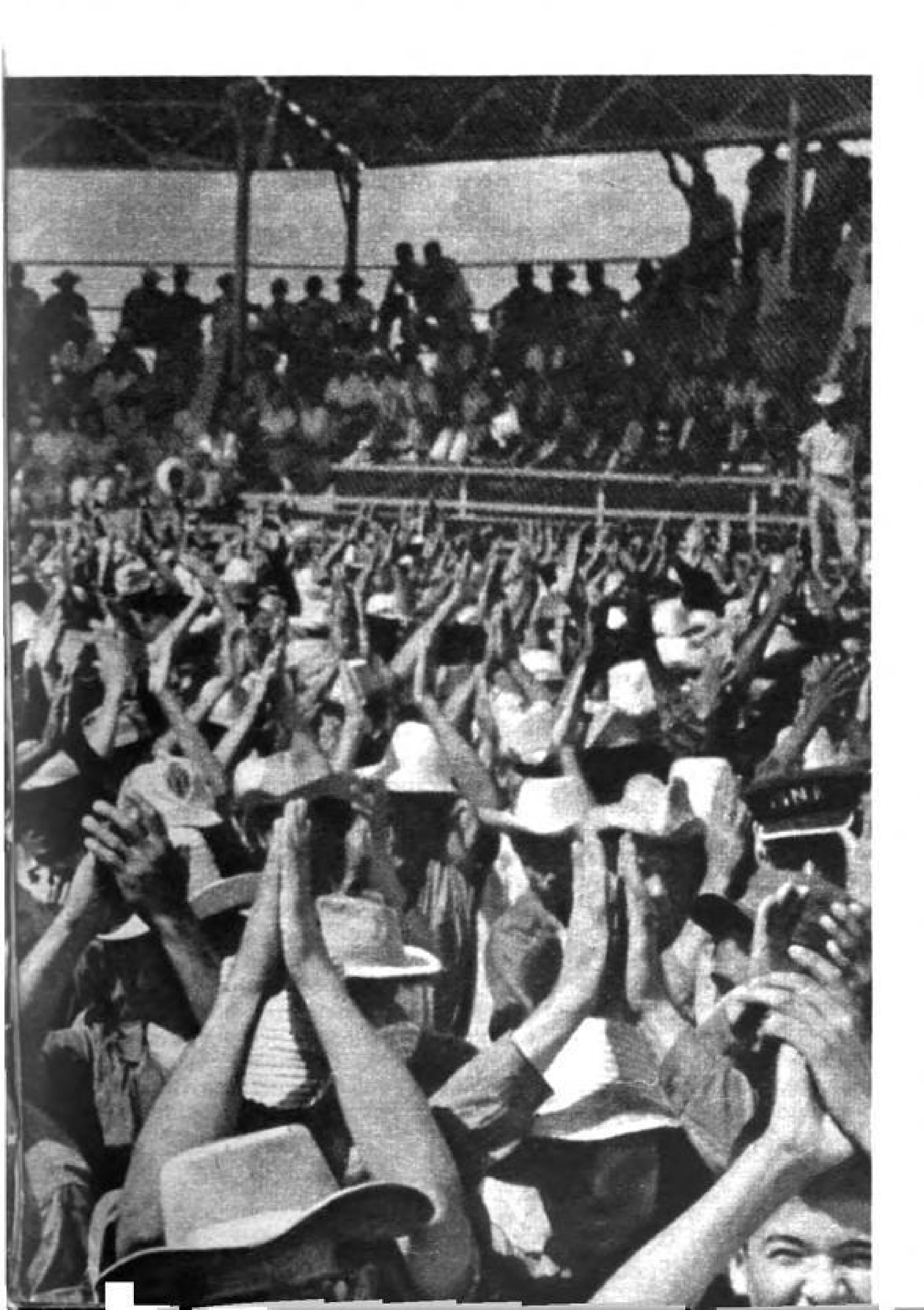
— Во, во, поделись опытом!

И засмеялись — то ли примиряюще, то ли с вызовом, не поймешь. Иван узнал одного из компании, узнал по голосу, по повадке трусливой собаки — брехнуть и отскочить за конуру.

— Как слава делается, пытаешь? Приходи в свинарник, если не боишься дерьмом свинячьим провонять! Там будешь, лодырь, не по четыре сотни зарабатывать, а по тысяче, по полторы... Это тебе деньги! Куча! А навоза ворочать приходится еще больше!

О, сколько раз потом Иван мысленно отвечал совхозным шептунам! Мысленно. А хотелось встать на виду всего белого света и рассказать людям о своей жизни, о думах своих, о болях своего сердца...

Иван включил свет в свинарнике — движок в ту пору уже начал расстреливать нескончаемую свою пулеметную ленту,— отыскал вилы. Свиньи вскакивали, самые догадливые с визгом, толкаясь, устремились через лазы на выгульную

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ РЕСПУБЛИКИ ИНДОНЕЗИИ во главе с министром национальной безопасности, начальником штаба армии Индонезии генералом Насутионом 3 января нанесла визит в Кремле Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву.

Фото А. Новикова.

площадку. Там их ждали самокормушки.

Иван «запряг» своего шустрого конька — низкорослый тракторишко на пневматике — и отправился с тележкой за люцерновой мукой.

Вчера, когда они с директором совхоза были в горкоме, Афонин сказал им, что показатели у Ивана необычны — к 1 декабря Штефаненко откормил и сдал государству 3 670 свиней, а до конца года еще 300.

Так что скоро, быть может, и гости в совхоз нагрянут, покажешь приезжему люду, что и как.

Тракторишко бежал, попыхивая едва видным в предрассветной сини белесым дымком...

Ивану тридцать два. Коммунист, член горкома. За плечами годы с немногими событиями. Жизнь, очень похожая на жизнь сверстников. Но некоторые из страниц биографии Штефаненко исполнены подлинного драматизма. О них вам могут рассказать близкие ему люди — скупо, с величайшим тактом, словами, полными уважения к своему Кузьмичу.

Рос Иван один. С малых лет без родителей остался. То ли родственники пригрели, то ли просто добрые люди. А вернее сказать, рос Иван на руках колхоза.

Не успел мальчишка прожариться под солнцем своего детства, не успел пропотеть впервые на колхозном току, как протянулась к его сердчишку рука войны. Снова вскипала под железным градом быстрая Кубань. Горел хлеб, горела земля, и дым стлался от станицы к станице, душил, затягивал петлей толпы беженцев.

Колхозный сын стал сыном полка.

...Туман клубился у курганов. Цепляясь за камыши, сползал к реке. Батарея — который раз за ночь — меняла позицию. Ночь в седле, ночь на вздрагивающем лафете, ещё ночь в повозке с многопудовыми снарядными ящиками. Сколько их было, таких ночей! А в горле дым горящих хат, дым солдатской махры, дым рвущихся снарядов... Шутили солдаты, склонившись над его полинявшими вихрами: «То, Иван, ничего! Дым без огня не бывает, а в огне душа принимает особую закалку. Отвоюем, сынок, до земли вернемся, и никакого тебе дыма не останется. Одна душа, что в огне закалку приняла...»

От тех лет у Ивана осталось многое: чувство кровного единства с народом — пахарями и солдатами, ощущение себя как человека государственного, государством взращенного и ему обязанного, по-детски открытая непримиримость к тем, кто отсиживается в запасном окопчике, кто норовит задом-задом отползти с линии огня, кто «мы пахали» поспешно и нагло сменил после победы на «мы воевали»...

Кузьмич — так величают его в совхозе. Даже те, что сгрудились тогда у штакетника, называют так, потому что невольно уважают. А вот понимать не все понимают: «Умничаешь, мол, Кузьмич. И загордился. А шо там умничать, шо гордиться? Хе, подумаешь, свинарь!..»

А он и вправду гордится этим.

— Свинарь свинопасу не ровня. Качество другое! Свинарь — это, мать, профессия! — толковал он еще по весне своей Клаве.— Ты не улыбайся. Свинопасом каждый может стать. Не зря раньше свиней пасли пацаны либо дурачки. Пусть теперь тот дурачок походит за армией в две тысячи пятачков! — смеялся Иван.— Тут уж полководцу без головы никак нельзя быть!

У Кузьмича голова оказалась подходящей. Она-то, Клава, знает, что за человек ее любый Кузьмич! Это он в черные для нее дни первым подал ей голос привета, мужества.

И любви.

Служили действительную, как про то и в песне поется, в полку два друга. Не просто в полку, а в одном даже отделении. И койки их в казарме стояли рядом. Оба с Кубани. Дружок Ивана был изпод Ейска. Там он начал работать в свиносовхозе, оттуда и взяли его на службу. В совхозе у дружка осталась дивчина — юная, тонкобровая. Часто два солдата склонялись над ее письмами. А когда в твердом конверте пришла карточка, Иван надолго поскучнел.

Ах ты, юность, юность в гимнастерке!

Так уж случилось, думал Иван о чужой девушке, о незнакомой Клаве. Незнакомой? Ему казалось, что никто не знает так Клаву, как знает он. И никому она так не нужна, как ему: один по-прежнему на белом свете.

Вскоре случилось неправдоподобное. Приметил Иван, что перестал дружок получать душистые конверты из приазовского совхоза. Не на шутку встревожился. Как спросить о ней?

Сердце кричит, а слова не вымолвишь.

Спросил он о Клаве будто невзначай: что, мол, она там, и как ее дела идут? И почему их адрес солдатский забыла? Дружок тоненько присвистнул в ответ, махнул рукой: «Беда приключилась с Клавой. На прицепе работала. Ветер там, что ли, поднялся, в общем, черная буря, ни черта не видно. Ну и попала она... Покалечило ее железо. Сейчас без ноги... Чего уж тут писать, тревожить зря, ясное дело...»

Полетело наутро к незнакомой девушке Клаве от незнакомого солдата Ивана письмо.

О чем писал ей Иван? Какие слова нашел? Нашел человек слова. И, наверное, очень простые. Единственные.

Свой короткий солдатский отпуск, полученный от командования за отличную службу, Иван Штефаненко провел в тот год в Ейском свиносовхозе, в доме Клавы. Тогда и поженились.

Так Иван появился лет восемь назад в совхозе. Людей потрясла история их любви.

Совхоз издавна свиноводческий. А Иван долгое время был как бы в стороне: ведь он механизатор. И слесарь первоклассный. А тут еще одну специальность приобрел: новый директор Карабак послал его на курсы регулировщиков топливной аппаратуры.

Вернулся Иван в совхоз и видит, что многое здесь изменилось. Построена мастерская, новенький клуб, парк заложен, новая улица выросла, совхоз впервые выполнил план по сдаче зерна и мяса. В 1959 году сдали около 10 тысяч центнеров свинины — такого еще не бывало!

Иван Антонович Карабак, новый директор, получил хозяйство, мягко говоря, незавидное, полуразрушенное, разбазаренное, с огромным долгом государству.

Быть может, не было хороших людей в коллективе? Не было коммунистов? Были. И не раз говорили друг другу правдивое. Но не было, как говорят, сильной руки, «рисковой» головы, размаха в планах на будущее.

Слова «мечта» эти медлительные, грузные люди стеснялись.

Пришел Карабак. Не то чтобы он рвался в Ейский совхоз. Скорее наоборот. Но уж коли назначили, так надо действовать. Таков этот человек, бывший боевой летчик и кубанский партизан, за плечами которого не одно поднятое после войны хозяйство. А это значит — знание людей, умение работать с ними.

Пригляделся новый директор к Ивану Штефаненко: молодой коммунист, мастер на все руки по части машин и умница.

Когда Максим Кухтик, бывший в то время бригадиром на второй свиноферме, ушел в отпуск, заменить его временно директор поручил Ивану. Мало кто понимал ход директора. Парень-то неплохой, да вроде несерьезен. Как отработал свое, так заводит машину — и айда на рыбалку, а то в город: покататься с молодой женой. Но Иван Антонович благословил Кузьмича:

— Год только начался, свиней сейчас немного, ты приглядись, что там и как, помоги свинаркам, как коммунист. Как механизатор...

Это было в январе 1960 года. Страна уже знала имена Ярослава Чижа, Николая Мануковского, Татьяны Перешивко.

Сейчас Иван признается, что выступление Чижа он сразу же вырезал из газеты и постоянно имел при себе. Не для памяти, конечно, таскал; то и дело он вчитывался в скупые строки. Теперь Иван поновому смотрел на свинарник. Здание большое, добротное, на Кубани такие «дворцы» для свиней построили давно. А внутри не развернуться: свиньи по две-три в клетушке. И вот Мария Карповна Бут чуть ли не тридцать лет каждой хрюшке персонально по нескольку раз в день таскает корм. Каждой! А их у нее и сто бывало, и полтораста, и даже двести. И Женя Терещенко, и Лида Переверзева, и Галя Сергеева от зари

до зари не выпускают из рук вил и ведер.

Кузьмич выбросил из свинарника перегородки, и сразу стены как бы раздвинулись. А что изменилось в организации откорма? По-прежнему свиней обслуживали люди: корм доставлялся под каждый пятачок персонально. А ведь сам-то пятачок приспособлен для большего — для того, чтобы добывать корм! Для того, чтобы нажать на клапан автопоилки. Для того, чтобы рыть корнеплоды, либо топинамбур, либо клубни картофеля.

Мысль работала все смелее и смелее.

Сначала поля газетных полос, а потом и страницы тетрадки заполнились колонками цифр. Кузьмич взялся за карандаш, он сделал то, что давно пора было сделать зоотехнику...

Вернулся из отпуска Кухтик, и не узнал он своей фермы. А девчата, как увидели Максима Филипповича, рассудили по-своему: вернулся Кухтик — и останется песня, начатая Кузьмичом, недопетой. Вот тогда-то и взбунтовались их сердца против старого, против всего, что Кузьмич приговорил к ломке, к изничтожению!

Пришли гурьбой к Ивану Антоновичу. Толпятся в дверях, платки на сторону сбились, протестуют всем своим видом, всем нутром своим. «А против чего?» — не понял вроде директор. Тогда Женя Терещенко сказала:

— Кухтик вернулся, та мы ж не согласны. Нам Кузьмич по душе. Он и дило по-другому, по-передовому повернул. Как в газетах! И мы,—говорит,—не хуже того Чижа можем зробыть. С Кухтиком гроши получали и в навозе по ноздри сидели. Не желаем больше! По тысяче свиней каждая может откормить!

Сказала так и сама испугалась — по тысяче! Хватила Женька!..

На душе у Ивана Антоновича все ликовало. Люди не желают попрежнему — значит, прежнему не бывать!

— Чего ж вы хотите, девушки?

— Кузьмича нам давайте, а уж свинки будут, как в учебниках прописано! — ответили и засмеялись озорно, видят, что давно понял их Иван Антонович и согласен с ними.

Ушли. Карабак пристукнул кулаком по столу, будто припечатал на решение девчат гербовую печать.

— Отчего так крепко? — спросил неслышно вошедший в кабинет главный инженер совхоза Григорий Лазаревич Шеховцов.

Лет шесть инженерит в совхозе Григорий Лазаревич. Из института пришел. К машинам при нем в совхозе стали относиться бережно и любовно. Так вот, давно уже замышлял главный инженер сконструировать новинку. Мечтам рисовалась машина, автоматически распределяющая корм по кормушкам. Но как ее сделать,— в свинарнике тесно?

О давней думке инженера и вспомнил сейчас Карабак.

— Молчишь, бог механизации? А тебе молчать никак нельзя! Тебе отныне первое слово. Тебе и Штефаненко.

— Ивану? Почему ему? Кухтик вернулся, Штефаненко в мастерской нужен. И завмастерской взбунтуется...

— Взбунтовались первые свинарки,— улыбнулся директор. И он рассказал о шумном «ультиматуме» девчат со второй фермы. И еще директор рассказал о том, как вчера...

То был воскресный вечер. Февральская темень ранняя, беспросветная, даже огни совхозной улицы едва осиливают ее.

Иван возвращался с фермы. Натолкнулся на мужиков — соображали, как бы «отметить» воскресенье. Окликнули Ивана:

— Кузьмич! Ты? Давай подруливай. Что смурной такой?

— С работы я... Здорово! Привет.

Кто-то предположил, что Кузьмичу с хавроньями жаль расставаться.

— С форсункой не потолкуешь, Кузьмич, верно? А со свиньей хоть о музыке рассуждай!

Долго, кашляя, смеялись.

И тут кто-то, кажется, Кузнецов, предложил:

— Давай, Кузьмич, возьмем себе на откорм сотен по пять свиней.

Иван дрогнул — его мысль! Человеку, по природе своей скромному, подчас бывает трудно сделать на людях шаг к доброму: этот шаг ему кажется картинным, скажут, выскочка. Но вот представлен жизнью случай, и человек смелеет.

— Пятьсот, говоришь? — оживился Иван.— Пятьсот теперь любая свинарка откормит. Я две тысячи откормлю!

Все замолкли: Кузьмич вроде не шутник по характеру. А Иван попросту был рад случаю вслух сказать о том, что давно замыслил, да все не решался: что от души это, не поверят.

— Да, брат, хватил ты!..— протянул бывший в компании зоотехник.— Это живые организмы, к каждому подход надо...

Иван плохо следил за ходом бесцветной мысли. Он думал о другом: надо бы к директору заглянуть, решить уж сразу...

Он переступил порог кабинета. Карабак оторвался от бумаг.

— Думка у меня, Иван Антонович, дурная...

— Это какая же?

— Хочу в свинари податься. Возьму группу, как Чиж.

— Шестьсот? — быстро спросил Карабак.

— Да нет, можно и побольше...

— Тысячу? Да не тяни же, Кузьмич! — Директор привстал.

— Две.— Иван поднял глаза.— Две тысячи. Это вполне можно.

— Ах ты чудо-человек? Да разве ж это думка дурная? Пиши заявление. С просьбой о переводе...

...Главный инженер слушал, что произошло здесь в воскресный вечер, а сам думал о своей машине. Год прошел, а дальше общих мыслей о конструкции дело не двинулось. Один не воин... Теперь иное. Что задумал Штефаненко, пока не ясно, но помочь парню надо: он технику любит и знает ее не хуже механика.

Это случилось в середине февраля. Но до марта свиней Ивану не давали: где ж их взять, две тысячи? На других фермах?

Иван не один писал заявление о переводе в свинари. Нежданная волна подняла многих. Но он один не отступил позже, когда увидел, что кое-кто склонен забыть о брошенном им вызове.

Однажды Иван пришел на планерку, которая ежевечерне проводилась в кабинете Карабака, и сказал там прямо, что не таким свинарем собирался быть.

— Отступного даешь? — съехид-

Елка в Кремле.

Фото А. Гостева.

«СЕГОДНЯ ОЧЕНЬ ВЕСЕЛО У НАС В КРЕМЛЕ» — такую песню поют ребята на елке в Большом Кремлевском дворце. Ребячьим радостям здесь нет предела. Веселье начинается уже в Тайницком саду, где можно покататься на пони, на оленях и даже съехать вниз с необычной горки — бороды богатыря. А в самом дворце ребята смотрят представление «Веселый календарь», кружатся вокруг елки в танцах и хороводах.

Вечером 3 января, когда в Большом Кремлевском дворце собрались на праздник елки ученики ремесленных и технических училищ, в гости к ним пришел Никита Сергеевич Хрущев с членами семьи и первой своей учительницей Лидией Михайловной Шевченко.

Н. С. Хрущев и Л. М. Шевченко на празднике новогодней елки в Кремле.

Фото А. Устинова.

Кузьмич на работе. Вот так теперь выглядит свинарь: в руках не кнут, а руль, на пастбище не сотня, а полторы-две тысячи свиней сразу, корма по кормушкам распределяет автораздатчик.

Фото Е. Шулепова.

ничал ветврач.— Это тебе не в газетку писать...

— Я предупреждал,— напомнил зоотехник,— к животным подход нужен.

— И к людям тоже,— отрезал Иван.— А подход ко мне простой. Я требую поросят, которых я взялся откормить, требую переоборудовать корпус, сделать летний лагерь, поставить самокормушки.

Ветврач зло продолжил:

— Дайте ему еще человек пять для подвозки кормов, двоих скотников для очистки помещений, и он тогда поедет на слет передовиков. Знаем, как делают тысячников!..

Поднялся шум. Иван Антонович размышлял о том, что затеяно грандиозное дело и мороки с ним много. Доля истины в словах ветеринара есть, для него, директора, не секрет, что за тысячниками нередко стоят два-три, а то и больше подсобных рабочих: должен же кто-то действительно возить корма!

И, словно отвечая на мысли директора, Иван сказал:

— А насчет людей, так я сам буду откармливать группу. Один! Никаких подвозчиков, никаких скотников!

Снова шум: горяч парень, заносит...

— Для этого я требую,— продолжал Штефаненко,— не только срочно перестроить ферму, но и дать мне трактор!

— А «Волгу» тебе не надо? — выкрикнул кто-то.

— У меня «Москвич» свой есть, этого хватит! А вилами ворочать я не собираюсь. И с кнутом бегать не буду, мне нужен электропастух. Я свинарь! Не свинопас, а свинарь-механизатор!

Трудно сказать, как обернулось бы дело года два-три назад. Но сейчас Ивана поддержали. Нет, не зоотехник с ветеринаром, а... механизаторы. Встал механик Борис Поляков: дать Кузьмичу трактор! Встал главный инженер: будет ему авторазгрузчик кормов!

Иван Антонович поднял голову, коротко резюмировал:

— Штефаненко получит и свиней, и трактор, и все, что потребуется в дальнейшем. Пришло время реорганизовать откорм. В помощи нуждается не только Кузьмич. Полторы тысячи взялась откормить Женя Терещенко. Надо думать и о других фермах...

Наутро Штефаненко пригнали поросят. Визг, бестолковщина, огромная подвижная масса. И все же работа пошла веселее. Иван сутками пропадал на ферме. Пришло время порыбалить, но ему даже поспать было некогда. Нервы, как струны, вот-вот сдадут. То нет леса на летний лагерь, то агроном медлит с зеленым конвейером, а без него нельзя.

Шли месяцы. Сейчас кажется, что все это было давно, а быть может, и вовсе ничего не было... Не было ночей, проведенных с главным инженером в мастерской, где они мудрили над авторазгрузчиком кормов. Не было дней и ночей, когда он конструировал свою универсальную тележку-саморазгрузчик... Было, было!

Год, равный многим!

Была Москва, был Кремль, Всесоюзное совещание передовиков соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда. И Штефаненко на трибуне этого совещания! Речь Никиты Сергеевича Хрущева. Иван и сотни таких же, как он, разведчиков будущего! Снова разведчик, как в годы опаленного войной детства...

Новые радости, новые огорчения. Радости оттого, что поросята росли не по дням, а по часам. По часам в буквальном смысле. Позже, глубокой осенью, плановик-экономист Николай Павлович Мерзляков подсчитает, что на получение центнера привеса в группе Штефаненко в среднем пошло немногим больше полутора часов!

Иван все время считал. Считал каждую кормоединицу, каждый рубль. От услуг авторазгрузчика, в создании которого сам принял участие, он вскоре отказался: зарплата шоферу и бензин стоили немало. Решил возить корма своей группе сам, тогда и сделал он для загрузки кормов универсальную тракторную тележку, механизм которой приводится в движение от вала трактора. Сразу стало легче. Теперь уж Иван не проводил на ферме по двенадцать — пятнадцать часов. Включит мотор электропастуха — и свиньи бегут в летний лагерь. Иван тракторным скребком сдвигает навоз. Выключит мотор — и свиньи, «заслышав» тишину, сами устремляются в корпус, где их ждет чистота и прохлада.

А Штефаненко считал, считал...

Еще в начале весны он совершил поступок, который вызвал среди совхозного люда кривотолки.

Как-то Иван сидел возле плановика, просматривал его расчеты по кормам, амортизации помещения и трактора, по накладным расходам. А зарплата? Какая ему, Ивану, приходится зарплата? Ведь и она ложится на стоимость продукции. Подсчитали...

— Сколько, сколько? — поднялся Иван.

— Да вот, сам считай,— отложил карандаш Николай Павлович,— тысяч восемь, а во время летних привесов и все девять, пожалуй, будешь получать. Заводи, брат, книжку!

Иван быстро пересчитал: за каждый центнер привеса — шесть рублей, а за каждый сверхплановый центнер — вчетверо больше! Зачем же вчетверо? К тому ж у него теперь не две, а три с половиной тысячи голов, значит, только планового привеса он получит раз в десять больше, чем обычный свинарь. Что же это получается? Он заменил тринадцать человек, двадцать шесть лошадей, заменил трактор — это все минус. Сократил накладные расходы — минус. А сам, оказывается, будет получать по семь — девять тысяч рублей в месяц — так то ж плюс к стоимости свинины. Да еще какой уродливый плюс! Так не пойдет.

Иван молча взял листочек с расчетами плановика, взял шапку — и к директору.

— Я отказываюсь от дополнительной оплаты!

— Как отказываешься? — не понял директор.

— Не совсем, конечно,— улыбнулся Иван.— Просто я не согласен с таким начислением. Поймите меня, Иван Антонович, я стараюсь копейки экономить, а Мерзляков нацелился по девять тысяч в месяц мне начислять. Пора отказаться от такой прогрессивки. Она вроде за дополнительный труд, а я разве перетруждаюсь? Сейчас я вольный казак на тракторе! Даже девчатам из соседних корпусов помогаю: иной раз зеленку им вожу. Да еще Женю учу трактором управлять!

— А рыбалить успеваешь? — спросил Карабак. Все больше и больше нравился ему этот парень.

— Рыбалку забросил. «Москвич» без резины... Пришлось трактор обуть...

Директор слышал об этом.

— Резину мы тебе поможем достать. А насчет дополнительной оплаты скажу: нельзя рубить сплеча. Принцип материального поощрения! Свинарки не поймут...

— Да зачем же вчетверо переплачивать?

Иван показал расчеты плановика, все обстоятельно объяснил. Карабак понимал свинаря, но дело уж больно щекотливое, как пойти на такое?

— Да что вам, расписку, что ли, написать? — спросил Иван.

— А ты думал? Речь-то пока только о тебе идет,— с каким-то озорством тряхнул чубом директор.— Пиши!

Короче, резко снизили премиальную сумму, причитающуюся Кузьмичу за перевыполнение плана привеса. Но и после этого Иван получает около двух тысяч рублей в месяц.

...Вот такой он, Иван Штефаненко!

Я повстречался с ним в кабинете первого секретаря Ейского горкома партии Павла Трофимовича Афонина.

Иван докладывал: всего набрал для выращивания и откорма 4 245 голов, свиней сдавал средним весом в 97 килограммов.

— А себестоимость? — спросил секретарь.

— Вот справка, плановик наш подсчитал: в 173 рубля 27 копеек обошелся центнер привеса.

— Это же получается, что ты почти полмиллиона рублей экономии дал совхозу. Хорошо, Иван Кузьмич!

Иван тогда же рассказал Павлу Трофимовичу, как ему представляется организация откорма в третьем году семилетки. Оборудуется новый корпус. Директор и партийное бюро согласны, что там надо сосредоточить весь откорм. Если наладить гидроустановку для смыва навоза, то Иван один сможет обслужить и пять и шесть тысяч свиней.

— Даже сумею гектаров двести, а то и больше в зеленом конвейере обработать,— сказал Штефаненко.

— Значит, ферма? — спросил секретарь.

— Ферма, Павел Трофимович.

— А ты фермер?

— Советский же!

— Может быть, ты прав. Но чтобы тебе взять весь откорм в совхозе на себя, потребуется звено. Надрываться ни к чему. Надо перейти как бы на поточную линию. Понятно? Одна ферма получает поросят, вторая доращивает их, в третьей, например, у Штефаненко, идет откорм.

Это были и его, Ивана, мысли. Поточная линия! И тогда не нужны ни бригадир, ни учетчик, ни подвозчики кормов...

Вернулся домой Иван почти в полночь. Вскоре лампа помигала и погасла — движок замолк. Повесил костюм, снял галстук. Уснуть сразу Иван не смог: разговор в горкоме не выходил из головы. Алгебраические формулы, над которыми бился в вечерней школе, оживали: вместо безликих «а» и «в» стояли конкретные цифры. Прав Афонин. Звено — пусть даже в пять человек — сможет сдать хорошим весом около двадцати тысяч свиней. Тогда совхоз получит более миллиона рублей экономии. А точнее — где карандаш? — 1 миллион 173 тысячи...

И засыпая, он считал, думал о будущем своего совхоза. Нужен еще мотор. Нужно учиться. Осенью — в техникум. Ферма, а он советский фермер... Безграмотности, вилам, растащиловке вход в коммунизм воспрещен!..

Будильник протрезвонил ровно в четыре. Иван спал. Разбудил его дождь. На дворе стояла зима, но рядом было море, и дул теплый ветер. Родился новый день.

Капитан Конг Ле.

Лаос будет свободным

К. ПЕРЕВОЩИКОВ

Отряд народных войск Патет-Лао на марше.

Заметки советского журналиста отражают положение в Лаосе незадолго до того, как мятежные банды Носавана, снаряженные американскими империалистами, поддерживаемые реакционными силами Южного Вьетнама, Таиланда и другими, вошли в героически оборонявшийся Вьентьян.

Медленно катит красновато-коричневые волны кормилица Индокитая река Меконг. Словно не воду собрала она в свое русло, а кровь борцов за свободу вместе с землей, за которую они боролись.

Набережная Вьентьяна... На тротуаре играют дети. Девочки расчертили «классы» и гоняют по ним стекляшку. Мальчишки, совсем как на московском дворе, азартно сражаются в футбол.

Глядя на все еще мирный ритм жизни в столице Лаоса, можно было подумать, что не было в течение всех этих дней артиллерийского обстрела с таиландского берега. Нет, это впечатление обманчиво. Здесь никто не забыл об опасности, грозящей из-за Меконга.

Сколько крови уже пролили лаотянцы, убивая друг друга в братоубийственной войне! Без преувеличения можно сказать, что за каждой такой жертвой стоит американский империализм. Я беседовал с чиновниками и офицерами, крестьянами и торговцами, с простыми людьми и министрами. Ответственные чиновники показывали мне документы, неопровержимо раскрывающие руководящую роль американцев в разжигании гражданской войны. К этому и была направлена вся их «помощь» Лаосу. Более 40 миллионов долларов ежегодно выделяли США на военные цели и только 1,5 миллиона — на «техническую» помощь: строительство дорог и других объектов, небесполезных, впрочем, и в военном отношении. Но и эти деньги шли в большей части на подкуп военно-правительственной верхушки.

Получая американские подачки, носаваны и их присные мешали установлению мира в стране, травили прогрессивных деятелей, превращали Лаос в военную базу США. Не прочь были погреть руки и сами американцы. Даже руководитель «оперативной миссии США» Де Поль был уличен в финансовых подлогах. Да и помощник государственного секретаря Г. Парсонс, тот самый, что приезжал в Лаос, Таиланд и Южный Вьетнам для мобилизации сил реакции против законного правительства Лаоса, сам приложил руку к темным махинациям соотечественников. Будучи в то время послом в Лаосе, он усердно выгораживал взяточников, расхищавших средства, ассигнованные на строительство железной дороги к резиденции короля в Луан-Прабане. Не построив этой дороги, да и вообще ничего не построив в Лаосе, американцы зато хорошо подготовили Таиланд к переброске войск и снаряжения мятежному генералу, прозванному народом лаотянским Мобуту...

...Деревня вблизи фронтовой линии, к юго-востоку от столицы. Рыбная ловля и выращивание риса здесь главные занятия крестьян.

У раскидистого зеленого бамбука в протоке ловил сачком мелюзгу крестьянин средних лет. Мускулистый, невысокого роста, обнаженный по пояс, он остановил взгляд на мне с выражением недоумения.

— Меня зовут Хонгс. Откуда появился тут белый? — спросил крестьянин у приехавшего со мной чиновника.— Ведь Конг Ле освободил страну и американцев сюда, наверно, не пускают?

— Это русский,— пояснил чиновник.

Нас уже окружала толпа. Я спросил у крестьян, что они думают о генерале Фуми [1]. Ответил сельский лавочник, вылезший с сеткой из воды. Человек он был грамотный и, видимо, пользовался на селе уважением.

— Носавану у нас не верят. Он делает то, что нужно американцам.

Есть у нас притча о супругах-колдунах Бак Таме и Ай Там. Вздумали они завладеть государством. Ночью украдкой преобразились один в жениха-принца, другая в невесту-принцессу, а настоящих молодых изгнали из дворца. Но их скоро узнала дворцовая стража. Колдуны едва успели унести ноги восвояси.

Так оно получается и с американцами и Носаваном. И он и они надели на себя красивую маску наших друзей. Но конец их будет таким же, как в этой притче...

Толпа крестьян все росла. Подошел один из солдат, расположенных в деревне, охранявших дорогу к фронтовой линии.

Послушав нашу беседу, солдат задумчиво сказал:

— Долго что-то мы ждем! Надо идти вперед, к гнезду предателей-носавановцев, в Саваннакет. Они там получают новое оружие от американцев, собирают новую армию. В Паксейне мы разгромили их без особого труда. Непонятно нам это промедление...

В самом Вьентьяне все больше чувствовалось, что готовятся новые удары реакции. Город кишел американцами, южновьетнамцами, чанкайшистами, носавановцами. Одни из них выкрадывали детей офицеров, чтобы вынудить родителей перейти на сторону мятежников. Другие подкупали чиновников, членов парламента, готовили заговоры и диверсии. Третьи собирали шпионские сведения.

В столице ползли раздуваемые кем-то тревожные слухи. Торговцы спрашивали всякого приходящего в магазин:

— Что будет дальше? Выписывать ли нам из-за границы новые товары?

И, очевидно, большая часть посетителей-иностранцев отвечала: «Не надо!»

Таиланд по указке американцев объявил Лаосу экономическую блокаду. Местные торговцы, напуганные слухами, сократили ввоз продовольствия. Не хватало риса. Исчез из свободной продажи бензин. Правительство вело трудную борьбу за поддержание нормальной жизни населения.

А в реляциях иностранных корреспондентов, в основном американских, шла все та же кампания травли законного правительства Лаоса. Ему грозили, от него требовали уступок, на него клеветали. И все это было дымовой завесой, под прикрытием которой шла лихорадочная подготовка к вооруженной интервенции.

* * *

Носавановцы, вооруженные американскими танками, бронетранспортерами, артиллерией, после ожесточенных боев захватили Вьентьян. Американские империалисты еще раз показали всему миру, что для достижения своих хищнических целей они не брезгуют никакими средствами.

Но борьба народа Лаоса не окончена. Американская военщина и ее прихвостни будут в конечном счете разгромлены. Уже поступают сообщения о том, что боевые части Патет-Лао вместе с подразделениями капитана Конг Ле освободили ряд важных пунктов. Народ не сложит оружия, пока не обретет свободу, ради которой он ведет многолетнюю самоотверженную борьбу.

[1] Так в народе называли мятежного генерала Фуми Носавана.

ГНЕВ НАРОДА

Они просчитались. Они вызвали на себя гнев бельгийского народа и теперь, пытаясь задушить всенародное движение, посылают против рабочих демонстраций конную жандармерию, вызывают войска, производят массовые аресты.

Кто они? Это те, кто окончательно скомпрометировал себя позорными авантюрами в Конго. Те, кто теперь пытается взвалить бремя колониалистских расходов на бельгийский народ. Те, кто стремится сохранить чудовищные доходы капиталистов за счет нового наступления на права трудящихся. Это разжиревшие на многолетнем грабеже колоний бельгийские монополисты и их приспешники из правительства Эйскенса.

Но рабочая Бельгия единодушно выступила против кабальных планов, против «закона нищеты». Трудовая Бельгия объявила забастовку. Остановился транспорт. Закрылись ворота заводов Брюсселя, Гента, Остенде, Шарлеруа, Льежа, Боринажа, Намюра. Замер громадный порт Антверпена, один из крупнейших в мире.

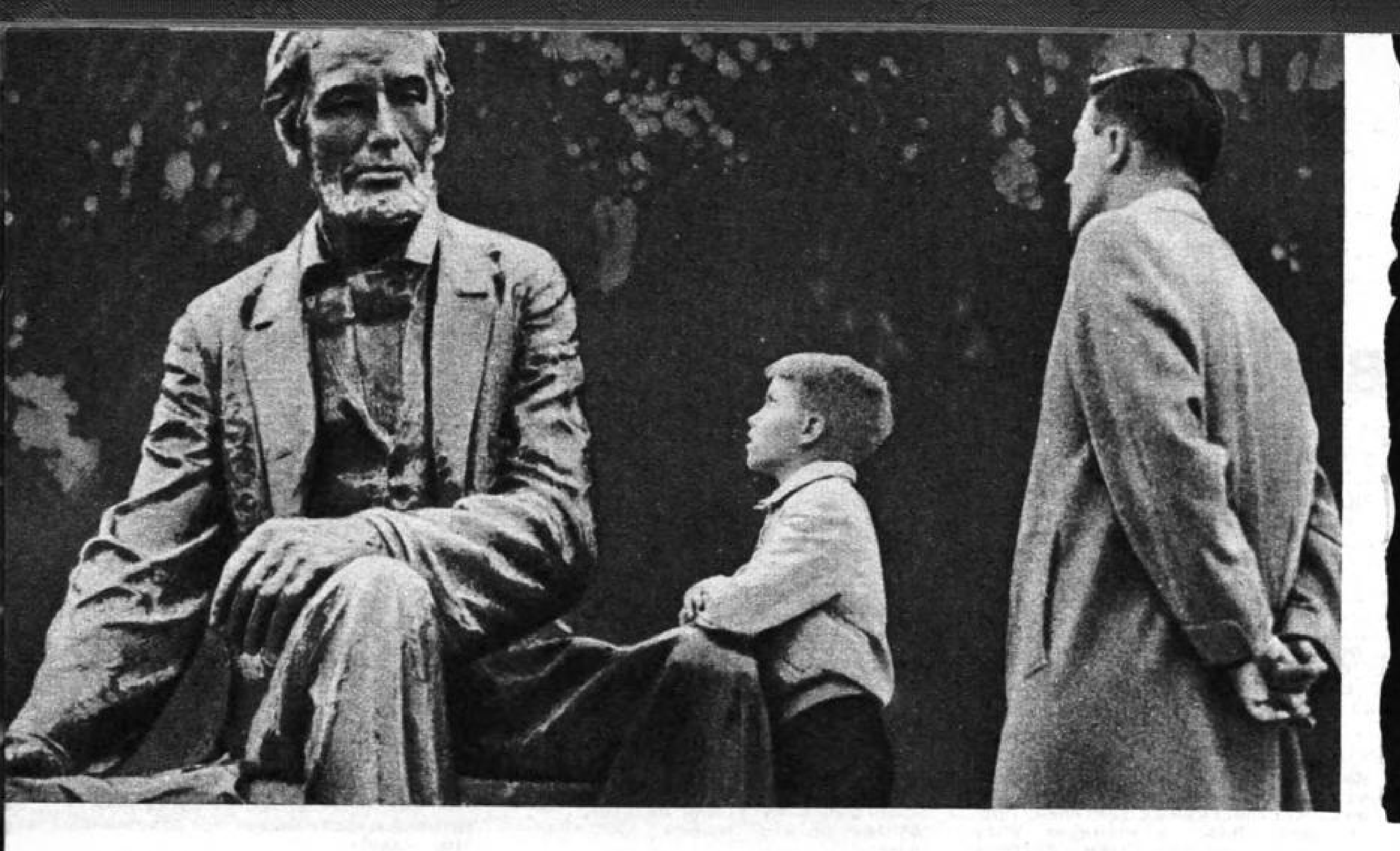
Бельгия вышла на улицы. Сотни тысяч демонстрантов несут плакаты протеста. Они требуют отклонения позорного законопроекта, отставки правительства, сокращения военных расходов. «Пусть капиталисты сами расплачиваются за свой позор». «Нет и нет правительству Эйскенса».

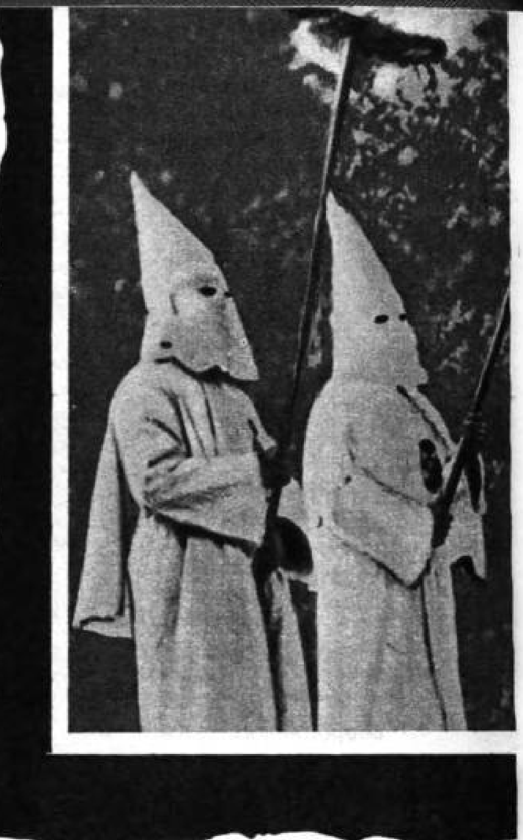
Капиталисты просчитались. И вот здание парламента ощетинилось рядами колючей проволоки. На разгневанных бельгийцев наведены пулеметы броневиков.

Но рабочий класс Бельгии, начавший одну из величайших битв за свои права, не позволяет себя запугать. Он полон решимости бороться до победы.

Народ против жандармов.
Фото из газеты «Де роде ваан».

АМЕРИКА СМОТРИ

Г. ГУРКОВ, В. КАССИС

Он сидит на каменной скамейке в тенистой аллее парка. Грустное, задумчивое лицо. Большие руки лесоруба.

Возле него любят играть дети. Сюда часто приходят взрослые: постоять, помолчать, подумать. Подумать о прошлом, настоящем и будущем своей страны, которую когда-то вел путем свободы и справедливости Авраам Линкольн.

«Я вижу в ближайшем будущем приближение кризиса, который заставляет меня содрогаться за судьбу государства... Властители денег будут пытаться укрепить свою власть в ущерб народу, пока все богатства не сосредоточатся в руках немногих и республика не будет подорвана» — эти слова около ста лет назад услышала Америка. Уже тогда, в эпоху подъема капитализма, Линкольн зорким и заботливым глазом гражданина и президента увидел в американском обществе черты загнивания. Увидел пороки, которые сегодня превратили Соединенные Штаты в то, чем они стали: в цитадель империализма, оплот колониальной реакции, в мирового жандарма.

Любыми средствами — от резиновых дубинок до авианосцев — правящие круги Америки пытаются задержать, отодвинуть гибель старого мира.

Крупнейшие монополии США, стоящие за Белым домом, госдепартаментом и Пентагоном, живут войной, гонкой вооружений. Это они, хозяева сегодняшней Америки, посылают бомбардировщики чанкайшистскому отребью на Тайване, вооружают наемников марионетки Нго Динь Дьема, возрождают коричневую армию в Западной Германии.

И в то же время киты большого бизнеса не прочь поговорить о традициях доброй старой Америки, Америки Линкольна, Америки Джефферсона.

Снимок, который мы воспроизводим в нашем журнале, использовала для рекламного объявления американская фирма «Пауэр компаниз». Ему была предпослана высокопарная декларация. Вот ее текст: «Наследие молодого американца состоит из многих хороших вещей. Он живет в стране процветания. Имеет все возможности для достижения целей. Нацией мудро руководили великие сыны Америки прошлого. Эти лидеры знали, что страна преуспевает наилучшим образом, когда ее народ пользуется независимостью — свободой трудиться и мечтать... Этот принцип должен постоянно учитываться, чтобы будущее принесло стране еще больший прогресс и растущую мощь».

Свобода трудиться! Что, кроме горькой улыбки, могут вызвать эти слова у миллионов безработных Америки! Официальные правительственные бюллетени США бьют тревогу: сорок восемь из пятидесяти американских штатов сообщают о росте безработицы.

«Число безработных — рекорд!» — передает корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс из Вашингтона. Вряд ли такой бравый репортерский стиль, быть может, уместный на спортивных состязаниях, подходит для рассказа о человеческих трагедиях, упрятанных за цифры сводок!..

Свобода мечтать! Вероятно, эти замечательные слова услышали на школьных занятиях четыре девочки-негритянки из Нового Орлеана. И они хотели бы верить этим словам. Но верить трудно. Когда девочки, сопровождаемые вооруженной охраной, идут в школу, расисты осыпают их бранью, бросают камни, плюют в лицо.

«У нас будет сегрегация в школах!» — под таким лозунгом расисты устроили демонстрацию. Они пронесли по улицам Нового Орлеана чучела людей с петлями на шее. Куклуксклановцы штата Джорджия организовали манифестацию в поддержку своих единомышленников. Мракобесы грозили смертью неграм и тем, кто их поддерживает. Главный оратор черносотенного сборища, некий Винейбл, заявил под одобрительный рев распоясавшихся молодчиков: «Нужно закрыть все школы в стране или сжечь их!»

Вот он, прогресс современной Америки, Америки империализма.

Именно таким «прогрессом» воротилы американского капитала, властители денег, как их называл Линкольн, хотели бы облагодетельствовать весь земной шар...

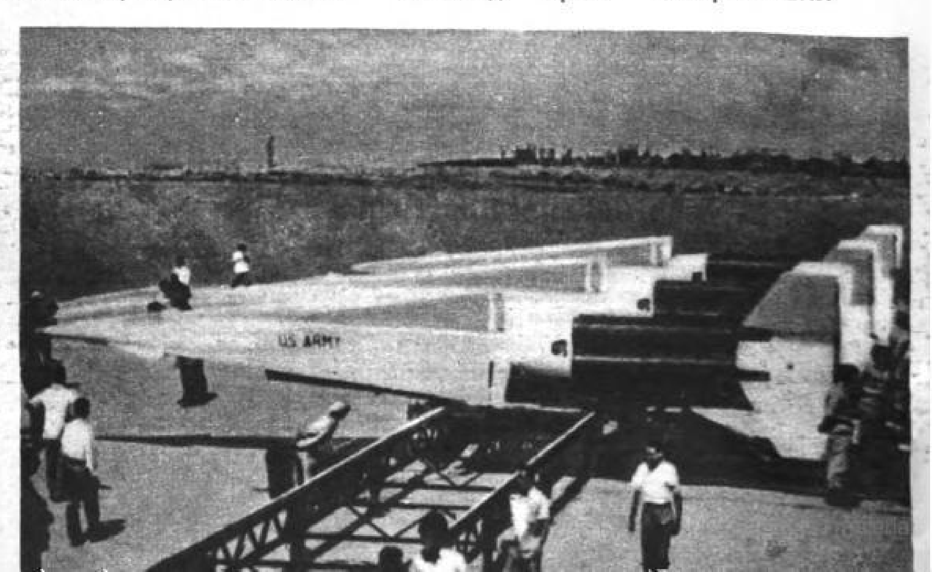
В Вашингтоне, на берегу реки Потомак, неподалеку от памятника Линкольну, находится мрачное здание, исподлобья поглядывающее на мир тусклыми глазницами окон, напоминающих бойницы. Это Пентагон, гнездо американской военщины.

Говорят, что коридоры этого здания похожи на лабиринт. Американская внешняя политика — политика провокаций и шпионажа, политика обострения международной напряженности — безнадежно запуталась в этом милитаристском лабиринте. Потребуется немало усилий, чтобы вывести ее оттуда. Будут ли предприняты такие усилия?

Вскоре после президентских выборов корреспондент агентства Юнайтед Пресс Интернейшнл

«Процветание», «изобилие», «классовая гармония» — вот традиционные выражения из лексикона пропагандистов американского образа жизни. Забастовочными схватками отвечает трудовая Америка на подобную болтовню о капиталистическом рае. На снимке: «Классовая гармония» во всей ее красе. Полиция разгоняет пикет бастующих. ←

→ Поддержка прогнивших режимов, отвергнутых народами, — американская государственная политика. Опасную игру с огнем затеяли руководители США, пославшие на Тайвань ракеты «Ника-Геркулес».

Горящие кресты ку-клукс-клана, угрозы и брань расистов против шестилетней девчушки, которая виновата лишь в том, что у нее темная кожа...

Т НА ЛИНКОЛЬНА

Стюарт Хенсли писал: «Когда новый государственный секретарь займет свое место 20 января, он, возможно, по крайней мере на несколько минут почувствует себя как человек, женившийся на привлекательной вдове и обнаруживший полный дом взрослых детей». Разумеется, речь здесь идет не о внешней политике США, которую никто не рискнет назвать привлекательной, хотя она и овдовела после кончины Джона Фостера Даллеса и бесславного провала неудачливого кандидата в президенты Ричарда Никсона. Нет, корреспондент имел в виду всего лишь респектабельный дипломатический аппарат: бесчисленных послов, советников, атташе.

Президентские выборы в США, как правило, вносят изменения в списки американского дипкорпуса. Обычно новый хозяин Белого дома не очень-то благоволит «взрослым детям», доставшимся ему в наследство, и передает их посты своим политическим сторонникам. Вот почему в последние недели необычное оживление царит на дипломатической бирже, которая переместилась в штаб-квартиру демократической партии.

«Штаб-квартира осаждается охотниками за посольскими должностями, предлагающими уплатить за назначение их послами США большие деньги,— сообщил американский журнал «Ньюсуик».— Так, один посетитель предложил, что он сделает взнос в фонд демократической партии в размере 250 тысяч долларов, если только Кеннеди назначит его послом в одну из пяти больших столиц». Другой посетитель оценивает должность посла несколько скромнее: он предложил только 150 тысяч...

Американские журналисты со всеми подробностями расписывают ожидаемые в госдепартаменте новшества: какой кабинет займет государственный секретарь на седьмом этаже «нового шикарного здания», какой мебелью этот кабинет будет обставлен... И лишь вскользь упоминают, что новый государственный секретарь, юрист Дин Раск, «возможно, будет проводить иную политику по ряду вопросов». А ведь не трудно заметить, что это — главное! Именно коренных изменений в политике, а не перестановки столов и стульев в госдепартаменте да назначения новых чиновников ждет Америка.

Миролюбивый и талантливый народ США может и должен играть в современном обществе совсем не ту роль, которую ему уготовили Трумэн и Форрестол, Эйзенхауэр и Никсон.

Америка смотрит на Линкольна!

Старый Айк, поведал миру американский журналист Джозеф Олсоп, был «глубоко возмущен» результатами президентских выборов. Он, оказывается, считал, что его репутация заслуживала избрания Никсона...

«Страна в целом явно не разделяет этой оценки,— комментирует Олсоп.— Все большее беспокойство охватывает значительное большинство людей. Это брожение началось с горького разочарования, вызванного запуском первого советского искусственного спутника. К настоящему времени чувство, что все идет как-то не так, как должно было бы идти, проникло почти всюду...

Несмотря на самодовольные заявления Пентагона, мировое соотношение сил продолжает ухудшаться. И после восьми лет, в течение которых выработка национальной политики проходила под знаком «прочного доллара», доллар оказался тревожно слабым на международных фондовых биржах, а сама американская экономика находится в состоянии застоя или еще того хуже.

Короче говоря, итоги, которые унаследует Кеннеди, являются печальными».

Да, с этим трудно не согласиться...

«Раз-два, раз-два!»
Снимок, который вы видите слева, был сделан несколько лет назад в Оук-Парке (штат Иллинойс). Эти мальчишки проходили тогда специальную армейскую подготовку при местной военной академии. Католическая монахиня активно участвовала в обучении будущего «воинства Христова»...

Где они теперь, эти мальчишки, которым вместо книг вложили в руки винтовки? Может быть, некоторые из них шагают сегодня по чужой земле, как эти американские парни (на снимке справа), которых авантюристическая политика правительства США забросила в Западный Берлин?

«Янки, убирайтесь домой!» — звучит сегодня на всех континентах.

Нефть и овцы

М. АНГАРСКАЯ

Древний русский город, издавна славившийся своими соловьями и непревзойденными по вкусу и аромату яблоками, сейчас завоевал новую славу. Здесь впервые в нашей стране на Курском заводе синтетического волокна стали получать золотое руно не из шерсти овцы, а из продуктов переработки нефти.

...Полиэтиленовые мешки, наполненные белым порошком, сокращенно именуемым ДМТ, поступают на курский завод со сталиногорского химического предприятия. Тут ДМТ подвергается самым причудливым изменениям. Вот он уже из сыпучего вещества превратился в жидкость. В следующем агрегате молекулы перестраиваются, занимают определенные места и, как бы взявшись за руки, вытягиваются в длинный ряд. Сквозь маленькое окошечко аппарата видно, как бурлящая масса, помешиваемая лопастями, становится все гуще и гуще. Так рождается заветная смола, которой впоследствии суждено стать тонкой прочной нитью.

Можно часами любоваться тончайшими, как паутина, золотистыми струйками расплавленной смолы, движущимися сверху вниз к прядильным машинам. Там они, остывая, превращаются в нити и наматываются на бобины.

Новорожденная нить еще очень слаба. Она требует немедленного «отдыха». Пожалуйста! Ей предоставлены для этого все удобства — отдельная комната с соответствующим среднеумеренным климатом.

Тут нити отлеживаются определенное время, проходят контроль и затем отправляются в свой дальний путь. В штапельном цехе их сматывают с бобин, объединяют в один общий жгут, а чтобы он стал прочным, его сильно вытягивают, изрядно закаляют, пропуская над перегретым паром и тут же охлаждая в ледяной воде.

Волокно готово, но ему еще надо придать красоту. Роль парикмахера выполняет особая машина. Она завивает волокно, делает ему «модный химический перманент». Теперь автоматы разрежут завитое волокно на штабеля и спрессуют его в тюки.

Так вот, оказывается, какой сложный путь должен пройти порошок — продукт переработки нефти, прежде чем стать белоснежной, шелковистой, легкой, как пух, шерстью!

...На одной из стен химического цеха висит фотография, запечатлевшая тех, кому довелось получить самый первый моток химической шерсти, ставший уже экспонатом Краеведческого курского музея. Веселые глаза вихрастого паренька, окруженного товарищами, смотрят на нас с фотографии.

«Химическая биография» Александра Медведева началась три года назад, когда он, закончив действительную службу в Советской Армии, поступил на строительство этого завода. А перед пуском предприятия вместе с другими рабочими он был послан, как лучший строитель, учиться на Мытищинский завод искусственного волокна.

Рядом с Медведевым, за соседним агрегатом, работает демобилизованный летчик Илья Поликарпович Копылов. Год назад гвардии подполковник Копылов вернулся к мирному труду и пошел на стройку завода. Теперь он один из лучших аппаратчиков.

На новое курское химическое предприятие принимаются люди только со средним техническим образованием: чтобы управлять капризными молекулами, надо много знать. Вот, например, Надежда Беликова, которую вы видите на обложке этого номера журнала, прежде чем перейти на «большой лавсан», долго практиковалась в штапельном цехе опытной установки, заканчивая одновременно Курское техническое училище.

Уже несколько месяцев, как страна получает из Курска химическое золотое руно, названное лавсаном. Так его назвали несколько лет назад, когда оно только родилось в небольшой пробирке в лаборатории Института элементоорганических соединений Академии наук СССР.

Сотрудники лаборатории, руководимой членом-корреспондентом Академии наук СССР Василием Владимировичем Коршаком, долго думали, какое имя дать этому синтетическому волокну, которому были посвящены почти два года упорного, кропотливого труда. Разные были варианты. Приняли предложение Коршака — назвать волокно лавсаном, в честь лаборатории, где оно впервые появилось на свет. Расшифровывается это название так: лаборатория высокомолекулярных соединений Академии наук.

Химическое волокно начало свою большую промышленную жизнь. Из него вырабатывают ткани и трикотаж уже несколько предприятий.

Костюм, сшитый из лавсана, обойдется в два раза дешевле, причем он будет обладать замечательными свойствами. Если в нем попадешь под дождь, он почти не промокнет, лацканы пиджака, складки на брюках совсем не сомнутся. Костюм будет выглядеть так, будто он только что отутюжен.

Каждый из нас знает, как трудно вывести пятна от сала, масла, краски. Если же вы испачкаете одежду, созданную из химической шерсти, не волнуйтесь: достаточно ее выстирать в теплой воде с мылом, и пятен как не бывало.

Мужчинам наверняка понравятся красивые, прочные лавсановые галстуки,— сколько бы вы их ни мяли, они все равно не сомнутся. А что касается женщин, то им готовится прекрасный подарок. Ивантеевская трикотажная фабрика приступила к производству меха из лавсана, имитирующего норку, обезьяну, выдру... Даже самая придирчивая модница не отличит лавсановую шубу от обезьяньей или норковой, разве лишь по ее цене, которая будет в десять раз меньше.

Не забыты и туристы. Они в самом ближайшем будущем смогут приобрести прочные, легкие плащ-палатки, созданные из нового волокна, паруса для яхт, а рыболовы получат великолепные сети.

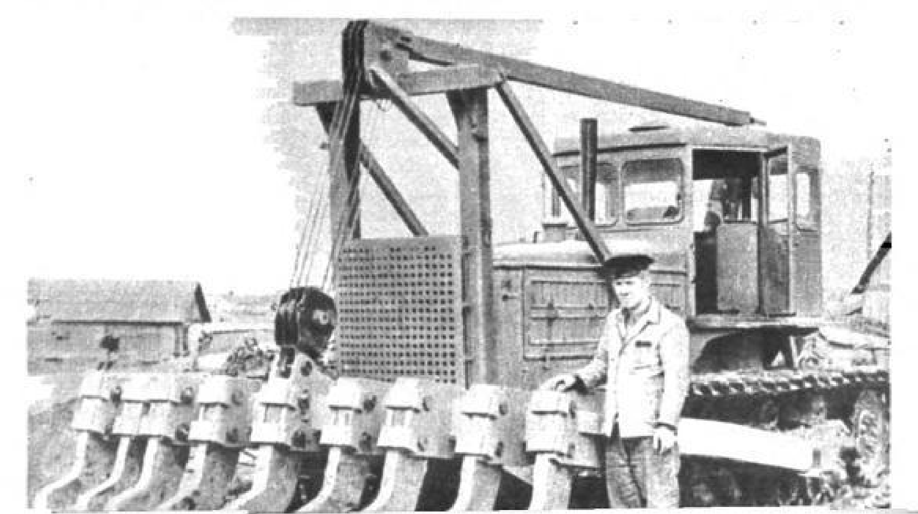
Не только в быту найдет себе применение новое золотое руно, но и в промышленности. На ленинградском комбинате имени Тельмана начали изготавливать техническое сукно из лавсана. Он с успехом будет применяться как изоляционный материал, его тонкой, прочной пленкой начнут пользоваться работники кино и фотографы. Из лавсана станут создавать транспортерные ленты, различные технические рукава, специальные ремни, химические фильтры.

Трудно перечислить всех «аргонавтов», приступивших к выработке красивых, прочных и дешевых изделий из нового золотого руна, и число их все время будет расти. Ведь в Курске вступил в строй основной корпус завода. И теперь это мощное химическое предприятие станет вырабатывать столько шерсти, сколько не под силу и целому миллиону овец!

Корчует, копает, пашет

Сотрудники Центрального научно-исследовательского института механизации лесной промышленности и коллектив Вологодского механического завода создали универсальный агрегат «КБК-3».

Это комплекс навесных орудий, смонтированных на тракторе. Наиболее важное из них — корчевальная рама, в которой закреплено девять металлических зубьев.

Агрегат «КБК-3» с корчевальной рамой. Фото автора.

С помощью корчевальной рамы за восемь часов можно выкорчевать от 200 до 1 200 пней, три гектара кустарника или мелколесья, извлечь и отодвинуть в сторону от 100 до 400 камней, взрыхлить и прочесать до четырех гектаров грунта, вспахать землю по методу Т. С. Мальцева.

Второе навесное приспособление агрегата — отвал бульдозера. За смену им можно выполнить в пять-шесть раз больше работ, чем бульдозером на тракторе «С-80».

Третье навесное орудие — каналокопатель.

Замена одного орудия другим производится за 15—20 минут. Управляют машиной водитель и помощник.

Н. ВОЛКОВ

НА НАШИХ ВКЛАДКАХ

Великий жизнелюбец

Давид ТЕНИРС
1610—1690

В разоренном, опустошенном испанским нашествием Антверпене в 1610 году родился один из крупнейших фламандских художников, Давид Тенирс; он был прозван младшим в отличие от своего отца, тоже художника, Давида Тенирса-старшего.

Внимание художника привлекал разнообразный люд, встречающийся на больших дорогах, толпящийся на улицах и площадях городов, ярмарках.

Иногда кто-то из этих персонажей попадает как бы в фокус наблюдений художника, и беглое жанровое изображение перерастает в портрет. Например, «Зубной врач». В центре композиции импозантная фигура врача, напоминающего деревенского колдуна. Его важный вид, меховая шапка с пером, удивительная одежда должны производить впечатление на больного.

Проще изображен «Курильщик», сосредоточенно, задумчиво покуривающий свою трубку.

Лучший в этой серии «Автопортрет. На постоялом дворе», где Тенирс изобразил себя среди своих любимых персонажей.

В этой картине Тенирс показал себя искусным режиссером. Умелыми приемами он концентрирует внимание на главной фигуре. Яркий свет выделяет художника, беседующего с трактирщиком; компания завсегдатаев кабака уведена в другую комнату, но внимательный взор отметит тонкую связь между двумя этими группами: портрет, небрежно приколотый к стене, вероятно, только что нарисован с одного из гуляк.

В «Автопортрете» Тенирс сдерживал свое пристрастие к натюрморту. Но есть картины, где всякого рода утварь становится самоцелью. Художник любил писать глиняные миски и мисочки, жаровни и глазурованные кувшины, графинчики, груды овощей, каски с плюмажами, колеты, мундиры — все с необыкновенным ощущением фактуры предмета и умением скомпоновать их.

Тенирс писал картины и на религиозные темы. Но он давал им яркую жанровую интерпретацию. «Искушение святого Антония» навеяно мотивами народных сказок и легенд. Здесь сельский музыкант, пиликающий на скрипке, деревенские сплетницы и «накрахмаленная» дама. И только змеи, жабы и разные чудовища, снующие вокруг, напоминают о том, что почтенного старца окружает нечистая сила.

Очень забавны картины с обезьянами. «Обезьяны, играющие в карты» — шедевр по изяществу живописи, по колориту, тонко наблюденным выражениям обезьяньих рожиц.

Знамениты в творчестве Тенирса сельские праздники.

Крестьяне поют и пляшут под музыку сельских музыкантов чаще всего где-нибудь во дворе, возле дома. Чуждым элементом вклиниваются в их общество знатные господа, приехавшие полюбоваться на веселье.

Художника часто упрекают в излишней идеализации крестьянского быта. Действительно, разоренное, обнищавшее крестьянство Фландрии в его картинах не нашло своего настоящего места.

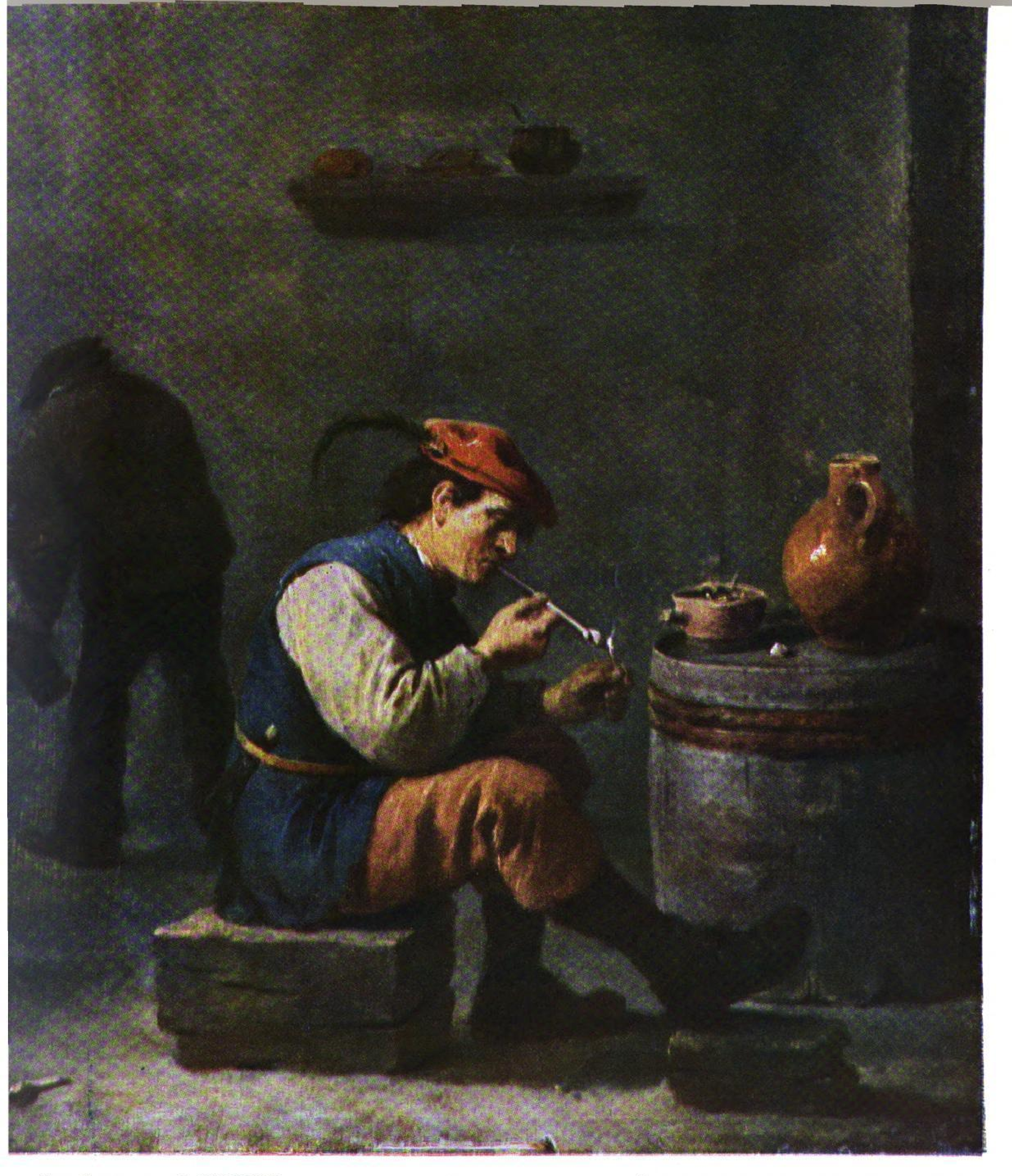
К одному из изданий своих произведений Тенирс предпослал обращение, которое как нельзя лучше его характеризует. Оно кончалось так: «Прощайте! Наслаждайтесь моими трудами так же благосклонно, как я вам их предлагаю...»

О. ЛАВРОВА

1610—1690
Давид Тенирс младший.

АВТОПОРТРЕТ.
НА ПОСТОЯЛОМ ДВОРЕ.
Дрезденская картинная галерея.

ДЕРЕВЕНСКИЙ
ПРАЗДНИК.
Государственный Эрмитаж. Ленинград.

Давид Тенирс младший. КУРИЛЬЩИК. **Государственный музей имени А. С. Пушкина. Москва.**

Всем, кто меня слышит

Повесть

Павел ХАЛОВ

Во второй половине декабря прошлого года в гостях у москвичей побывали писатели Дальнего Востока. Это была настоящая декада дальневосточной литературы в Москве. В числе произведений, привезенных в столицу, особое внимание привлекла повесть П. Халова «Всем, кто меня слышит». Это первая прозаическая вещь молодого талантливого хабаровского поэта.

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

1

Просыпаюсь я сразу. На двери каюты подрагивает солнечный зайчик. Странно: в подставке не звякает стакан, в ящике стола не елозит пухлая «Навигация»... Я с удовольствием оглядываю каюту, прислушиваюсь к шелесту океана за переборкой, к ровному глухому гулу машины, как будто все это слышу и вижу впервые. Через десять минут меня придет будить второй штурман — латыш Язеп. Я должен его сменять. Он до того высок, что в судовых помещениях ему приходится чуть-чуть пригибать голову, но мичманку он носит неизменно на самом затылке. Язеп молчалив и медлителен, у него волосы цвета старой с прозеленью меди, голубые холодные глаза, будто налитые до краев морской водой. Его легко узнать: зимой и летом он носит грубый, толстый свитер — не то коричневый, не то грязно-желтый — домашней работы...

Солнечный зайчик на двери слегка покачивается: вверх — вниз. Сначала он ползет от ручки к стеклу над дверью, потом нерешительно останавливается, тускнеет — к иллюминатору прихлынула прозрачная пузырчатая волна — и медленно, словно нехотя, опускается назад. Это значит — волнение не больше трех баллов.

Входит Язеп.

— Слушай, Язеп,— говорю я,— иди-ка ты к черту!

Это звучит у меня так радостно, что он недоуменно хлопает рыжеватыми ресницами и неуверенно произносит:

— Очен харашо... Я так и думаль!

Через несколько секунд его сапоги уже громыхают на трапе...

Нет, он не обиделся. Он меня понял. За целый месяц мы еще не сказали друг другу так много...

Я плаваю штурманом — третьим штурманом — первый рейс. У меня «пионерская», как говорят моряки, вахта: с 20 до 24 и с 8 до 12. Еще совсем недавно — месяц назад — я был рулевым матросом на «Индустрии», выхаживал после «мореходки» тридцатимесячный плавательный ценз. «Индустрия» — большой рефрижератор, 8 тысяч тонн. Стоять у нее на руле — одно удовольствие: электрическая рулевая машина, просторная рубка, выкрашенная белилами, большая осадка, слушается руля хорошо. И, главное, даже при восьми баллах она только степенно переваливается с борта на борт.

Всегда с болезненным сочувствием я глядел на встречные траулеры — неуклюжие тихоходные суденышки. На такой волне они прыгали, как поплавки. То провалится между двумя гребнями — только клотики торчат над белой пеной,— то взлетит на самый верх, и тогда видно, как винт молотит воздух. Но мне и в голову не приходило, что совсем-совсем скоро я ступлю на шаткую палубу такого же поплавка.

В клубе на Чуркином мысе я часто встречал ребят с тралового флота. Они всегда держались командами. В случавшихся потасовках эти угловатые парни становились спиной друг к другу, образовывая круг. Некоторых я знал в лицо. И при встрече небрежно здоровался: рыбаки...

Над Диомидом, где дремали траулеры, пришедшие с морей, в тихую погоду стоял тяжелый запах тухлой рыбы. Втайне всегда опасавшийся доброй качки, я с отвращением представлял себе, как выворачивает душу во время шторма этот невыносимый запах, и снисходительно жалел рыбаков.

12 июня «Индустрия» ошвартовалась в Находке. Капитан, высокий сухой старик, весь какой-то серебряный, пригласил в салон меня и Родьку Мещерякова. Мы сидели на громадном холодном диване, робея и смущаясь. Капитан прохаживался перед нами, заложив руки за спину. Потом остановился и, глядя куда-то в иллюминатор, отчетливо выговорил:

— Я позвал вас, товарищи, чтобы сообщить следующее: ваша практика закончилась. Сейчас ревизор принесет документы. Через несколько дней вы штурманы. Но напоследок хочу сказать несколько слов. Целый год плавания с вами дает мне право говорить так: Мещеряков, ты хороший рулевой и будешь неплохим штурманом. Но мой тебе совет — уходи с флота. Подальше от моря. Пропадешь. Ты не любишь флот. Ты болен. В двадцать три года эта болезнь неизлечима.— Голос капитана стал резким. Я невольно вздрогнул.—...Ты любишь только себя. Уходи...

Родька сидел, сжавшись, как для броска. Я украдкой посмотрел на него. Даже в сумраке салона было видно, что он смертельно бледен.

— Чебаков...— Жесткие глаза капитана вырвали меня из сумрака, отделили от Родьки. Я почувствовал, будто сижу на высокой сцене— маленький и жалкий — и всем видно, что у меня рваные ботинки. Несколько мгновений голос говорившего не доходил до моего сознания. Я только старался сделаться как можно меньше и спрятать ноги, но спрятать их было некуда. И я стал слушать— ...Вам,— он почему-то всегда звал меня на «вы»,— вам нужно идти на малые суда. Лучше всего — на СРТ[1]... Вы еще боитесь моря... Я говорил с капитаном Петраковым. Его третий штурман болен. В субботу он возьмет на борт лабораторию и уйдет на юг. У Петракова есть чему поучиться...

Мы шли по самой кромке бетонного причала. Метрах в трех внизу вздыхала, шлепала, ворочалась вода. Было тоскливо на душе. Мы не глядели друг на друга...

За воротами портовой проходной Родька, шедший впереди, резко повернулся ко мне. Тонкие ноздри его нервно дрожали.

— Ну и черт с ним! Пророк, тоже мне! — неожиданно звонко сказал он. Протянул мне руку и крупно зашагал в город...

В среду я получил документы. Диплом штурмана малого плавания в толстых темно-синих корочках, с выпуклым адмиральским якорем пахнул клеем и тушью. Он был большой, и я все время чувствовал его в правом внутреннем кармане тужурки. Тужурка, сшитая за полгода до этого дня, жала под мышками: за полгода я вырос, главным образом выросли руки. Они на целую четверть торчали из рукавов — какие-то особенно большие, красные, не штурманские. Встречные моряки насмешливо поглядывали на меня. Матросская угловатость, эти противные руки и подозрительно зеленые для настоящего штурмана нашивки на рукаве — я их почти неделю держал в морской воде — выдавали меня с головой. Да и кто, как не новоиспеченный штурманок, напялит на себя в такой душный день все тяжелые доспехи?

А день сегодня душный. Солнца не видно; его никогда здесь не видно: то туман, сползающий рваными сырыми клочьями с прибрежных сопок, то затяжная нуда, как здесь говорят,— мелкий, липкий дождичек, который и лить не льет и перестать не перестает; то вот, как сегодня, дым из труб грузовозов, разводящих пары, застилает небо, и закопченное, как труба «Индустрии», солнце еле угадывается над бухтой. Его скорее чувствуешь, чем видишь. Дышать нечем. Горячий влажный воздух никак не продохнешь. Он вязнет во рту, набивается в уши, по всему телу бегут противные струйки пота.

Не удался у меня день «производства». Я тщетно ловлю лицом малейшее движение воздуха. И мучительно думаю, чем заняться. На траулер еще рано...

А порт гремит, лязгает, визжит автогеном, поднимает клубы какой-то ржавой пыли, мимо меня с ревом проносятся самосвалы, оставляя за собой знакомый запах отработанной солярки.

Я долго ходил по городу. Пил теплую газированную воду. Купался в заливе. В шестом часу гремящее всеми суставами такси «Победа»

[1] СРТ — средний рыболовный траулер.

повезло меня в Диомид. Полусонный, измученный духотой шофер думал о чем-то своем. Его тяжелые руки, редко поросшие золотистыми волосиками, устало лежали на руле. Мне казалось, что я целую вечность не видел людей. И меня прорвало. Захлебываясь и сбиваясь, я стал рассказывать ему обо всем, что случилось со мной,— о поломанной мечте подкатить по зеленым водам южных морей на белом красавце электроходе к Стамбулу, о капитане «Индустрии», о производстве и, наконец, о назначении на «Алмаз» — так называется СРТ Петракова.

Шофер молчал, курил, иногда лениво поглядывал в мою сторону. Дорога пошла вверх, мотор зачихал, шофер неряшливо, со звоном переключил передачу и сипло сказал:

— Гроши будут, штурманок! Рыбка сейчас идет...

Я замолчал и больше за всю дорогу не вымолвил ни слова. «Г-роши будут»,— с обидой думал я.— Слово-то какое — г-ро-о-ши!» Да разве в этом дело? И, уже подъезжая к Диомиду, я догадался, что смертельно боюсь моря. Боюсь не выдержать, раскиснуть, расхлюпиться на глазах у всех. Боюсь будущего сочувствия — никогда сочувствие не помогало мне.

Над Диомидом лес мачт. Плотно — борт о борт — стоят похожие друг на друга траулеры: с неестественно высокими кормами и длинными, свободными от надстроек носами. Удивительно нежилой вид у них — суда поставлены на ремонт, рабочий день закончился. Только одни вахтенные кое-где торчат на палубах.

Хромой старик сторож в ответ на мою просьбу показать «Алмаз» словоохотливо отвечает:

— Иван Степаныч-то? Да вон он, вишь, рельсина торчит? За нее и ошвартован...

Пока я перелазил через швартовые концы, набрал полные ботинки грязного песка, пропитавшегося мазутом. Еле добрался до «рельсины».

— Эй, на «Алмазе»!

— Чего на «Алмазе»? — откликнулся вахтенный. Я вижу над бортом его взлохмаченную голову.

— Капитан на судне?

— Нету...

— А старпом?

— Никого нету.

— Да кто же вахтенный штурман?

— Второй... Бриться пошел. Сказал, скоро придет...

По жиденьким сходням, прогибающимся до самой воды, взбираюсь на палубу, окончательно пачкаю парадные штаны и, совсем расстроившись, закуриваю. Вахтенный в сизой майке, с грязным красным «штатом» на голой руке — парнишка лет девятнадцати — догадывается:

— К нам?

— К вам,— отвечаю я и для большей убедительности веско добавляю: — Третьим...

Вся палуба «Алмаза» завалена новыми сетями, поплавками, бухтами канатов, пустыми ящиками, заляпана белым. У лебедки стоит перекосившаяся коробка с каустиком. Все это хрустит, путается под ногами.

— Готовимся,— говорит Коля — так зовут вахтенного — и безнадежно машет рукой.— Матросов еще не хватает. Сегодня целый день старпом с боцманом да третьим механиком возились... Капитан со вторым по всему Диомиду тралят «бичей». В субботу отход, а отходить не с кем: лето...

— Как «тралят»?

— Просто. Ходят по берегу. Глаза у них точные. Увидят: матрос без дела болтается — откуда? Кто? Потом в отдел кадров и на комиссию. Навигация давно началась. Суда в море. Мало кто на берегу отирается, отпускники разве... Вот и ходят, агитируют. Ждать, когда управление пришлет, некогда.

Уже смеркалось, когда через фальшборт ловко перепрыгнул высоченный парень в свитере и мичманке, чудом державшейся на самом затылке. Коля толкнул меня локтем в бок:

— Ревизор [1] пришел...

Я представился. Парень протянул мне длинную руку и коротко назвался:

— Язеп.

Так я познакомился с Язепом. Холодные голубоватые глаза его бесстрастно смотрели на меня.

— Это как можем назвать — кавартак?

Язепу лет двадцать пять — двадцать семь. Мне двадцать три, но рядом с ним я почувствовал себя мальчишкой.

Он отвел меня в каюту, потом долго гремел на камбузе ключами и кастрюлями, а через несколько минут мы уже ели вдвоем кислый сырой хлеб с маслом и пили холодный чай.

Спать я не мог. Принимался курить, выходил на палубу. Над маслянистой, черной водой бухты сонно постукивали дизеля проходящих буксиров. Их топовые огни дробились на невидимой волне. Где-то шумно парил пароход, и казалось, что это дышит бухта. Плотные, серые тучи проползали так низко, что было видно, как они рвутся, задевая за мачты.

Капитан «Алмаза» — Иван Степанович Петраков — оказался мужчиной средних лет. Мешковатый, с кустистыми седыми бровями, с красной, изрезанной морщинами, крестьянской шеей, узловатыми шершавыми руками, он совсем не был похож на моряка. И я, привыкший к стройному и жесткому капитану «Индустрии», который всегда выходил на мостик тщательно одетым по форме и командовал четким голосом, опешил, увидев Петракова. «Завхоз»,— думал я с тоской, пока он читал мой диплом.

На палубе уже работали: что-то гремело, звякало, стучали сапоги, кто-то высоким фальцетом поминал божьих родителей. Капитан поверх очков глянул на переборку, за которой слышался шум, словно хотел разглядеть ругающихся, повернулся ко мне и объяснил:

— Старший помощник это... Сколько раз я ему говорил, чтоб не лаялся! Ну да вы, мой друг, не обращайте внимания, парень он хороший, неотесанный только. Рундучок привезли?

— Нет, простите, думал... может быть...

— Ну, что ж, Володя...— прервал меня капитан,— на палубе работы много. Боцман даст вам робу... Боцман! — крикнул он в раскрытый иллюминатор.— Поди сюда! — При этом жилы у него на шее лилово вздулись.

Пришел боцман — низкорослый крепыш — и выжидающе поглядывал то на меня, то на капитана. Смотрел он не мигая и только изредка с силой жмурил оба глаза. На палубу мы выбрались вместе.

— Что ты, что ты творишь! — вдруг кинулся он к матросу, неумело складывавшему сеть.— Головой думаешь или задницей?! Как ты потом все это распутаешь? — И он стал ловко складывать сеть. Матрос топтался рядом. Минут пятнадцать я стоял, не зная, что делать. Наконец боцман вернулся.

— Тут наработают — потом ни хрена не найдешь... Какой размер сапог? — Он избегал называть меня. Ждал, что я подскажу ему, как со мной разговаривать — на «ты» или на «вы».

— Сорок второй у тебя есть?

— Найдется,— облегченно сказал он.— Пойдем, сам мерить будешь...

[1] Ревизор — так зовут на судне второго помощника капитана.

Сапоги и роба, которые он мне вручил, отсырели. У штанов не было пуговиц, левый сапог щерил гнилые деревянные зубы. Я переоделся.

В разных местах на палубе работало трое.

— Ребята, давай сюда,— негромко позвал их боцман.— К нам третий штурман пришел...

Коля — вчерашний вахтенный — улыбнулся мне, как старому знакомому. Третий механик — плотный, лысеющий человек в комбинезоне — коротко тряхнул мне руку и тут же спросил, где я до этого плавал. Я сказал.

— А,— протянул он, убирая со лба тыльной стороной ладони реденькие волосы,— знаю, там вторым механиком одногодок мой. Я бы сейчас тоже... Да вот начальству не понравился... Плавай тут с этими.— Он насмешливо кивнул на стоящих рядом с ним матросов.

— Чего ж ты шел сюда? — зло и отрывисто спросил боцман.

— Кусать нечего, понял? — огрызнулся механик.— Пойдешь, небось...

Третьим оказался матрос, которого только что отчитывал боцман,— невзрачный, худющий парень с испитым лицом. Я пожал ему руку...

— Родионов,— просипел он и тут же обратился к боцману: — Дракон, мне на берег надо...

— Старпом придет, у него и спрашивай. Мне за тебя он еще вчера фитиль вставил... лучше не просись, не советую: опять напьешься. Эх, Родионов!.. Доведет тебя «керосин» до колосников.

Родионов шаркающей походкой потащился к сетям.

Ничто еще не связывало этих людей. Они всего лишь несколько дней назад сошлись здесь. Каждого надо было воспринимать в отдельности, у каждого из них было свое: один считал, что ему не повезло; другой оказался на «Алмазе» только потому, что, поздно вернувшись из отпуска, прозевал свое судно; третий не видел иного выбора.

За тридцать месяцев плавания ни разу не попадал я в такую команду. На «Индустрии», хоть нас было и много, мы знали друг друга, сработались. И все мое вчерашнее беспокойство показалось маленьким, детским по сравнению с тем, что я увидел сейчас.

Работы было много. Надо подготовить подборы к сетям, убрать их в трюмы, приготовить вожак[1], принять с берега полутонную бухту смоленого каната, рассовать, растолкать по разным местам все эти ящики, мешки, пустые бочки и бочки с огурцами, брезенты, лампы, сделать палубную приборку. А мне, кроме того, принять штурманское хозяйство и ознакомиться с ним, подобрать карты, подготовить документы на отход. В команде не хватало трех матросов.

В половине двенадцатого к причалу подошел грузовик. В кабине рядом с громадной теткой — шофером Сильвой — горбился высокий Язеп: он привез продукты. В кузове на мешках с мукой полулежала молодая женщина в красной косынке.

— Это наша кокша — Танька-рябая. Стерва-а-а! — восхищенно глядя на прибывших, сказал мне Коля.— Я с ней два раза на селедку ходил — насмотрелся. Аж дух захватывает! Артельщика до суда довела. Берегись, третий... Она молоденьких любит.

Танька, наваливая мне на плечи мешок с мукой, хитренько спросила:

— Кем же ты будешь, милок?

— Ванькой-встанькой,— буркнул я, сгибаясь под семидесятикилограммовой тяжестью...

Язеп носил мешки под мышкой, боцман с хряском принимал их на загорбок поперек.

— Ну, Танька, нравится штурманок? — долетел до меня его голос.

— Больно вы мне нужны все тут! — раздраженно откликнулась она.

Я почувствовал, что краснею, и тут же трапик, проложенный с палубы на планшир, хрюкнул подо мной, и я плашмя рухнул на палубу. Мешок лопнул, мука рассыпалась. Шедшие вслед за мной остановились: им некуда было идти. Я лихорадочно стал собирать муку, затискивать ее в лопнувший шов, но она еще больше высыпалась. Третий механик прерывающимся от напряжения голосом прохрипел:

— Трап, трап давай, что ты копаешься?

А трап, скользнув по влажным доскам, глубоко вклинился под рулон стального троса. Подскочил Коля. Вдвоем мы еле-еле его освободили.

Язеп аккуратно опустил свой мешок у раскрытого трюма и повернулся к боцману.

— Кто ставил трап? — тихо спросил он.

— Родионов ставил...

— Родионов,— так же тихо позвал Язеп,— мука за ваш счет... Теперь смотрите, как нужно крепить.

Погрузка продолжалась, но ритм нарушился, настроение испортилось. Всем было неловко.

Обедали молча. Танька яростно гремела посудой. После обеда я задержал Язепа на камбузе.

— Напрасно вы Родионова так... Ведь я же рассыпал...

— Владимир Павлович, давайте договоримся... как это? Ну... не либеральничать. На шторме он не задраит трюм. Нас скушают акулы.— Говорил он медленно, с видимым усилием подбирая слова.

К четырем часам палубу расчистили, и я получил разрешение съездить в город за вещами. Автобусная остановка была напротив управления. Меня неудержимо потянуло войти туда — кричать, ругаться, делать что угодно, но только навсегда отказаться от «Алмаза». Хоть на портовый буксир, хоть рулевым на какой-нибудь заржавленный, с одышкой грузовой пароврик! Обида сжимала мне горло. Как можно с такой командой идти в море?! Перед глазами стояла ленивая, полусонная морда Родионова, холодные глаза Язепа, узловатые руки капитана, держащие мой диплом. На мгновение мне представилось, как беспомощно я барахтался на палубе, полузадавленный мешком, обсыпанный мукой, в штанах, к которым еще не успел пришить пуговицы, вспомнил ехидное участие Таньки: «Не ушиблись?» Ведь она с трудом сдерживалась, чтобы не расхохотаться; тонкие губы ее подрагивали; зеленые, как у кошки, глаза нагловато щурились.

Я уже совсем было решил выбраться из очереди, но тут подошел автобус, и меня притиснули к дверцам.

На «Алмаз» я вернулся в сумерки. Пока меня не было, старпом и капитан привели с берега новых матросов.

Третий механик Сидоренко, всю ночь стоявший на вахте, вылез из машинного отделения подышать свежим воздухом. Мы столкнулись с ним в дверях полуюта. Он тискал в сильных руках промасленную ветошь и громко, как обычно говорят механики, рассказывал мне:

— Смотрю, по берегу толпа валит ломаным пеленгом. Флагманом капитан наш, за ним верзила в чепчике, в клифте грязном, под клифтом — грудища, шерсть, как швабра,— на голое напялил. По корме двое малым работают, один другого краше. Замыкающим старпом. Одного парня я знаю — Лешка-артельщик. Его на Чуркине Кудрявым зовут. Месяца два назад он с «Нырка» списан за драку. Дела!..

Сидоренко явно искал у меня сочувствия. Но вдруг движок, пронзительно трещавший внизу, стал сбавлять обороты; механик, не договорив, кинулся в машинное отделение. Ветошка маслянисто шлепнулась на палубу. Движок опять взвыл, словно полез в гору, потом его трескотня стала немного спадать, пока не повисла на прежней ноте. Было ясно, что Сидоренко вернется сюда, но что ему сказать, я не знал, и поспешил к капитану...

Через дверь капитанской каюты глухо доносились возбужденные голоса. Я вошел. Сизый табачный дым заволакивал всю каюту. На жестком диванчике рядом с Язепом сидел старпом. Ну как не узнать его по тонкому мальчишескому голосу? Это он утром ругался... Старпом отчаянно курнос и значительно ниже ростом Язепа, но чем-то очень похож на него — может, светлыми, почти белыми волосами, свисающими на лоб косой челкой.

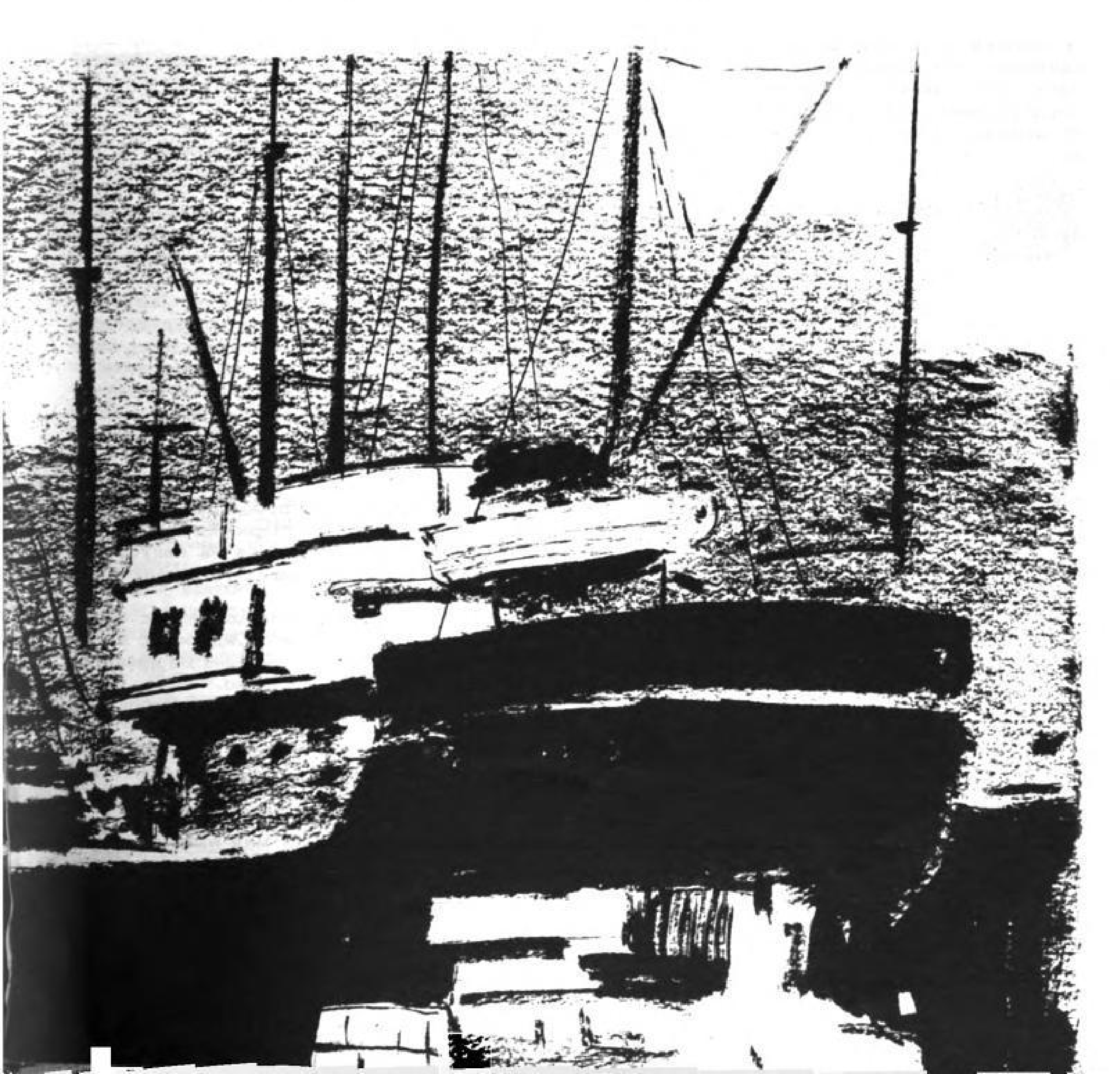
При моем появлении он просто улыбнулся и подвинулся на диванчике, освобождая место. Есть люди, которые улыбаются вообще, говорят вообще. Таков Родька. А этот улыбнулся именно мне. Он коротко посмотрел на меня своими серыми, немного навыкате глазами и продолжал говорить:

— Нет, Степаныч. Надо уходить из порта. Завтра возьмем лаборантов и сразу же на рейд. На якоре постоим. А ночью надо сняться, иначе не выберемся. В море обоtrутся. Лешку, Николая и Родионова на руль можно смело ставить: по ниточке ходят.

Капитан сидел на стуле, закрепленном по-походному, и, опустив голову, медленно постукивал очками по колену.

— Да я сам знаю, Федя: уходить надо... Что ты скажешь, дед?

На капитанской кровати, раздвинув голенас-

[1] Вожак — растительный трос.

стые ноги, сидел подстриженный под бобрик человек лет пятидесяти, в синей тенниске. Я только сейчас его увидел — это стармех. На всех судах старших механиков между собой зовут «дедами»... Он сухо кашлянул и заговорил хриплым фальцетом:

— Ничего, братцы, не выйдет. В баллоне с пусковым воздухом сальники травят. Больше двенадцати атмосфер не держат. Набивать надо...

— Что-о-о?! — приподнялся капитан.— Тра-а-вят! Что же ты целую неделю молчал?

— Я говорил...

— Кому говорил? Поварихе нашей говорил?

— Тебе говорил...

— Когда?..

Стармех молчит.

— Я знаю, когда говорил,— до ремонта еще. Во Втором Курильском проливе говорил. С тех пор уж краска на шлюпках облупилась. Пойдешь в море как есть! — отрезал капитан.

Наступило неловкое молчание. Только было слышно, как в машине трещал сорокасильный «мальчик» да позвякивала чайная ложка в стакане на столе, заваленном бумагами и картами.

— Федор, готовь команду. Язеп и Чебаков, проверьте свое хозяйство и давайте документы на отход. А ты, дед, завтра к 12 часам сальники смени. Понял? Спокойной ночи!

В субботу после часа прибыли лаборанты: две девушки, паренек лет двадцати и расторопный, моложавый начальник рейса — Вадим, как он назвал себя.

Странно было видеть на грязной, местами еще захламленной рыбацкой палубе этих опрятных горожан. Ни жара, ни копоть не тронули их свежих лиц. Мы только что поставили леера — новые, смазанные салом. И у Вадима на рукаве модной серой куртки с «молниями» сразу же появилась рыжая маслянистая полоса. Он попробовал ее стереть носовым платком, размазал и, беспечно махнув рукой, стал помогать нам опускать в трюм оборудование: ящики с пробирками, колбами и тяжелыми металлическими градусниками для измерения температуры забортной воды — батометрами. Мелочь — какие-то, наподобие часиков, приборчики в полированных коробках — я понес в носовую каюту, где хлопотливо устраивались девушки. Их было двое: хрупкая, тоненькая Маша и Нина — высокая, стройная брюнетка с матовым, удивительно спокойным лицом. Ее черные, слегка удлиненные в разрезе глаза равнодушно посмотрели сквозь меня. И с тех пор всегда в ее присутствии мне становилось неловко, я злился на себя и мучительно думал, в порядке ли мой костюм.

Новый матрос Лешка, поблескивая двумя рядами прекрасных ровных зубов, вертелся возле девчат и дурашливо галантничал. Устроившись, лаборантки вышли наверх. Постепенно у трюма сгрудилась половина команды. Даже флегматичный Родионов появился причесанным, в новой, не обмявшейся еще рубашке. Третий механик, и всегда-то говоривший излишне громко, стал говорить еще громче.

Первым не выдержал боцман, заканчивающий подготовку к отходу. Он долго сопел недовольно, прижмуривал глаза, потом в сердцах ахнул о брашпиль мотком каната и взорвался:

— Повременили бы! Люди делом заняты, а вы зенки таращите. Не видали они таких... Леха, ты зубы скалишь, а шлюпки зачехлять, что, я буду? А ну, вали на ботдек!

Лаборант Вовка сразу со всеми перезнакомился, беспардонно путал имена, старался казаться бывалым. Речь его основательно была уснащена морскими словечками, словно он никогда не жил на берегу, а если и жил, то по недоразумению; словно никогда он и не был маленьким, смешным студентиком в огромных золотых очках, а только и делал, что бороздил моря и океаны. Язеп, к которому он подлетел, медленно обвел его взглядом, что-то коротко ответил и неторопливо пошел на мостик. Я засмеялся. Лаборант, смущенный, остановился и снова понесся по судну, задевая, толкаясь и определенно всем мешая, пока не нарвался на боцмана. Через минуту, надев громадные брезентовые рукавицы, вместе с Колей он уже набивал форштаг и неумолчно что-то рассказывал...

Восемь часов вечера. Нам отвели место на рейде. Вот в окне рубки появилось спокойное лицо Язепа, вот с тяжелым плеском упал в черную от нефти воду последний швартов, связывавший нас с «рельсиной», звякнул в машине телеграф, три раза отрывисто рявкнул гудок. «Алмаз» как бы нехотя высвободил плечи из тесных объятий своих молчаливых собратьев и, чуть слышно постукивая дизелем, тронулся к якорной стоянке в глубине бухты.

До темноты мы опробовали все навигационные приборы и агрегаты. В рубке стонал гирокомпас, над верхним мостиком с легким шелестом крутился экран локатора, электрик включал и выключал огни и прожектора, время от времени грохотала лебедка. Уже близился конец моей вахты, когда к нашему левому борту, посапывая, подошел танкер и долго качал топливо. Механики суетились на палубе. Красные огни танкера бросали тревожные отблески на их лица, на черную воду.

В шесть часов утра на борт прибыли врач, пограничники и портнадзор. Я показал им судовые документы, дипломы и санитарные паспорта команды. Молоденький пограничник нерешительно и немного с завистью спросил меня:

— Идете?

— Идем,— ответил я.

Он вздохнул, постоял немного и перепрыгнул на катер. Рассветало...

Иногда я пытаюсь понять, чем влечет к себе море. У нас дома перед потускневшим зеркалом в облупленной раме стояла громадная, тяжелая раковина. Когда мама была молоденькой, один влюбленный моряк подарил ей эту раковину. Если приложить к ней ухо, можно услышать глухой шум. Будто где-то внутри нее бушует крохотный прибой. Маленькие волны далеко взбегают на желтый песок, потом теряют силу, на мгновение задерживаются на месте и, удовлетворенно журча, струятся назад, перекатывая прозрачные камешки. Помню, я слушал, и мне казалось, что вдоль прибоя бежит крохотный, похожий на меня, загорелый мальчуган. Голова его немного запрокинута назад. Никто не знает, куда он бежит. Он и сам не знает этого. Просто небо, море и солнце позвали его, сердце горячо вздрогнуло и забилось от смутного сознания чего-то бесконечного. Он бежит, торжествуя, как олененок, удивляясь могучей, хотя еще и слепой, силе жизни, пробудившейся в нем...

Я просовывал руку между окаменевшими, отполированными временем деснами раковины. Но пальцы оставались сухими. Был, наверно, в ней уголок, который цепко хранил ее тайну. Про себя я звал ее «Волшебное Ухо». Раковина и сейчас стоит перед тем же зеркалом, и мама пишет мне из далекого Ленинграда, что соседский мальчишка, курносый Славка, приходит к ней в гости и слушает шум вечного прибоя. Уходит он притихнувший.

Теперь я стал взрослым и знаю, что никакого моря нет в раковине и не было, что рейс наш — совершенно обычное явление, что никаких не нанесенных на карту островов нам не открыть. Просто мы идем с определенной целью — искать «тропы», по которым ходит хитрая рыба — скумбрия, будем брать пробы морской среды, страдать от жары и пить пахнущую соляром, теплую воду. И за весь рейс никаких приключений не случится, разве только капитан или Язеп попросят меня проложить курс заново.

Но вот раздается команда капитана: «Стоять по местам — с якоря сниматься!» Вот я берусь за отполированную штурманскими ладонями бронзовую ручку телеграфа; два движения: вперед, назад — и стрелка останавливается против деления «малый вперед». Судно встрепенулось, еле заметно присело на корму. Первые дюймы синего моря расползаются под острым форштевнем, тяжелые пароходы, стоящие на якорях, медленно отходят назад. Открывается чистый выход из бухты. И знакомое с детства чувство полета охватывает меня. Каждую заклепку в борту судна я начинаю ощущать частью самого себя. Я уже слился с кораблем, и капитан, который делает вид, что пришел проститься с портом, а на самом деле проверяет меня, и его морщинистая медная шея кажутся чем-то очень родным.

— Ну вот, Володя, поехали...

Я чувствую, что капитан переживает то же самое, хотя, может быть, он никогда не слыхал, как шумит Волшебное Ухо...

Некоторое время нам еще попадаются бакланы — любопытные неуклюжие птицы. Вытянув длинные смешные шеи, они перелетами следуют параллельно траулеру. По баку, громыхая деревянными колодками, от борта к борту мечется старший механик с одностволкой в руках. Время от времени раздается одинокий выстрел, его звук поглощается гигантским пространством, и до рубки долетает лишь жалкий хлопок. Даже капитан недовольно морщится и говорит мне, доверительно понижая голос:

— Посмотрите, Володя, типичный Васко да Гама... Охоту открыл.— И процитировал на память фразу из какого-то старинного «морского» романа: — «Капитан вышел на палубу пострелять чаек...» А я уверен, что сальники он не сменил...

То и дело что-нибудь происходит. Час назад в машине старший механик и Сидоренко вдребезги разругались. На мостик вылетел красный, как рак, вспотевший Сидоренко.

— Не пойду больше в машину! Пусть дед сам стоит! К черту! Я не мальчишка... Я вторым на «Синельникове» плавал... Я в двух дюймах его вместе с этим «Алмазом» не вижу!

Петраков потемнел.

— Меня удивляет ваш тон, Игорь Яковлевич! Будьте любезны объяснить мне причину столь непозволительного для моряка пренебрежения к своей посудине, пусть и не первоклассной, но тем не менее...

Капитан убийственно вежлив...

Сидоренко понял, что хватил через край, и осекся.

— Я жду вашего объяснения, товарищ третий помощник механика...

— Простите, товарищ капитан...— Он мямлит, путается и трусит.

Оказывается, Сидоренко разобрал масляный сепаратор и сложил тарелки в ведро с соляром — промыть. Вдруг ему показалось, что форсунка первого цилиндра забарахлила. И он, оставив ведро с тарелками в проходе, пошел к главному двигателю. В это время стармех, как был на палубе, в белых брюках, спустился в машину и опрокинул ведро, залив штаны до колен соляркой. Тарелки рассыпались, а сам механик поскользнулся, стукнулся обо что-то локтем и набросился на Сидоренко. Шум этой перепалки глухо доносился и до нас. Визгливый голос деда в состоянии покрыть грохот любого двигателя. Сидоренко пошел на него с громадным ключом в руках... Дед взлетел на половину трапа и продолжал орать... Теперь он охотится на бакланов с перевязанным правым локтем...

— Идите на вахту,— приказал капитан механику,— после обеда зайдете ко мне...

Нелады между Сидоренко и стармехом начались еще до моего прихода на судно. Поводом послужило то, что моториста — четвертого из машинной команды — назначили на вахту стармеха. Всю же черновую работу дед взвалил на Сидоренко — так всегда бывает на судах. Неповоротливый и самолюбивый третий механик, чувствуя себя еще раз обиженным, на совещании у капитана поднял скандал. «В чем-то, может, он и прав,— говорил мне капитан после ухода Сидоренко.— Его действительно слишком долго держат в третьих. На полуглиссе «Синельников» он временно замещал заболевшего второго... У него, Володя, есть способность сказать правду так, что она становится неприемлемой...»

Петраков, я вижу, не очень любит и деда. Знакомы они уже чуть ли не десяток лет, встречались на разных собраниях. И однажды Петраков, будучи членом комиссии, забраковал какое-то рыболовное изобретение деда. Дед не может простить ему этого третий год. Внешне они спокойно относятся друг к другу, но капитан страдает и старается не делать ему замечаний при людях...

Положение у Петракова тяжелое. Я молчу, мне как-то неловко глядеть ему в глаза...

Через несколько дней начнем «брать станции». Для Вовки — он главный химик нашей лаборатории — в подшкиперской соорудили крохотный кабинетик. Провели туда свет, организовали подобие стола. Там, в единственном месте на судне, пахнет берегом: нагреваясь, сосновые доски наскоро сколоченного стола издают чудесный весенний запах оживающего леса. Когда спускаешься в каюту, минуя дверь в подшкиперскую, тебя первым долгом охватывает этот запах. На мгновение перед мысленным взором предстают совершенно забытые картины детства — пионерский лагерь, лес...

Лаборантки начинают тосковать. Лешке определенно приглянулась младшая — Машенька,— смешливая и немного болезненная девушка с коричневыми, как бы умытыми глазками. Лешка засек время появления девчат на палубе. К этой минуте он сменяется с вахты, наскоро поедает немудреный Танькин ужин и, как черт, вьется около «царских врат» — так назвал дед двери тамбучины. Да и Маша, поджимая по-детски нежные губы, уже сама осторожно разыскивает его глазами. Но Сидоренко — более практичный человек, он не признает правил джентльменского соревнования и грубо обрывает всякого, кто приблизится к Маше. Мешает ему одно — вахта. И все же он умудряется из тридцати аккуратных минут пребывания девчат на палубе двадцать простоять возле Маши. Разговаривают они солидно. Сначала о погоде. Потом Сидоренко начинает жаловаться, что его не понимают, что «начальство» не любит правды. Маше не очень весело, и она, чтобы не подогревать своего словоохотливого собеседника, торопливо соглашается, оглядываясь при этом. Величают они друг друга по имени-отчеству — Игорь Яковлевич, Мария Александровна... Механик после вечерней вахты, когда мы с ним пили чай вдвоем в опустевшей кают-компании, развил передо мной свою теорию покорения женских сердец: первое — пробудить жалость к себе, это из «Героя нашего времени»; и второе — показаться загадочным, кажется, из «Евгения Онегина».

Нине скучно. Она медленно, как бы лениво переводит взгляд с одного лица на другое, и мне кажется, что ее не оставляет сознание бренности и грешности всего земного. С Танькой отношения у девчат натянутые. Нина не скрывает брезгливости, а Маша смотрит на нее с нездоровым любопытством. Сегодня за обедом Нина уронила миску, полную борща. Танька дала ей другую, но убирать отказалась. И, поймав в кают-компании старпома, не стесняясь никого, расшумелась.

— Что я вам, на елке досталась?! У нищих лакеев отобрали?! — кричала она ему, краснея и размахивая черпаком. Во все стороны летели багровые брызги крепко сдобренного перцем и томатом борща. — Я ее насквозь вижу! Чи-стюля — фить-фють,— передразнивала Нину Танька. — Тихоня, а сама, поди... — Воздуху у нее не хватило, и она, тяжело дыша, замолчала.

В это время Нина «брала» вместе с Машей ветер. Лешка подлетел к ним на своих кирзовых колесах.

— Сеньора! Вас матерят на камбузе. Красиво! Люблю острую критику!

Нина отправилась на камбуз. Через несколько минут выскочила оттуда как ошпаренная — красная и взъерошенная. Никто не знает, что у нее с Танькой произошло, но только с этих пор они старательно не замечают друг друга, и если одна выходит на палубу, другая тотчас спускается вниз. Вторые сутки Нина питается домашними запасами.

Да, команда у нас определенно не получилась. С утра до вечера палубные матросы: Степанов — громадный ленивый парень, с густыми зарослями черной шерсти на груди — и те два новичка, подобранные капитаном на Чуркине, — в одних трусах возлежат на сетях, разложенных вдоль правого борта. Боцман, несмотря на жару, нарочно перетаскивает сети с места на место и не очень тактично гоняет «отдыхающих». Придраться к нему трудно: он вежлив и называет их на «вы». Работают с ним только безотказный Коля и Вовка, да иногда Лешка от скуки возьмется сплеснивать концы или делать гаши, но тут же бросает...

Я споткнулся о вытянутые чуть не через всю палубу ноги Степанова.

— Короче ты! — прохрипел он, глядя на меня снизу вверх красными от сна медвежьими глазами.

Меня взорвало.

— А ну, подъем!

— Знаешь, пошел ты... — отмахнулся он и улегся поудобнее.

— Не так с их благородием надо,— сказал мне боцман, когда я растерянно стоял, соображая, что предпринять. Он подошел к лежавшему и с силой выдернул снасти, из которых Степанов устроил себе подушку. Голова матроса деревянно стукнулась о голую палубу.

— Извините великодушно, — нараспев протянул боцман, укладывая сети в полуметре от прежнего места.

Степанов готов был броситься на обидчика. Но боцман задумчиво покачивал в руке дубовую киянку, неизвестно откуда взявшуюся...

Продолжение следует.

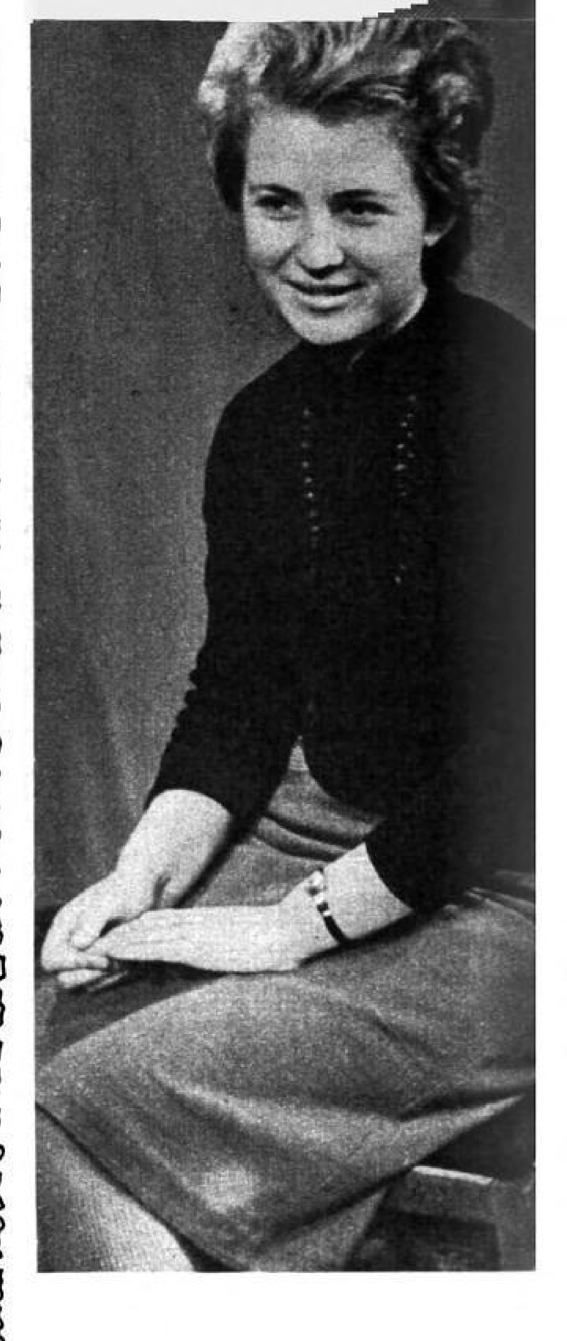

НЕОБЫЧНОЕ ЗАДАНИЕ
НАШИМ КОРРЕСПОНДЕНТАМ

Спокойно, снимаю!

Е. КОРШУНОВ

Фото А. УЗЛЯНА.

Сейчас, пожалуй, трудновато установить имя человека, впервые на земле произнесшего сакраментальное: «Спокойно, снимаю!..» И, конечно, не это исследование привело нас в фотоателье города Владимира, именуемое просто, скромно и современно «Энергией». Испытывая зуд первооткрывателей, мы рискнули проникнуть в святая святых воинственного племени, населяющего художественно-бытовые фотоателье и успешно соперничающего с природой по части внешнего оформления граждан, желающих быть красивыми.

Короче говоря, в один прекрасный день плеяда владимирских фотографов увеличилась на две штатные единицы: мы начали работать в «Энергии». План наш был прост: пока мой коллега фотокорреспондент будет «обрабатывать» гостя, ошалевшего от пронзительного света рефлекторов, я должен узнать от клиента как можно больше о его образе жизни и о причинах, толкнувших его на столь серьезное мероприятие. Словом, нас интересовали люди, характеры, нравы.

Фотоателье «Энергия», говорят, лучшее в городе. Его витрина запирается на ночь тяжелыми ставнями; иначе нельзя: влюбленные воруют портреты местных красавиц...

Итак, мы приступили. Ждать клиентов нам пришлось недолго. Молоденькая симпатичная девушка, смущенно потупясь, попросила сфотографировать ее «на открытку».

— Фамилия? — бесстрастным голосом спросил я.

— Савкина...— пролепетала девушка.

— Имя?

— Валя...

— Род занятий?

— Студентка... Студентка медицинского училища. Третий курс.

— Возраст?

— Восемнадцать лет...

— Для чего снимаетесь?

Девушка покраснела.

— Подарите кому или что?

Покраснела еще больше.

— Может, подарю...

Дальше уточнять не стоило. Я и так, кажется, переборщил. Да и с какой стати девушке в восемнадцать лет рассказывать первому встречному о том, в чем не сразу решаешься признаться и себе? Чувства — дело тонкое...

Фотографировать Валю приятно: держится она просто, скромно, непринужденно. Такой и получилась она на фотографии.

Не успела девушка надеть пальто, как вошел пожилой гражданин.

— Можно? — спросил он, добро улыбнувшись.

— Пожалуйста... Как будем сниматься?

— Да вот... Понимаете, какая штука... На пенсию оформляюсь...— Гражданин немного смущенно, немного растерянно пошелестел какими-то бумагами.

— Вот... На документы надо...

Я попросил бумаги, и все стало ясно: Александр Андреевич Евдокимов, заслуженный артист РСФСР, актер Владимирского театра, уходит на пенсию.

Пока мой коллега усаживает его, наводит рефлекторы, просит повернуться то так, то этак, я затеваю разговор.

Александр Андреевич отвечает охотно. Да, во Владимирском театре давно, двадцать пять лет. Всего же на сцене — сорок три года. Потомственный актер; в свое время изъездил всю страну; сыграл за свою жизнь пятьсот ролей. Сейчас готовится к пятьсот первой — в пенсионеры.

Евдокимов улыбается.

— Новая роль тоже потребует немало работы: буду читать лекции, заниматься с молодежью, с самодеятельностью, с народными театрами.

Расстаемся друзьями, Александр Андреевич приглашает нас на свой спектакль. Потом мы узнаем, что он один из любимейших актеров городского театра.

Входит группа солдат. Оживленно разговаривают:

— Ты куда?

— На тракторный... Откуда ушел, туда и приду.

— А ты?

— Я? Электрообмотчиком...

Солдаты молоды, статны, крепки. Все только что из военкомата — вернулись после демобилизации. Одни в новенькой, ладной форме, другие уже без погон, но держатся все так же молодцевато и лихо. Просят снять их для документов, смеются:

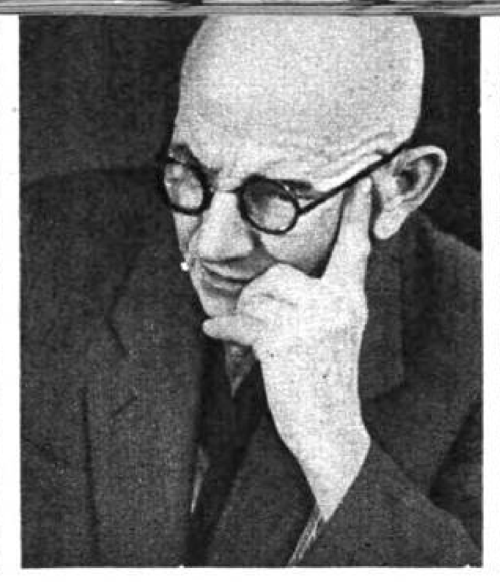
— На гражданку дело пошло. Паспорт — раз, пропуск на завод — два... Ну, и вообще, в профсоюз. Так, ребята?

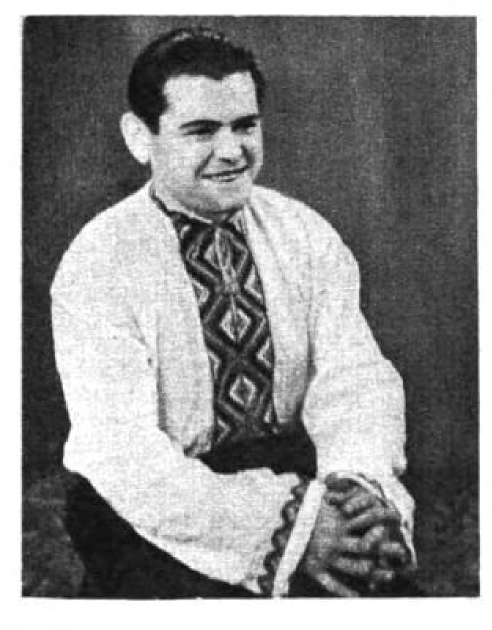
Солдаты В. Павлов и В. Алексеев снимаются серьезно, деловито. Указания фотографа выполняют четко, по-военному, но улыбку скрыть им так и не удалось.

— Голову выше! Правее... Смотрите на меня. Спокойно, снимаю.., Готово! Фотографии получите завтра в три часа. Понимаем: надо скорее. Следующий!

...Пышут жаром рефлекторы. В комнате становится душно, а люди идут и идут. Один за другим садятся они перед объективом громоздкой фотокамеры и замирают в окаменевших позах. Ничего не поделаешь, выдержка для съемки нужна большая. Аппаратура не позволяет «ловить мгновенье», да и клиенты, как утверждают фотографы, не любят этого. Они хотят быть красивыми, и в этом им помогают ретушеры: старательно убирают все дефекты; сначала на негативе, а потом на позитиве затушевывают все морщины, что-то скребут, подрисовывают... Так вот почему, оказывается, лица людей на витринах художественно-бытовых ателье так уныло однообразны!

Обо всем этом я узнаю от Николая Николаевича Королева, местного фотографа, работающего с нами. Впрочем, разговаривать много не приходится.

Михаила Николаевича Маслова, терапевта городской поликлиники, я не стал расспрашивать, что привело его к нам. Тысячи людей с благодарностью вспоминают этого врача. Ему семьдесят четыре года. В 1914 году студенту Томского университета Михаилу Маслову присвоили звание зауряд-врача и погнали в пекло империалистической бойни. С тех пор доктор Маслов борется за здоровье, за жизнь людей. Владимирцы знают и любят этого человека, в семьдесят четыре года не покидающего своего поста.

— Душевный человек Михаил Николаевич! — говорят люди.— Веришь ему. А ведь не каждую болезнь лекарством лечат. Бывает, как подойти, важнее.

Доктор Маслов фотографировался на «визитку».

Геннадий Негрун и Юрий Никитин, ученики ремесленного училища № 7, снимаются в новенькой, недавно полученной форме. Разные пути привели их в училище: Геннадий окончил десятилетку, Юрий — семь классов. Первый — коренной владимирец, второй — житель деревни. Лихо сбита фуражка на затылок, из-под козырька — рыжий чуб. Это Геннадий. Юрий — высокий, неторопливый, улыбается ослепительной белозубой улыбкой. Ребята довольны, у них все впереди: учеба, любимая профессия, увлекательный труд...

А у Саши Власенкова сегодня торжественный день. Его приняли в комсомол. Саше пятнадцать лет, он учится на втором курсе механического техникума. Фотография на комсомольский билет!.. Вспомните, товарищи, как и вы просили когда-то сделать вам маленькую карточку с белым уголком справа! И тогда вы поймете настроение Саши в тот день. Мы желаем ему успеха, жмем руки.

Но что это? Чей-то сварливо-хриплый голос мгновенно портит настроение.

Гражданин в новом коричневом пальто, скрипучих сапогах и новенькой кепке хочет сфотографироваться во весь рост. Что ж! Пожалуйста!

— Но если будет плохо, я не возьму! Я требую хорошей работы! Предупреждаю! — ни с того ни с сего начинает он раздраженно.

— Будет плохо — сами не отдадим. Сделаем хорошо, не беспокойтесь! Пальто можно снять в прихожей.

— Нет, я хочу в пальто. И в кепке. И в перчатках. Сапоги блестят?

— Блестят. Станьте, пожалуйста, вот так. Правее... еще... Чуть назад...

— Что вы меня крутите?! Я сам знаю, как надо! Снимайте вот так!

Поза нелепа, лицо преисполнено тупой важности, но... приходится снимать! Готово!

Кепка кладет на стол сотню.

— Сколько с меня? Хорошо. Остальные оставьте пока у себя. Завтра я приду сниматься во всем зимнем.

Отказываемся, меняем деньги, даем сдачу. Неужели придет и «в зимнем»? Кепка степенно удаляется и снова грозит:

— Будет плохо — не возьму.

— Следующий!

Группа людей. Смущены.

— Нам на доску.

— На какую доску?

— На доску почета...

Выясняется, что местком типографии № 1 Госстройиздата подвел итоги социалистического соревнования. Семнадцать лучших работников — семнадцать фотографий на доске почета. Местком договорился с фотоателье, прислал список. Платит профсоюз. Первым снимается печатник Николай Иванович Смирнов...

Еще клиент. Электрик Владимирского тракторного завода Николай Егоров хочет послать свою фотографию Клаве Е. Девушка работает в колхозе, молодые люди видятся не часто.

Старайтесь, товарищ фотограф! Старайтесь! Кто знает, что зависит сейчас от вас? Будет ли вспоминать Николай вашу фотографию добром или... Старайтесь, товарищ фотограф! Старайтесь!

...Конфликт. Разъяренные молодожены. Четыре пары. Спрашивают фотографа Петра. Позапрошлую субботу снимал их в загсе, с тех пор никак не могут получить фотографии. Первые семейные неприятности.

Эх, ловить да ловить вам, молодые люди, этого Петра! Фотограф он выездной, работает в «Энергии» без «точки», почти без контроля. Сам себе и касса, сам и склад готовой продукции. Вот разве что в следующую пятницу? Может, застанете...

С плохим настроением приходит к нам и Леня Борисов. Его привела бабушка; ему два года три месяца от роду. Даже лихой скакун, хранящийся для таких случаев за ширмой, не улучшил настроение молодого человека. Хороший, доброкачественный рев позволил нам надеяться, что фотографируется крупнейший вокалист будущего.

...Окончен рабочий день. Подсчитываем выручку. Ого! Финансовый план перевыполнен! Сколько людей прошло перед бесстрастным объективом фотокамеры! И все они пришли сюда, отмечая что-то хорошее в своей жизни. Любовь, почетная старость, трудовая победа, первый паспорт, вступление в комсомол... Артист, слесарь, солдат, счетовод, врач, студент, шофер... Это жизнь, это люди, наши, советские люди, живущие в древнем городе Владимире.

И, ради бога, товарищи ретушеры, давайте не будем делать их на одно лицо, ведь все они такие разные!

Под зимним небом

А. ГОЛИКОВ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Из станции метро «Кропоткинская» специальный выход ведет прямо к бассейну «Москва». В зимний день бассейн кажется гигантской чашей с горячей водой, установленной прямо на снегу. Над чашей клубится густой пар. Когда ветер относит его в сторону, видна прозрачная зеленоватая — ну просто черноморская! — вода, а в ней пловцы!

Но свое знакомство с новым московским бассейном мы начинаем не в воде, а под землей. В машинном отделении гудят мощные насосы. Они гонят воду по толстым металлическим артериям. Еще бы: за сутки вода меняется трижды!

Происходит это совершенно незаметно для купающихся. Вода из бассейна попадает в фильтры — 9 огромных металлических цилиндров. В этих фильтрах вода очищается и направляется в бактериоцидные установки, где свет мощных кварцевых ламп убивает бактерии. Лишь после этого совершенно очищенная вода хлорируется и вновь поступает в бассейн. Температура ее во все времена года одинакова — 27 градусов.

А как же регулируется температура?

Мне показывают диспетчерский пункт, откуда осуществляется управление всем водным режимом бассейна. Это большая комната, одну стенку которой занимает приборная доска. На ней размещены электротермометры. Их датчики установлены в разных точках бассейна. Рядом выполненная в красках схема циркуляции воды, сигнальные лампочки и большие циферблаты электронных приборов. Электронные приборы автоматически регулируют и записывают температуру воды в бассейне. Скоро такие же автоматы будут регулировать температуру и в раздевальных залах.

— Сколько же у вас бывает посетителей за день? — спрашиваю я заместителя директора бассейна Алексея Митрофановича Семкина.

— В среднем 10—12 тысяч, в том числе и дети. Они плавают под наблюдением опытных инструкторов.

— Но при таком количестве купающихся могут быть несчастные случаи. Ведь бассейн глубокий.

— У нас четко работает спасательная служба. Наблюдение за пловцами ведется непрерывно. Зимой пар ухудшает видимость на поверхности бассейна, и поэтому в воде постоянно дежурят водолазы. Они под водой наблюдают за купающимися.

Система службы спасения постоянно совершенствуется. Скоро для наблюдения за дном бассейна под воду будет спущен стеклянный кессон.

Желающих плавать зимой в нашем бассейне очень много. Сочетание свежего морозного воздуха с теплой водой оказывает благотворное влияние на нервы, улучшает деятельность сердечно-сосудистой системы, повышает сопротивляемость организма простудным заболеваниям,— говорит Алексей Митрофанович.— Не хотите ли попробовать? — предлагает он мне.

Но перспектива купания в мороз не кажется заманчивой. К тому же за плечами длинный рабочий день. Я отказываюсь, говорю, что не имею справки от врача, а без этого в бассейн ведь не пускают.

— Только не в наш,— отвечает Алексей Митрофанович.

Получаю разовый пропуск и отправляюсь в пятый павильон. На улице уже стемнело, и бассейн ярко освещен прожекторами. Всюду оживленные лица, все торопятся. В раздевальном зале трое юношей, видимо, студенты, делают разминку. Мой сосед, тучный мужчина лет сорока пяти, говорит:

— Чувствую себя превосходно!

— С морскими купаниями мне довелось познакомиться только в Порт-Артуре,— вторит ему худенький старичок с седыми усами.— Пляж там отличный. Однако в бассейне мне больше нравится.

— А когда вы побывали в Порт-Артуре? — спрашиваю я.

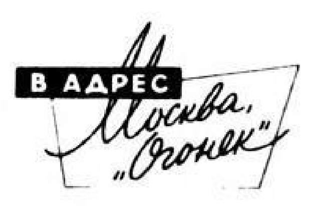
— В одна тысяча девятьсот четвертом году. В солдатах служил, крепость защищал.

Старичок берет мыло и мочалку и легким шагом отправляется в душ.

Из душевой в бассейн можно попасть только через закрытый выплыв. Он напоминает выложенную кафелем большую ванну, один конец которой перегорожен стеклянной стенкой. Стенка касается поверхности воды. Вслед за другими я ныряю под стенку и оказываюсь в бассейне.

Первые ощущения купания в мороз необычайны. Совсем не холодно, и дышится легко, свободно, и воздух чистый, свежий. Вода теплая, ласковая, прозрачная. Я плыву к центру и вижу на дне ярко-красную полосу, сделанную из метлахской плитки. Это — предупреждение: дальше глубина достигает 180 сантиметров. Сквозь толщу воды вижу дежурного водолаза; в маске и ластах он напоминает фантастического человека-амфибию. А на поверхности воды каждый радуется по-своему. Вот стремительно скользит юноша, он отлично владеет самым быстрым стилем — кролем. Юноша и девушка плывут рядом, не спеша и ведут о чем-то беседу. Передо мной в тумане появляется кокетливая розовая шапочка... Ее обладательница, несомненно, ровесница доблестному защитнику Порт-Артура. Сколько радостных лиц! Сколько смеха! И я невольно вспоминаю черноморский пляж в разгар курортного сезона. Но над пловцами в темном северном небе мерцают студеные звезды.

Под вечерним зимним небом светится огнями плавательный бассейн «Москва».

БЕРЕЧЬ КРАСУ НАШЕЙ ЗЕМЛИ

Как-то возвращался я в свое село Караван из соседнего района. Шел пешком. Моим спутником оказался 90-летний старик Емельян Петрович Краев. С большим интересом слушал я его рассказ о том, как выглядели еще недавно эти места.

— Когда я был мальчонкой,— сказал Емельян Петрович,— здесь были сады. А теперь, видишь, как голо: вода разъела землю, ни деревца, ни кустика. Даже ковыля и то мало.

Этот разговор вызвал у меня много мыслей. В нашей стране немало делается для озеленения, для охраны природных богатств. Однако при нашей бурной жизни надо делать во сто раз больше. Еще не сказано решительное «стой» разрушителям и браконьерам.

Вот несколько лет тому назад республиканская газета поместила статью о том, что в нашем районе есть серьезное упущение в этом деле. После того у нас в районе, и в частности в нашем колхозе, были приведены в порядок запущенные сады и, кроме того, посажено еще 50 гектаров фруктовых деревьев. Но можно сделать, конечно, гораздо больше.

Бывал я в нескольких районах нашей области и видел, как в Алексеевском, Богодуховском, Змиевском и других районах варварски расхищаются леса, находящиеся в пользовании колхозов. Сердце болит, когда видишь такое безобразие.

Нужно поднять всю общественность на борьбу за то, чтобы не облысела наша земля.

К. МАШКИН

Харьковская область, колхоз «Серп и молот».

Хорошо известно, что еще совсем недавно Волга изобиловала рыбой. Но в последние годы положение резко изменилось. Исчезает рыба в нашей реке. На Волге, в районе нефтеперегонных заводов, рыба гибнет из-за неисправности водоочистительных сооружений.

Возникает вопрос: что же делают специалисты, обученные государством и призванные охранять рыбные богатства?

Ф. РАССАДИН

Саратов.

Хочу присоединиться к тем, кто горячо поддерживает выступления «Огонька» в защиту богатств природы. Мне очень понятно беспокойство тех товарищей, которые требуют сохранить рыбные богатства в реках нашей страны. У нас на реке Буг, впадающей в черноморский лиман возле города Николаева, тоже не все благополучно. Почти весь год ее цедят рыболовецкие артели, именно цедят, ибо в невода крупная рыба почти не попадает. План выполняется за счет густерки, верховодки, тюльки и другой мелочи. Как видите, у нас не брезгуют никакой рыбешкой и восстановлением рыбных запасов почти не занимаются.

К сожалению, пресса еще мало пишет об охране природы, а милиция и судебные органы недостаточно привлекают к ответственности хищников-браконьеров.

И. ПОЛЯКОВ,
директор автобазы

Николаевская область.

ОНИ СПАСЛИ МНЕ ЖИЗНЬ

В 1944 году я участвовал в боях за освобождение Польши от фашистских захватчиков.

При выполнении боевого задания осколками снаряда мне перебило обе руки, ранило в грудь и ногу. Очнулся уже на операционном столе. Хирург — гвардии майор медицинской службы Мануйлов—по-отцовски сказал: «Сделаем все, что можно; уверен, что кости срастутся и ты еще будешь работать своими руками». Я не очень поверил тогда в эти слова. Операция длилась долго, и я опять потерял сознание. Оказалось, что мне нужно сделать вливание крови. Нужной группы крови в медсанбате в это время не было. Свою кровь дала мне медсестра Гусарова Ольга. В то время, когда мне вливали кровь, немцы начали артиллерийский обстрел, снаряды рвались рядом с операционной. Я стал просить врача и медсестер, чтобы они ушли в укрытие. Мануйлов ответил вопросом: «А ты разве боишься?» Я ответил: «Боюсь за вас, мне все равно». Он сказал спокойно: «Нам к этому не привыкать».

В 1945 году я вернулся домой, поступил учиться в Московское художественно-промышленное училище.

Сейчас работаю в декоративно-оформительском комбинате Художественного фонда РСФСР. Участвую в строительстве и художественном оформлении зданий столицы. Помогал оформлять выставку Советского Союза в Нью-Йорке.

Мне, как бывшему фронтовику, видевшему ужасы и разрушения войны, очень дороги заботы партии и правительства по обеспечению мира. Поэтому я отдаю все силы нашему мирному строительству.

Как видите, сбылись слова хирурга Мануйлова: я работаю спасенными им руками. И вот теперь я снова вспоминаю всех, кто мне помог, и хочу поздравить моих дорогих фронтовых товарищей с новым, 1961 годом!

Хирургам Троицкой-Шахбаззаде, Мануйлову и медсестрам Гусаровой, Трофименко, Батьковой я приготовил подарки: натюрморты, которые сам писал. Во время войны я не думал остаться в живых и поэтому адресов их не узнал, а фамилии запомнил.

С тех пор я их никогда не видел, но верю, что они живы и продолжают работать по-гвардейски.

М. ЧУМАКОВ

Тут дежурному без лодки не обойтись.

Эта прогулка не для всех, а только для закаленных. ←

Спортсмены завода «Каучук» не боятся холода. →

В воздухе — 20 градусов мороза, в воде — 27 градусов тепла.

Но тренеру приходится одеваться потеплее, ведь он проводит на воздухе многие часы.

Наблюдение за пловцами ведется и под водой.

А при плюсовой температуре короткая пробежка для закаленных — одно удовольствие.

Они чувствуют себя отлично!

Заметки писателя

ПОДУМАЕМ, ПОГОВОРИМ, ПОСПОРИМ

О МАТЕРИНСКОЙ ЛЮБВИ

Вл. НЕМЦОВ

Рисунки **Л. СМЕХОВА.**

Мы, к сожалению, все чаще и чаще встречаемся с фактами, когда женщина, получившая образование, специальность, выходя замуж, замыкается в узком семейном мирке, воспитывает детей и уже не помышляет о трудовом коллективе.

Слов нет, женщине нелегко сочетать работу с домашними хлопотами и заботами о детях. Но почему же все-таки подавляющее большинство семейных и достаточно хорошо обеспеченных женщин не бросают работу и не отдают себя целиком только воспитанию детей?

В чем тут дело? Видимо, здесь играет роль огромная притягательная сила трудового коллектива. В нем и творческая радость и сознание, что ты работаешь на общее благо, что труд твой самый нужный и важный. И, главное, этот коллективный труд помогает матери воспитывать детей, ибо ей самой требуется общественное воспитание.

Можно с уверенностью сказать, что если мать не познала настоящей трудовой деятельности, то вряд ли она сможет привить ребенку уважение к труду и воспитать в нем чувство долга перед обществом... Разве в тихой заводи, где частенько образуется тина обывательщины и мещанства, можно вырастить гражданина, патриота и борца за общее человеческое счастье?

Мы все знаем, что тунеядцев и эгоистов порождают отнюдь не безнадзорность или равнодушие родителей. Эти дети не были лишены материнской ласки и отеческой заботы. Все семейные блага они получали с избытком... Отсюда мы и начнем наш нелегкий разговор.

Голос крови или голос разума!

Всем известно, что в советском законодательстве есть такая мера пресечения, как лишение родительских прав. Она применяется в исключительных случаях, когда родители пьянствуют, совершают злостные аморальные поступки, короче говоря, ведут себя так, что это вредно отражается на воспитании детей.

Но не меньшее зло творят и такие родители, которым никак нельзя предъявить обвинение в аморальных поступках, хотя они уродуют своих детей, слепо подчиняясь голосу крови, а не голосу разума.

Нужно ли приводить примеры разумного воспитания в семье? Они у всех на виду. В моих заметках речь идет о еще встречающемся родительском эгоизме, который приносит немалый вред нашему социалистическому обществу. Я уже не говорю о тунеядцах, воспитанных под теплым материнским крылышком, но бывает и так, что под этим крылышком прячутся даже явные преступники.

Возьмем недавний судебный процесс о групповом насилии. Прожигатели жизни, птенцы по возрасту, но с солидным опытом хулиганства и прочих малоприглядных дел, устраивающие оргии в «свободных квартирах», предстали перед судом по обвинению в самом отвратительном преступлении, от которого холодеет душа и сердце наполняется ненавистью.

Это не воры, не убийцы, но с точки зрения общественной морали они еще гнуснее: подлецы, в которых не осталось ничего человеческого. Подумать только, групповое насилие!

Еще не начинался процесс, а мамы уже забегали по всем инстанциям, советовались с юристами, убеждали пострадавшую отказаться от показаний, предлагали отступного... Какая грязь!

Кстати говоря, я не могу понять родителей, которые сознательно предоставляют квартиры для всяческих вечеринок своих сынков и дочек. Дескать, пусть они чувствуют себя посвободнее, а мы на это время уйдем. У настоящей, нашей, чистой молодежи никогда не вызовет недовольства присутствие родителей на домашней вечеринке.

Животное чувство к своему взрослому ребенку порою доводит до того, что матери уже забывают о своих обязанностях по отношению к обществу. Совершилось гнуснейшее преступление. Четверо молодцов зверски надругались над девушкой. Какой честный советский человек не потребует от суда судить мерзавцев по всей строгости наших законов? Так почему же матери преступников стараются добиться их освобождения, забывая не только о своем гражданском долге, но и о том несмываемом оскорблении, которое нанесли их сыновья Женщине? Я пишу это слово с большой буквы, чтобы подчеркнуть особую социальную и общечеловеческую нетерпимость к подобным преступникам. Тут заступничество и материнские чувства кажутся просто кощунством.

Помню, как один адвокат рассказывал примерно о таком же деле, которое он взялся вести. Там матери насильников сумели то ли угрозами, то ли подкупом убедить несчастную шестнадцатилетнюю девочку сказать на суде, что все произошло добровольно. Папы при этом остались в стороне, а мамы, вырастившие таких сынков, готовы были горло перегрызть в защите даже самого отъявленного негодяя.

Когда мы благодушны...

Не так уж много у нас тунеядцев. Но чем чище становятся наши города, тем явственнее проступает грязь, которую в спешке разных дел мы попросту не замечали. Сейчас мы стали требовательнее и к себе и к окружающим. Просмотрите комплекты газет: сколько в них рассказано горьких историй о поведении некких юнцов, тех, кого окрестили стилягами!

В ответ на одно из своих выступлений по вопросам воспитания я получил «поэму» — плод коллективного творчества стиляг, скромно подписавшихся: «Любители джаза».

Любителей джазовой музыки у нас много, и я сам отдаю ей должное, но дело, конечно, не в этом. Авторы весьма безграмотных стихотворных строк, как бы полемизируя со мной, спорят не о вкусе, а излагают свою жизненную программу воинствующих мещан, тех, кто с восторгом принюхивается к смрадному ветру, доносящемуся из нью-йоркских кабаков.

Эти «просвещенные чуваки», как они себя называют на блатном жаргоне, хвастаются тем, что по пятнадцать раз смотрят венский фильм, где показывается пародийный рок-н-ролл, а с оперы Чайковского в Большом театре ушли через пять минут.

Можно было бы не обращать внимания на жалкие потуги фрондирующих юнцов, но в своих виршах они пытаются изложить и жизненную программу: «Пусть народ стиляет, он ведь не находится в нужде».

Да, конечно, трудовой советский народ живет не в нужде. Но и бездельники порой чувствуют себя не так уж плохо под родительским кровом. Им многое не нравится в нашей жизни, и самое главное — труд. А отсюда все качества.

Растленные тунеядцы мешают нам жить. И прежде всего я говорю о тех шалопаях, кто роскошествует на средства родителей.

Казалось бы, пустяковый случай. Вечер. На остановке такси очередь. Женщина с маленьким ребенком. Он простудился, надрывно кашляет, скорее бы отвезти домой, в тепло. Лейтенант с чемоданом торопится на поезд, все время смотрит на часы. Много пожилых людей. Стоят, терпеливо ждут.

Показался зеленый глазок такси. Вперед прошла женщина с ребенком. Но буквально за пять метров от стоянки машину перехватили двое полупьяных стиляг. Я подошел к водителю и сказал, что он нарушает правила: видит очередь, а посадил не на стоянке.

— Что же, я с ними драться буду? — окрысился водитель.

— Позовите милиционера!

— Сами зовите!

Я попробовал было взывать к совести совсем юных пижонов: говорил, что вот стоит женщина, ребенок простудился... Они только презрительно ухмылялись. Наконец один из них нарочито зевнул и захлопнул дверцу. Машина тронулась.

Нам не везло. Подъехала еще одна машина, и тут, словно из-под земли, вынырнул тонконогий юнец в черном трико, чем-то напоминающий блоху, и вскочил в машину.

Очередь загудела. Опять требовали, чтобы водитель высадил нахального пассажира, грозились записать номер машины, но шофер только разводил руками: сами высаживайте.

Подошел прихрамывающий старик с палкой. Пытался усовестить нахала. А ему было не больше семнадцати лет. Смазливый паренек с кукольным личиком и пухлыми губами даже не соизволил повернуть это личико к старику: молчал, и на губах его блуждала ироническая усмешка.

Милиционера поблизости не было, да и у него нет власти высадить мальчишку. Сами наблюдайте за очередью! Но он, вероятно, появился бы сразу, если бы (совершенно фантастическое предположение!) рослый лейтенант, стоявший в очереди, крепкой мужской рукой поднял бы эту «блоху» за воротник и поставил на свое место.

Конечно, это не метод. Но не думается ли вам, дорогие читатели, что у нас чересчур мягкое сердце, а потому перед откровенной наглостью часто теряемся. Блоха — мелкое насекомое, но сколько она может доставить неприятностей! А самое главное заключается в том, что, убедившись в своей безнаказанности, к чему он привык дома, юный баловень недальновидных родителей будет наращивать темпы, поднимаясь на более высокие ступени цинизма и презрения к людям, пока не доберется до самого верха. Видимо, об этом уже расскажет прокурор.

Вопрос о тунеядцах волнует нашу общественность. Трудящиеся пишут письма в газеты, где предлагают высылать подобных типов из крупных городов, а родителей штрафовать или даже лишать родительских прав.

Все это, конечно, действенные меры, однако я затеял этот разговор лишь потому, что хочется посоветоваться с читателями: как бы избежать этих крайних мер? Какими способами их предотвратить?

Но вернемся на стоянку такси. Я так и не дождался машины, пошел пешком и по дороге встретил зеленый огонек. Водителем была женщина. Я пожаловался на ее коллег, которые оказались равнодушными хамами. В самом деле, неужели им безразлично, что на законное место женщины с ребенком вдруг вскакивают какие-то стиляги?

— А я этих стиляг никогда не вожу,— с оттенком гордости сказала она.

Я полюбопытствовал: как их можно отличить от других хорошо одетых юношей?

— Да я их по походке узнаю, по наглости. По разговору. Ведь эти подонки от всех отличаются. Будь они прокляты!

Мне не нужно было расспрашивать, каким путем ей удается отказываться от неугодных пассажиров. Есть тысячи способов: «Кончаю работу, еду в парк», «Неисправна машина»... Может быть, с точки зрения выполнения финансового плана и правил обслуживания пассажиров такие действия водителя не следовало бы одобрять? Но если этим пользоваться разумно, то здесь можно усмотреть одно из средств общественного воспитания. Мы относимся с презрением к этим выродкам, так пусть они это чувствуют на каждом шагу.

На всякий случай, для пущей объективности, я попробовал возразить водителю:

— Вот вы отказываетесь возить этих юношей. Но есть и скромные...

Женщина пожала плечами и ответила с полной категоричностью:

— Скромные юноши в такси редко ездят.

И я вновь возвращаюсь к той среде, к тому теплому питательному бульону, где с момента рождения культивировался этот микроб. Можно сожалеть, что отец или мать не могли, не умели или не хотели следить за воспитанием своего детища. Можно верить, что родители не замечали, как в ребенке появляются дурные наклонности. Можно допустить, что родителям не хватало сил, чтобы

с этим бороться. Но даже при абсолютной слабости характера можно воспользоваться самыми простыми профилактическими средствами. Об этом сейчас и пойдет разговор.

Даже хорошим детям не дают играть со спичками

Этим я хочу подчеркнуть, что для молодого человека, который еще не знает трудовой ценности денег, порою они опаснее, чем спички для маленького ребенка.

В «Правде», в одной из статей, посвященной нашей детворе, был приведен факт уродливого воспитания ребенка. Родители отправили своего сынишку в Артек и высылали ему только на карманные расходы по семьдесят рублей в день. Я бывал в этом санаторном пионерлагере, видел счастливых ребят, которым не хватало разве только птичьего молока. К чему же тут карманные деньги?

Я не знаю родителей этого мальчугана (кстати, в газете упоминается и о другом аналогичном случае), но думаю, что здесь мы имеем дело с проявлением тупой, махровой обывательщины. Вот, мол, мы какие! Ни в чем сынку не отказываем. Пусть другие попробуют, кто есть побогаче! Посоревнуемся!

Откуда эти купеческие замашки? Мне неизвестно, как на подобную «систему воспитания» откликнулись в пионерлагере, но, по моему мнению, надо было бы отправить парнишку домой, хотя он и не отвечает за глупость родителей, а их судить товарищеским судом. Нет никакой разницы: спаивают ли малолетних или развращают их деньгами. Такое же преступление перед обществом!

Разные бывают родители. Мне близко знакома семья видного ученого. Человек широкой души, в деньгах он не нуждается, при случае помогает друзьям, много тратит на поездки по стране... Жена его работает, воспитывает детей. В скупости ее также упрекнуть нельзя, но я сам видел, как она отсчитывала рубли своему сыну студенту-первокурснику, чтобы он мог пойти с девушкой в кино и зайти в кафе-мороженое. Больше ему и не требуется. Деньги-то пока еще не заработанные!

И наряду с этим я вспоминаю и другую мать. Профессия ее скромная — дворник. Муж — водопроводчик, а сын — бездельник, меняет одно место работы за другим. Месяцами ничего не делает, и мать отдает ему последнюю копейку на развлечения.

Таковы контрасты. И дело тут не в материальной обеспеченности. Все зависит от матери, от того, как она понимает свое призвание в воспитании детей.

Я как-то спросил хорошего знакомого, почему он посылает своего семнадцатилетнего сына на курорты, причем мальчик живет там один, пользуется полной самостоятельностью и, видимо, не очень-то ограничен в деньгах.

— Причуды матери,— беспечно рассмеялся отец.— Говорит, что это ему необходимо по состоянию здоровья. Нервы расшатались. Хлипкая молодежь нынче пошла. Мы с вами в его годы насчет нервов и не думали. Другими делами были заняты.

Как видите, в его словах нет такой уж всепоглощающей родительской нежности, что туманит глаза и разум. К сыну он относится с некоторой иронией и снисходительностью. В данном случае все решает мать, и, как очень часто бывает, отец поддается ее влиянию не из-за любви к своему ребенку, а скорее всего во имя любви и уважения к его матери.

В самом деле, почему он должен отказывать в настойчивых просьбах жены послать сына на курорт или дать ему возможность весело развлекаться? Мать его любит, и ей приятно побаловать ребенка. А кроме того, таким образом легче всего избежать семейных ссор.

Мать гордилась тем, что предоставляла полную свободу своему сыну. «Ничего, не маленький, в прошлом году уже паспорт получил». Он возвращается к утру, причем от него пахнет водкой, а мама делает вид, что все в порядке. Однако посмотрели бы вы на нее, когда не мальчик, а его отец иной раз после работы задерживается с друзьями!.. Впрочем, это интимное обстоятельство я привел лишь для характеристики образа.

Тунеядцев воспитывает не только родительский эгоизм, но и, как я уже говорил, позорная слабость характера. Есть «детки», которые ногой наступают на горло, требуют и денег и дорогих тряпок. Мать поплачет, но у нее уже нет сил, чтобы с этим бороться. Часто бывает, что и отец сдается. Неужели нельзя показать свой мужской характер и попросту не давать сыну денег, учитывая его любовь к сомнительным развлечениям? Причем эти разумные меры следовало бы применять с самого раннего возраста.

Но вот случилась беда. Сын, ресторанный кутила, совершил серьезное преступление. Родители вызываются свидетелями. Судья спрашивает: какую примерно сумму вы выделяли мальчику на развлечения? И нередко услышишь, что сумма эта весьма солидная. По нашим судебным законам в таких случаях нельзя привлечь родителей к суду за соучастие в преступлении, но по законам советской морали, мне думается, что следовало бы.

Это, конечно, исключительный случай: не все избалованные дети становятся преступниками, но эгоистами, иждивенцами и циниками — многие.

В этой связи мне вспоминается один телефонный звонок. Плачущий женский голос: «Вот вы много писали о воспитании молодежи. Помогите мне!»

Я спросил: а какая же помощь от меня потребуется? Выяснилось, что молодая девушка очень плохо относится к матери. Требует денег на наряды, развлечения. Вполне понятно, что здесь я ничем помочь не мог. Дело семейное, можно только посочувствовать.

— Но она меня бьет! — вырвался крик отчаяния.

И тут я был бессилен, но все же посоветовал обратиться в общественную организацию или даже в милицию.

Мать еще пуще зарыдала:

— Не могу! Она моя дочь!

Казалось бы, столь трагическая судьба матери не так уж близко связана с нашим разговором о мещанском воспитании, тем более, что нам не известно, как воспитывалась ее доченька, однако тут немалую роль сыграло и материнское тщеславие: пусть девочка будет одета лучше всех. И снова повторяю: дело тут не в материальной обеспеченности. Очень часто в семьях, где высоки заработки, где есть полная возможность одевать детей в дорогие меха и шелка, детишки эти ходят в самых простых, дешевых, но аккуратных костюмах.

В фельетонах мы бичуем стиляг, издеваемся над их пестрыми рубашками, «техасскими брючками». Мы сетуем, что за эти тряпки иные парни продают и честь и совесть. Все правильно, но дело не только в заграничных тряпках. У нас выпускаются и ткани и одежда получше, подобротнее, поскромнее. Однако, если с раннего детства вдалбливать в голову несмышленыша, что ты одет лучше всех, что такой дорогой курточки нет даже у Кольки с соседского двора, то — избави бог, конечно! — к восемнадцати годам и этот юный баловень попадет в фельетон. Чем проще мы одеваем ребенка, тем большую радость он будет испытывать в будущем, когда сумеет оценить по достоинст-

ву искреннюю родительскую заботу.

Мне бывает жаль юных старичков, у которых матери отняли свежесть восприятия, волнения от встречи с неизведанным, отняли романтику природы, так воспринимаемую в юности. Я говорю о «курортных детях», тех, кого родители таскают за собой на курорты чуть ли не с младенческого возраста. Мне как-то встретился десятилетний мальчуган, которого давно уже перестали удивлять красоты Кавказа и Крыма. Оттопыривая нижнюю губу, он презрительно смотрел на жемчужные волны Прибалтики: мол, мелко и холодно. А когда этого маленького скептика по вынужденным обстоятельствам отправили в пионерлагерь на красавицу Оку, то он совсем заскучал. Через неделю мама забрала его домой.

Бывают всякие причины, из-за которых детей возят по курортам. Не на кого оставить дома. Болезненный ребенок. Но жизнь

подсказывает, что здесь чаще всего играет роль материнский эгоизм, а иной раз и обывательское тщеславие.

Каждая мать знает, сколь вредно перекармливать ребенка. Сначала ей об этом говорили в детской консультации, затем, воспитывая малыша, она сама не раз убеждалась на опыте, что это действительно вредно. Нельзя же ребенка все время пичкать пирожными. Впрочем, это общеизвестно.

Однако мне думается, что далеко не всем матерям известно, какой непоправимый вред наносит не желудку, а детской психике (если так можно выразиться) «перекармливание впечатлениями». Это может проявляться в самых разнообразных формах, начиная от неумеренного посещения кино, постоянного дежурства у телевизора и кончая совсем невинным развлечением вроде елки.

Разве мы не знаем, что этот веселый детский праздник у некоторых неразумных мамаш превращается в сплошное путешествие из клуба в клуб, из зала в зал, только чтобы ребенку было весело. Ежедневные зрелища, подарки, уйма впечатлений — и в конце концов... пресыщение. Ребенка перекормили, но не пирожными. Его болезнь порой надолго задерживается в организме и может сказаться через годы.

В самом деле, не следует ли всерьез задуматься, почему появляются у нас разочарованные скептики, которым все уже надоело. Они не находят удовольствия в обычных развлечениях, их не интересует ни книга, ни театр, ни музыка... Для них нет авторитетов — ни в жизни, ни в искусстве.

Так постепенно возникают и пресыщение и нечто вроде пафоса отрицания — болезнь скучающих юношей.

Обязательное вмешательство

Мне думается, что в семейную жизнь взрослых у нас вмешиваются гораздо чаще, чем это следовало бы. Сердобольные кумушки пытаются примирить супругов, не зная подлинных причин серьезных разногласий. Иной раз пользуются сплетнями, затевают общественный разбор интимной жизни хороших людей, которые прекрасно отдают себе отчет в своих поступках.

Но вмешиваться в воспитание детей мы обязаны. Надо в зародыше искоренить то мещанское представление, что мать живет только для детей и окружающим тут делать нечего. Пусть балует, как хочет, ей виднее. А кроме того, есть материнский инстинкт. Дом есть дом, пусть школа воспитывает, как полагается, а маму не трогайте. Не лишайте ее радости побаловать ребенка. У нее собственные взгляды.

С этим никак нельзя согласиться. Раньше при маленькой ссоре в трамвае или автобусе вдруг раздавалось: «А еще в шляпе!» «Поезжай на такси...» Сейчас люди стали иными, подобное «остроумие» почти исчезло. Но вдруг, совершенно неожиданно, в ответ на маленькое замечание о поведении ребенка некоторые мамаши бросают сакраментальную фразу:

— Родите своего, тогда и воспитывайте!

Нет, будем воспитывать, и не только своих детей, но и ваших! Они нам тоже близки. Хоть и трудно, но попробуем и вас воспитывать, недальновидная мама!

Мне хорошо знакома одна семья. Воспитанием своей шестнадцатилетней дочери, как это обычно бывает, занимается мать. Девочка скромная, далеко не глупая, и вот совершенно случайно я увидел ее в компании молодых людей, которые, насколько мне известно, не отличаются высокими нравственными качествами.

Девочку эту я знал с самого раннего детства, но сейчас она находилась в таком возрасте, когда даже самое маленькое дружеское замечание болезненно ранит самолюбие и чаще всего не достигает цели. Решил поговорить с матерью, потому что был уверен в полезности этого разговора и ее доброжелательном отношении ко мне. Так оно и получилось. Девочка убедилась, что совершила ошибку, и обещала ее больше не повторять.

Известно, что коллективное воспитание дает прекрасные плоды. Я говорю о детсадах, школах-интернатах, о других детских учреждениях, которым столько внимания уделяет государство. Но пока их еще не хватает. А время не ждет, и было бы неправильно утверждать, что семейное воспитание — понятие отживающее, а потому сейчас мы с ним только миримся... Нет, речь идет о разумном сочетании этих двух великих начал — семьи и коллектива.

Но почему коллективное воспитание детей и юношества нами часто представляется лишь в системе государственных учреждений? Почему в школе учительница может сделать любое замечание ребенку и даже вызвать мать, чтобы предупредить ее о дурном поведении сына, но, выйдя за порог, эта опытная воспитательница теряет все свои права и уже не решится сказать даже соседке, что та неправильно воспитывает своего ребенка? Боится. Ну как же, для той обида кровная!

Я с трудом, но могу понять женщин, когда они стесняются сказать подруге, что такое-то платье ей не к лицу, что гладкая прическа старит, а шляпа с полями подчеркивает и без того маленький рост. Это, как говорится, — их личное женское дело. Но будущее наших детей вовсе не мелочи быта. Тут невозможно обижаться, коли знаешь, что сказано это от чистого сердца.

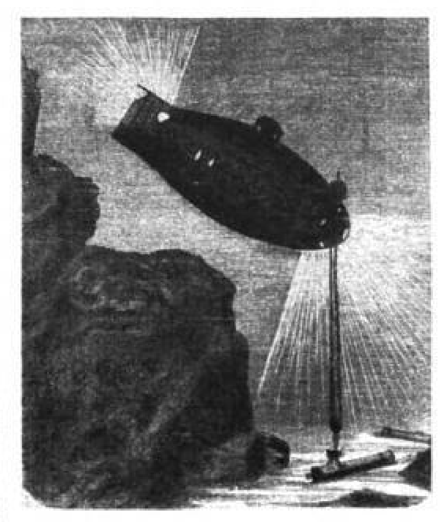
И надо верить в чистые сердца. Мы с радостью и волнением думаем о тех, кто примет из наших рук великую эстафету и пронесет через годы времени в Коммунистическое Завтра. И мы за них в ответе перед будущими поколениями и перед своей совестью!

Времена и люди

Детские годы транспорта

В. ВЛАДИМИРОВ

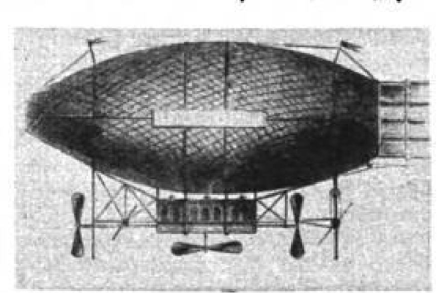
Сто лет назад яхта «Лебедь Энса», принадлежавшая капитану Джорджу Пикоку, считалась прекрасным прогулочным судном. Белая яхта с позолоченными реями была «гарантирована от потопления», так как имела внизу несколько резервуаров устойчивости. Паруса были похожи на крылья, а голова лебедя высотой в 5 метров являлась дымовой трубой камбуза. Отдыхающие доверяли свою судьбу рулевому, который сидел высоко на корме яхты.

Но не все изобретения 60-х годов прошлого века были чудачествами. Возьмем, например, подводную лодку «Ихтион» каталонского изобретателя Марино Монтуриота. К сожалению, изобретатель хранил в глубокой тайне подробности устройства своего корабля. Каков был двигатель «Ихтиона», мы так и не знаем. Монтуриот спустился под воду с пятью пассажирами (все они были его родственниками) и пробыл там два с половиной часа. «Улучшение воздуха производилось с помощью химических препаратов»,— сообщали журналы в 1860 году.

Спустя несколько лет великий фантаст Жюль Верн напечатал свой знаменитый роман «20 тысяч лье под водой», где описана подводная лодка, приводимая в движение электроэнергией от аккумуляторов, сырьем для которых являются соли морской воды. Конечно, Монтуриот не мог создать такой двигатель на своем «Ихтионе», но электрический свет, судя по журналам, у него был. Изобретатель «Ихтиона» ставил своему кораблю очень скромную задачу — служить для ловли кораллов или для отыскания грузов разбившихся судов.

Имя Жюля Верна нам придется вспомнить и в связи с проектом летательного аппарата, изобретенного Камиллом Вером. Этот аэростат носил название «Летучая рыба» и рекламировался так: «Капризов ветра больше не будет! Найдено универсальное средство воздушного сообщения между Парижем и другими городами Франции». Аэростат Вера имел в гондоле паровую машину, а помещения для пассажиров были привешены сбоку и снабжены огромными парашютами на случай катастрофы. Изобретателя нисколько не смущало соседство топки котла с тонкой обшивкой, наполненной водородом. На вопрос, где взять воду и топливо в пути, Вер отвечал, что это его тайна. Однако тайны никакой не было, и «Летучая рыба» не полетела.

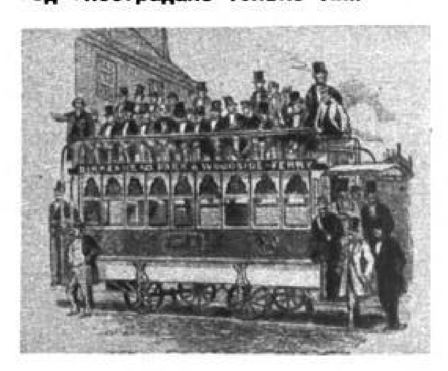
Жюль Верн и его друг изобретатель Надар уже в то время понимали, что будущее не за дирижаблями, а за самолетами. В 1863 году друзья основали «Общество сторонников летательных аппаратов тяжелее воздуха», а Жюль Верн впоследствии осмеял любителей аэростатов в своей известной книге «Робур-завоеватель».

На дорогах Англии можно было увидеть трехколесное чудовище, которое пыхтело, рычало и плевалось дымом, продвигаясь вперед со скоростью 16 километров в час. Это была «паровая повозка» Риккета. Повозка имела бак на 410 литров воды, расходуемой за час пути. Двигатель был трехцилиндровый и потреблял около двух с половиной килограммов угля на километр. Водитель сидел спереди и управлял рулем, а его помощник следил за давлением пара. Сзади находился кочегар, который непрерывно подбрасывал уголь в топку. Риккет утверждал, что «разве только молодая лошадь может испугаться, если внезапно затормозить машину, потому что шума и дыма будет очень мало».

Следует отметить, что проекты «паровых карет» и дилижансов, называемых «быстроками», в изобилии возникали и в России. Предприниматель В. П. Гурьев сочинил проект постройки деревянных шоссе с регулярными рейсами паровых тягачей, везущих за собой прицепные коляски или сани. Еще в 1836 году артиллерист Н. Лундушев хотел учредить общество «паровых экипажей» для перевозки грузов между Доном и Волгой, а петербургский мастер К. Янкевич изобрел «паровоз для обыкновенных дорог» с трубчатым котлом. Такие изобретения обычно оценивались чиновниками Николая I странной короткой формулировкой: «По новизне и неизвестности — запретить».

Много шума наделало открытие сто лет назад первого в Англии конного трамвая. Английские журналы писали о конке, как о технической диковинке. Привез конку из Америки в Европу некто Трэйн и испытал в Ливерпуле. Новинка двигалась со скоростью семь километров в час. Газеты сообщали с восторгом, что в «конный трамвай» можно запрягать лошадей с обеих сторон. Для придания бодрости пассажирам этого скоростного транспорта Трэйн объявил, что в Нью-Йорке из 34 миллионов пассажиров за год «пострадало только 12...»

ПО ПУТЯМ И ПО

О. КНОРРИНГ

Вот уже который день я езжу по Северной железной дороге с вагоном-клубом. Наш вагон — нечто среднее между маленьким кораблем, Домом культуры и коммунальной квартирой. Клуб на колесах обслуживает лекциями, кино и концертами художественной самодеятельности маленькие станции и разъезды. В нем зрительный зал, кинобудка и два жилых купе, забитые книгами и журналами библиотеки.

Постоянных жильцов в вагоне четверо. Заведующий Дмитрий Александрович Глызин уже много лет странствует по станциям и разъездам, где он знает всех и все знают его. Он библиотекарь, кассир, администратор, повар и вдобавок ко всему милейший человек. Второй член экипажа — киномеханик Вадим Алексеевич Боженов, или, как все его называют, Вадя. Он всегда одет по моде, даже немного щеголевато. Его обязанность — крутить кино, писать афиши и развлекать публику магнитофоном.

С нами едут две молоденькие проводницы — Надя и Соня. Они убирают вагон, топят печь, носят воду и заготавливают уголь. Во время киносеансов проверяют билеты. Надя иногда подменяет у киноаппарата Вадю. Соня любит петь частушки. Знает она их великое множество и, когда поет, обязательно приплясывает, отбивая ногами немыслимую дробь. Обе с утра до поздней ночи по очереди играют на гармошке. Играют только на басах, одной рукой один и тот же частушечный отыгрыш.

Мы передвигаемся с места на место ночью со сборными поездами или маневровыми паровозами. Утро начинается обычно с того, что, поднявшись с постели, Вадя выглядывает в окно и бранится: вагон поставили не туда, куда надо, далеко подключаться к электросети. Дмитрий Александрович неторопливо одевается и идет к начальнику станции договариваться о плане работы. Видно, ему трудно в чем-нибудь отказать: через полчаса приходит паровоз и ставит вагон в нужное место. Вадя, наскоро написав несколько афиш, мчится с ними на вокзал. Одна прибивается тут же, на перроне, а остальные вручаются вездесущим мальчишкам с наказом развесить в соседнем поселке. За это обещано пропустить их бесплатно.

Жизнь вагона закипает часов с двух. Первыми, конечно, являются мальчишки. Они орут под окнами и отчаянно барабанят в двери. Но, проникнув внутрь, ведут себя мирно. Уткнувшись носами в журналы с картинками, они тихо посапывают и разговаривают шепотом. Билеты продает сам заведующий через специальное окошечко в двери вагона. Большинство зрителей — его знакомые, но никто не пытается это использовать. Все покупают билеты. Народ собирается медленно, многие идут за несколько километров. Зал рассчитан на 75 мест, но разве можно не пустить людей, если их приходит больше! Наконец, определив опытным взглядом «степень уплотнения» зала, Дмитрий Александрович закрывает окошечко кассы и начинает кино.

Ежедневно дается два-три сеанса. Каждый сеанс — другой фильм, и некоторые зрители покупают билеты на все сеансы сразу. Картин у нас три: «Сверстницы», «Рассветает» и «Кровь людская — не водица». Мало того, что две из них не один раз показывались тут, их техническое состояние (да будет вам стыдно, товарищи из кинопроката!) такое плохое, что даже диву даешься, насколько терпелив и снисходителен зритель. А дети? Детей пускают только на первый сеанс. Но специальных картин для них нет.

Так вот мы и ездим от станции к станции. Каждый день новые лица, новые встречи.

К нам приехали помощники — бригада художественной самодеятельности станции Ростов-Ярославский. Инструментальный квартет (баян, труба, гитара и барабан) и двое из драмкружка (скетчи и художественное чтение). Участники старались изо всех сил. Особенно трогательно было вы-

Павел Константинович Прутков — хозяин сверхотличного участка.

ЛУСТАНКАМ

ступление бывшей билетной кассирши, пенсионерки Марины Николаевны Жуковой, сорок лет отдавшей самодеятельной сцене. И какая это была сцена — бараки, красные уголки, а иногда просто железнодорожные платформы! Ведь это тоже подвиг.

Наши проводницы взволнованы: в вагоне появился бравый матрос-североморец. Все мы, даже Вадя, сразу же сникли перед блеском его бескозырки и лихо разутюженными брюками-клеш. Он в отпуске, приехал на соседний разъезд навестить родителей. Не знаю, как там обошлось с родителями, но три дня подряд он неотступно следовал за нашим вагоном.

Герой одного из чеховских рассказов, начальник полустанка, так говорил о своей жизни: «Весело мне жилось на полустанке или скучно, вы можете видеть из того, что на 20 верст вокруг не было ни одного человеческого жилья... Единственным развлечением могли быть только окна пассажирских поездов да поганая водка...»

Я сижу в комнате дежурного станции Ваулово, на которой стоит наш вагон. Это станция третьего класса на Рыбинском направлении, как раз такая, о каких писал Чехов. Жарко натоплена печка, вдоль стен темнеет сигнализационная аппаратура. Пахнет керосином от сложенных в углу путейских фонарей. Дежурный, он же начальник станции, Константин Петрович Тихановский непрерывно крутит какие-то рычаги и простуженным голосом кричит в телефонную трубку:

— Диспетчер, диспетчер, я Ваулово, девяносто восьмой проследовал двадцать две минуты... семьдесят седьмой принимаю на второй путь.

Затем, схватив в руки путевой жезл, бежит на перрон встречать проходящий «семьдесят седьмой». Вернувшись, он что-то сосредоточенно записывает в книжку, одновременно продолжая начатый разговор...

— Чехов, говорите? Читали, читали!.. Ну, а сейчас у нас и на самом маленьком разъезде не заскучаешь. Темп жизни был другой, интересы другие. Раньше, кроме своего полустанка, ничего не знали, ничем не интересовались. А погляди сейчас. Иного нашего стрелочника хоть на Генеральную Ассамблею посылай. Начнет рассуждать о политике — заслушаешься. Да нет, разве можно сравнивать старого железнодорожника с теперешним! У нас ведь кто в заочном институте, кто в техникуме, кто на курсах...

Ну, а насчет водочки... Водочкой, греха таить не буду, и сейчас кое-кто у нас балуется. Но уже в меру. Всего сразу не переделаешь. Так-то вот!

Уютный домик около пути на триста втором километре. Палисадник, колодец, баня. Высунув голову из хлева, мычит корова. В доме две комнаты, большое окно завешено тюлевой занавеской, кровати с белоснежными подушками, швейная машина, радио, телефон. И очень много цветов. Здесь живут путевые обходчики Степановы: Василий Васильевич, его жена Татьяна Николаевна и пятеро детей.

Производство афиш налажено.

..Больше всего спрос на «Крокодил».

За два часа до начала...

В вагоне появился моряк-североморец.

Обнаружена неисправность.

В семье Вериных идет проверка дневников.

Концерт удался на славу.

Дома мы застали самого хозяина. Вооружившись ухватом, он ловко орудовал горшками и чугунами в русской печи. Возле него с мисочками в руках стояли две самые маленькие его дочки: Ира и Люба.

— Удивляетесь, — улыбнулся Василий Васильевич,— мужик у печки? Ничего не поделаешь, равноправие. У нас по графику. Сегодня жена в обходе, на дежурстве, значит, я за стряпуху. Ребята есть захотели. Вот скоро из школы вернутся еще трое. Ходить им, правда, далековато, но они у нас ходоки хорошие, потомственные железнодорожники. Вообще живем не тужим, от людей не прячемся, гостям всегда рады. Со снабжением тоже неплохо. Ежедневно ходит вагон, развозит по линии продукты и свежий хлеб. Газету получаем. Ну, а сегодня вот ваш вагон-клуб. Это уж совсем праздник. Придем всем семейством. Говорят, будто начальство грозится поставить в будках телевизоры. Вот это было бы хорошо. Будем дома смотреть московские театры.

Вечером за чаем Дмитрий Александрович посоветовал:

— Хотите посмотреть путейскую жизнь? Отправляйтесь на перегон. Да только не на дрезине. По путям нужно ходить пешком. Хоть всю жизнь проездите в поездах, а не заметите и десятой доли того, что увидите, шагая по железнодорожному полотну. Железнодорожники — великие пешеходы. Отмерить десять километров для них все равно, что иному москвичу дойти до трамвайной остановки.

Вместе с механиком путеизмерительной тележки Павлом Александровичем Нелидовым, спотыкаясь с непривычки о шпалы, отправился я на перегон. Тележка, с которой Нелидов проходит ежедневно по 15—20 километров,— хитроумный прибор, автоматически выявляющий и записывающий на ленту все неисправности пути.

С нами идет мастер околотка Сергей Николаевич Верин. Несмотря на мороз, он в распахнутой шинели, без рукавиц.

В газетах околоток Верина ставят в пример другим. Но это его не успокаивает.

— Дорога, как дитя малое,— говорит он.— За ней глаз да глаз нужен. Вот сейчас вроде все хорошо, а через час, глядишь, что-нибудь неладно. Прозеваешь — беда. Недавно у нас был такой случай. Прошел обходчик, все в порядке. А после него рельс лопнул. Хорошо, что в это время возвращались из школы Саша и Вася Мурашовы, дети начальника разъезда триста двенадцатого километра. Одному — девять, другому — десять лет. Так они шесть километров бежали до разъезда, чтобы сообщить дежурному. И скажи на милость, точно запомнили километр, пикет и звено, где лопнул рельс. Путейцы!

Рассказывая, он успевает что-то записывать в тетрадку и делать мелом пометки на рельсах, где обнаружена неисправность.

Хлопот с дорогой действительно много. Зимой и летом, в жару или мороз надо менять шпалы, перешивать рельсы, делать подсыпку балласта, выравнивать полотно... И все это не останавливая движения. Путейцы привыкли работать молниеносно. Смена двадцатипятиметрового рельса весом в полторы тонны занимает всего 5 минут.

И вот я невольно начинаю глядеть глазами путейцев. Замечаю, что шпалы неодинаковы, что некоторые уже подгнили, что кое-где выдуло балласт и при проходе поезда стык рельсов дает слишком большую просадку. Да, чтобы понять и оценить труд путевого рабочего, нужно самому побывать на перегоне, лучше зимой и обязательно пешком...

Девушки загрустили. Нас перебросили на другой участок, и морячок исчез. Правда, ночью какой-то новый, неизвестный рыцарь бескорыстно помогал им таскать в вагон уголь, но, видимо, это уже не то.

Ждем приезда гостей, бригады художественной самодеятельности железнодорожников Ярославля. Вадим еще с утра побрился и надел рубашку навыпуск; явно не по погоде и такого немыслимого ядовито-зеленого цвета, что едва он высунулся из вагона, мальчишки радостно завопили: «Ребята, стилягу привезли!»

Вагон переполнен. Нельзя шевельнуть ни рукой, ни ногой. Эстрада настолько мала, что на ней могут выступать только певцы. Для танцевальных номеров пришлось убрать два первых ряда скамеек. Концерт удался на славу. Особенно хлопали певцу Леве Сысоеву и веселой плясунье Тане Бутневой. После концерта артисты торопятся поспеть на поезд, чтобы вернуться в Ярославль. Завтра они приедут снова, и так несколько дней подряд.

Ночевать в вагоне негде. А что стоило бы работникам дороги прицепить к клубу еще один спальный вагон и не мучить молодежь утомительными разъездами! Сделать это нетрудно, благо много таких вагонов стоит на запасных путях Ярославля. Нужно только немного подумать о людях, бескорыстно делающих хорошее дело.

Кончилось кино, все разошлись. На крыше вагона продолжает играть радио, чтобы веселее было добираться до дома. Проводницы убрали вагон, вымыли пол и закружились в вальсе. Теперь можно потанцевать самим.

Сегодня в вагоне солидная публика, ребятишек нет. Лекцию о Генеральной Ассамблее читает председатель месткома дистанции пути Леонид Васильевич Потапов. Аудитория полна, слушают внимательно. Тема интересна всем. Лектор говорит о великой и благородной борьбе советского народа за мир. Он рассказывает, как далеко за океаном, в городе «Желтого дьявола», Никита Сергеевич Хрущев гневно разоблачал поджигателей войны, страстно ратовал за мир без войн, мир без оружия.

...И как будто раздвинулись стены вагона, повеяло дыханием больших событий.

☆ ☆ ☆

И вот все это позади. Вагон-клуб продолжает свой рейс, но уже без меня. На дальних перегонах и полустанках остались полюбившиеся мне люди. На свете все проходит и забывается. Но мне кажется, что я еще очень долго из окон поездов буду искать глазами, не стоит ли где на разъезде знакомый вагон, и внимательно присматриваться к работающим на пути людям, не мелькнет ли знакомое лицо.

ХРОМОЙ СТАРИК ТУР

Рассказ

Халлдор ЛАКСНЕСС

Рисунки А. ВАСИНА.

Мы все хорошо знаем хромого старика Тура еще с тех времен, когда он работал в гавани, а потом на городских общественных работах. Здесь, в пригороде Рейкьявика, он живет давно. Его можно часто видеть на собраниях чернорабочих порта. Он обычно держится в стороне, сидит спокойно, взяв в руки табакерку, небритый, с бородой, к которой, вероятно, давно не прикасалась бритва.

У Тура приятное, кроткое лицо; по всему его облику видно, что этому человеку трудно сидеть без дела, сложа руки. И верно, Тур не привык к безделью. Он родился и вырос в Эстерланде и не брезговал никакой работой ни на море, ни на суше. Между прочим, занимался он и сельским хозяйством, у него был клочок земли. Десять лет он трудился на нем. Но это особая история, и я расскажу ее как-нибудь позже. Многие, правда, осуждают людей, покидающих хозяйство, но я не собираюсь упрекать старика Тура. Кто знает, может быть, у него были веские основания.

Старика прозвали Хромой Тур потому, что он и вправду прихрамывал на одну ногу. С ним однажды приключилось несчастье,— насколько мне помнится, он свалился в пароходный трюм и с тех пор стал хромым. Но этот недостаток не был ему большой помехой. Беда его была вовсе не в том. Старик, хотя и часто посещал профсоюзные собрания, внимательно прислушиваясь к тому, что там происходит, толком, однако, не понимал учения Маркса и Ленина о том, что рабочим необходимо взять власть в свои руки, уничтожить капитализм и создать свое собственное государство, в котором они будут пользоваться благами своего труда. Мне кажется, Тур не верил и половине того, что говорили лидеры профсоюзного движения, и не высказывал половины того, во что верил сам. Подчас я невольно задавал себе вопрос: в чем источник его силы, что закаляет его веру, питает его надежды и поддерживает его юмор?

Как я уже сказал, Тур много лет жил на окраине города. Он поселился здесь на чердаке старого дома с женой и двумя сыновьями. Вскоре жена умерла, а что стало с его сыновьями, я толком не знаю. Сомневаюсь, знает ли это сам старик. Единственная дочь Тура вышла замуж за здешнего рыбака и жила в городе. Как-то старик мне сказал, что у него трое внуков, он долго их расхваливал. Судя по всему, это очень хорошие дети. Я часто навещал одинокого Тура. Он сам готовил себе пищу на примусе, иногда угощал меня кофе, и мы болтали с ним о житье-бытье, об Эстерланде, о том, как шли дела в его родном округе, как вел он свое хозяйство, почему забросил его. Впрочем, я уже говорил, это особая история.

Иногда я заводил разговор о рабочем движении, о борьбе, которую должны вести рабочие, чтобы взять власть в свои руки, построить свое государство, как учили Маркс и Ленин. Но мне редко доводилось встречать человека более миролюбивого, чем Тур. Никогда в жизни он ни с кем не ссорился, никогда не принимал участия ни в какой борьбе, кроме единственной извечной борьбы за существование, которую, как известно, приходится вести народу, потому что всем нам за труд платят гроши. Поссориться с кем-нибудь даже из-за жалованья — нет, старый Тур не мог даже подумать об этом. Нужно действовать с осторожностью, спокойно, говорил он. Да-а, Хромой Тур был добродушнейший человек, такого, пожалуй, редко встретишь.

— Вот только большевики нам все портят,— говорил он.— Своей дерзостью они ожесточают капиталистов. Если хочешь чего-нибудь добиться, действуй осторожно. Что и говорить, большевики — смутьяны, они хотят командовать всем, потому и сеют зло повсюду.

— Тем не менее они управляют громадной территорией — от Балтийского моря до Тихого океана,— заметил я.

— Что-о?

— Нигде на этом пространстве нет собственности, нет капитализма. Там создано государство рабочих и крестьян.

— Я ничего об этом не знаю, меня мало трогает, что происходит там, за границей. А вот здесь, насколько мне известно, большевики не упускают случая, чтобы натравить на нас капиталистов. Послушать только их жалобы, нарекания и требования! Разве нормальный человек может отнестись к ним серьезно? И это вместо того, чтобы быть тише воды и ниже травы. Что и говорить, позорят они рабочих!

— Ну нет,— ответил я.— В самой большой стране им удалось добиться своих прав.

Потеряв на момент самообладание, старик выпалил:

— Они же язычники, черт побери! Я слышал от одной женщины, на ее слова я могу полностью положиться, что они расправляются со служителями церкви — священниками, епископами. А кому же, как не богу, человек может поверить свою душу в тяжелую минуту?

Тур исправно посещал церковь по воскресеньям, внимая елейным проповедям, специально предназначенным для рабочих, чтобы поколебать их боевой дух. В особенности нравилось ему пение псалмов. А вот в кино Тур никогда не бывал. Он питал истинное отвращение ко всем развлечениям, за которые приходилось платить деньги. Однако я никогда не забуду, с какой радостью он как-то в воскресенье отправлял своих внуков в кино, дав им при этом три кроны. Три кроны — немалые деньги по тому тяжелому времени!

— Чего только не сделаешь для детей! — сказал он, улыбаясь и как бы удивляясь самому себе.— До чего же славные ребятишки!

Несколько лет спустя, ранней весной 1932 года, в жизни старого рабочего произошло событие, имевшее серьезные последствия: умер его зять-рыбак. Было бы более естественным, если бы он утонул. Но бедняк просто умер от какой-то болезни. Осиротели трое детей и жена, ходившая на сносях. Рыбак не оставил им иного наследства, кроме города. Впрочем, это происходит со многими бедняками. По простоте душевной они надеются, что об их детях будет заботиться город, воздвигнутый их руками, но принадлежащий богатым, тот самый чудесный город, где все улицы проложены руками рабочих. Видно, поэтому им дали право ходить по этим улицам беспрепятственно.

Не всегда, правда. Взять, к примеру, хотя бы 1 мая. В этот день рабочим разгуливать по улицам не подобает. Стоит им только показаться, как откуда ни возьмись появляются сынки богачей со свастиками в руках, полиция с дубинками. Они спешат предупредить рабочих, что по улицам, проложенным их руками, среди домов, построенных ими, следует им ходить с осторожностью. Как уже ска-

зано, в наследство своим детям рыбак оставил этот прекрасный город.

Оказалось, что только один Хромой Тур открыл дверь своего чердака, пригласил их заходить, располагаться и чувствовать себя как дома, не дожидаясь, когда город и добрые христиане — члены городского совета вздумают пригласить их к столу поесть. И вот вся семья рыбака перекочевала к Туру. Он делился с ней не только своим жилищем, но и скудной пищей. Это называется солидарностью рабочих. Она существует повсюду, во всех странах. Этой же весной город помог старику: он получил работу.

Перед отъездом я заглянул к нему, чтобы попрощаться. Дети были дома. Я разговорился с ними. Старик Тур прав: они очень славные ребята. Вдова смущалась и не решилась заговорить со мной. Рабочим вдолбили в голову, что люди умственного труда куда выше тех, кто добывает хлеб своими руками. Но старик Тур сказал ей, что меня не следует бояться.

— Итак, мой старый друг,— начал я,— я пришел попрощаться с тобой, скоро еду в Советский Союз.

— У тебя, верно, не все дома! — выпалил он.

— Это самая большая страна в мире,— сказал я, как бы в оправдание своего путешествия.

— Меня это не касается,— возразил старик.

— Это — единственное место в мире, где рабочие взяли власть в свои руки,— продолжал я.

— Полно тебе заводить старую песенку, я ее не раз слыхал. У вас, образованных и полуобразованных парней, нет никакого чувства ответственности. Только и знаете орать: революция, революция и Россия, Россия! Это только выводит из себя капиталистов. Вот теперь они пустили в ход банду преступников, чтобы проучить нас, рабочих. Только такие безответственные выскочки, как вы, могут вызвать к жизни эту свору вместо того, чтобы действовать исподволь, осторожно. Что пользы раздражать господ? Нужно действовать тихо, спокойно, шаг за шагом, поверь мне.

— В Советском Союзе нет капиталистов,— возразил я.— С ними давно расквитались; там человек не может нажиться на труде другого.

— Они же антихристы! Они же не признают бога! Они добиваются своего насилием. Нет, ты уж лучше не говори мне ничего, я и слушать не хочу о большевиках, я за мирную эволюцию.

Старик ошеломил меня: «мирная эволюция»! Откуда бедный крестьянин из Эстерланда мог знать такие слова? Я еще долго размышлял над этим.

И вот пришла весна. 1 мая на улицу вышли рабочие. Как и прежде, они двигались двумя враждующими колоннами. Одна колонна выкрикивала: «Революция! Революция и Россия! Россия!»,— накликая на себя свору самых отъявленных преступников. Другая колонна была за мирную эволюцию, за осторожные действия.

9 ноября 1932 года, в этот примечательный для истории исландского рабочего движения день, я был в Советском Союзе. Только вернувшись домой, я узнал все, что произошло здесь в этот день. Оказывается, отцы города пришли к блестящей идее: снизить рабочим заработную плату. В результате дети тех, кто строил город, оказались без молока. Отцы города также единогласно порешили не отпускать из казны сто пятьдесят тысяч крон на организацию общественных работ в эти тяжелые дни. Они торжественно приготовились к настоящей безработице, чтобы сбить спесь с этих глупцов, построивших город. Господа хотели доказать рабочим, что они в них вовсе не нуждаются, рабочие могут отправляться ко всем чертям.

До чего же хорошо, когда к твоим услугам муниципалитет! Стоит нескольким толстякам поднять руки в воздух, и этого вполне достаточно, чтобы лишить жизни несколько сотен ребят, разрушить голодом и холодом здоровье многих людей, ввергнуть не одну семью в тяжкую нужду и тревогу. Разве этот способ не совершеннее того, который применяли их братья по классу викинги, насаживавшие детей на острые копья?

Как и следовало ожидать, муниципалитет и правительство на сей раз, как и всегда, оказались правы. Да и в самом деле, приятно ли господам, когда они не нуждаются в рабочей силе, сознавать, что рабочие и их дети пользуются правом на жизнь? Государственная власть — это власть господ, а не рабочих. Рабочие — злейшие враги господ. К чему вскармливать своего врага, если ты в нем не нуждаешься? Если рабочие возьмут власть в свои руки, сбросят капиталистов, как этому учат Маркс и Ленин, разве они станут отпускать большие денежные ссуды экспроприированным, чтобы те вновь создали себе капитализм? Нет, конечно! Им это и в голову не придет. Каждый разумный человек должен понять, что капиталисты поступают правильно, не расточая денег на рабочих, когда они в них не нуждаются. Это хорошо усвоили рабочие Рейкьявика. Им стало ясно: чтобы как-нибудь протянуть эту зиму и чем-нибудь прокормить своих детей, они должны наперекор всем законам и праву заставить богачей найти для них работу в эту зиму.

9 ноября 1932 года народ стихийно собрался перед муниципалитетом. Никто не пререкался, не обзывал друг друга ни большевистскими агентами, ни социалистическим сбродом; рабочие самых различных партий — коммунисты, социал-демократы и правые социалисты — столпились у дверей и заявили, что они не выпустят ни одного члена муниципального совета, пока те не откажутся от намерения снизить заработную плату и не примут решения оказать помощь безработным. В ответ на эти требования отцы города послали полицию убивать и калечить людей. Завязалась драка. Рабочие все как один бросились против своих врагов. В этот день стихийно возник фронт единства. Не было времени ни для сделок, ни для болтовни о мирной эволюции, чтобы помешать его возникновению. Объединившись, рабочие оказали сопротивление и победили. Этот день показал, что ничто не может сломить единства рабочих, что только единый фронт тружеников может заставить господ выполнять требования народа — дать ему хлеб и работу.

Очевидцы и участники могли бы рассказать много поучительного о сражении у здания муниципалитета 9 ноября 1932 года. Я расскажу только об одном эпизоде, переданном мне знакомыми. Произошел он с Хромым Туром. Старик был среди тех, кто стоял у двери в тот знаменательный день и требовал, чтобы их впустили на заседание. Дверь охранялась полицией. Началась драка. Люди уже прекрасно поняли, что в стране две нации: нация бедняков и нация богачей. Первым в строю бедняков находился Хромой Тур. Единственным его оружием были кулаки. Но, заметив во дворе огромный столб, он ринулся к нему. Столб, очевидно, был велик, чтобы один человек мог с ним справиться, не говоря уже о том, чтобы нанести им удар по голове полицейского. Пока Тур возился со столбом, на его голову обрушились два удара полицейской дубинки. Ведь принято бить народ именно по затылкам. Старик повалился навзничь. Несколько минут он лежал без сознания. Двое товарищей помогли старику встать на ноги и повели его к врачу. Туру нанесли две раны. Едва успели его перевязать, как старик вновь ринулся на поле битвы. Однако на этот раз он вооружился палкой. Размахивая ею во все стороны, Тур колотил полицейских и их прихвостней до тех пор, пока палку не выбили из рук и ему снова нанесли удар, от которого он лишился сознания. Полицейские и на этот раз метили в голову. Товарищи опять отнесли Тура к врачу. Старик пришел в сознание лишь после того, как единый фронт победил. Отцы города согласились не снижать заработную плату, и правительство решило отпустить деньги на помощь безработным.

Вскоре после приезда домой я повстречал старика Тура на улице. Его раны давно зажили, и у него была постоянная работа. Старик сообщил мне, что дома у него все в порядке. Дочь родила накануне 9 ноября, двое старших детишек ходят в школу.

— Они славные ребята,— добавил он.

— Когда мы виделись в последний раз, ты говорил о мирной эволюции,— решив подтрунить над стариком, напомнил я.

— Что ж, я всегда был против большевиков. Я и сейчас против них. Они ведь антихристы!..

— Послушай,— сказал я.— Почему же ты, которого все считают самым миролюбивым человеком, не взывал к богу 9 ноября, а полез в драку, стал избивать людей?

Старик не хотел говорить об этом. Было ясно: в нашем споре он потерпел поражение.

— Что толку рассуждать со мной о России?— говорил он.— Вы носитесь и бахвалитесь своей Россией, как будто вы самый передовой человек. Вы ведь всего-навсего выскочка!

Старик резко повернулся и пошел своей дорогой. Он даже не пригласил меня навестить его. Кажется, Хромой Тур никак не мог простить мне, что 9 ноября я был в России, а не дома.

— Послушай,— закричал я ему вслед,— ты не находишь, что у тебя более передовые взгляды, чем у меня? Ты сражался в рядах единого фронта рабочих в этот день, ты дважды подставлял свою голову под полицейские дубинки. Ты победил. Это как раз то, что сделали в России.

— Ну, это... только... ради новорожденного,— сказал он, как бы извиняясь, и ушел.

Перевела с исландского
В. МОРОЗОВА.

Давид Тенирс младший. ЗУБНОЙ ВРАЧ. **Дрезденская картинная галерея.**

Давид Тенирс младший.

ОБЕЗЬЯНЫ, ИГРАЮЩИЕ В КАРТЫ.

Государственный музей имени А. С. Пушкина.

ИСКУШЕНИЕ СВ. АНТОНИЯ.

Дрезденская картинная галерея.

Веселье

Владимир ЦЫБИН

БАЙГА[1]

Выстрел грянул,
как свист камчи.
Кони вздрогнули, горячи.
Миг! И шпоры
вошли в бока.
С места вскачь началась байга̀.

Грузный топот лихих погонь —
ветру встречному на рожон.
Громом каждый подкован конь
и подкован косым дождем.

Травы падают кувырком!..
Гости, гости гудят кругом.
Мастью в буби — глаза у всех.
Ходит лихо
враскачку смех.

Ходит смех
под хмельком не зря,
ходит, шеи гостей бугря̀.
И, крутя в глазах карусель,
смеху брат,
разгулялся хмель!

А сквозь пыльный дремучий чад
черти-кони по кругу мчат
к алой ленте наверняка,
в плотном мыле горят бока.

Веселючки в глазах тая,
так, чтоб видели их мужья,
жены дружно вздыхают: «Ох!»
Скакунов жены хают: «Ох!»

— Вот у нас не кони — беда!..
Повода, повода, повода!..
Солнце валится на бочок,
а до солнца всего скачок.

И, замаяны скачкой злой,
так, что даже зрачки стоймя,
кони стелются над землей,
как степные дымы̀, плашмя.

Золотые, как от пшениц,
в Первомай в бубенцах подков
кони мчат
из шести станиц
и двенадцати хуторов!

[1] Скачки.

ПРАЗДНЕСТВО

От дыма до дыма
над степью синей:
«Новости! Новости!» — как пух
тополиный.
Свежие новости по станице
носятся,
и, как гости, новости
за столами сходятся.

С кумыса навеселе хорошие вести:
лопаются арбы от добротной
шерсти,
чабанами ситцы женам
облюбованы,
а под седоками скакуны
солнцем лакированы.
— Ныне — во! — трудодни!
Понимаешь?
В гости, в дом, заходи, понимаешь?
Эй!
Восемнадцать гусей скликается,
и еще восемнадцать гостей
слетается.

Звезды,
звезды,
звезды у кромки воды!
Это кони в солончак
вбили следы!

Скачет, скачет кумыс
в бурдюках подвешенных,
как две тыщи коней
молодых и бешеных.
Эй!
Звезды,
звезды,
звезды смотрят в крутой закут.
Кони,
кони,
кони копытами в звезды бьют,
и падают травы на корточки
от жирных тяжелых рос,
и листья грузнеют в лужах,
похожие на стрекоз...

В чашах, в чашах
спелые струи корчатся,
в чашах, в чашах
сроду кумыс не кончится!
И песня повисла
на тонкой струне, грустна,
как будто уздечка
на теплой губе скакуна.

И хозяйка приносит
к чаю гостям халву.
К запястью цветы крадутся
по белому рукаву.
А хозяйка смеется!
Хозяюшке хоть бы хны,
что гости в нее
чуточку влюблены!..

Рыжая погода,
славная погода
гостям насулена!
Месяц ссыхается в небе,
как желтая саксаулина.
И белые головы
прячут под крылья кочеты,
у кочетов песни
давно кончены...

П И С А Т Е Л И И К Н И Г И

СТОРОНА СИБИРСКАЯ, ДАЛЬНЯЯ...

С иркутским писателем Георгием Мокеевичем Марковым я познакомился по его роману «Строговы». Со страниц книги пахнуло Сибирью — огромной землей, суровой и ласковой, тайгой, где писатель знает каждое деревцо и каждую травинку. На родной сибирской земле Марков увидел людей с настоящими, могучими характерами, которым только и жить на таком просторе, здесь и пробовать свою силушку. Предреволюционные годы, создание Советов в Сибири, борьба с Колчаком и интервентами, посещение крестьянами - сибиряками В. И. Ленина — сколько картин народной жизни прошло в романе; запомнилась накрепко и сибирская семья Строговых.

Осенью 1945 года, когда советские войска, одержав победу над японскими империалистами, возвращались на родную землю, я встретился, наконец, с Г. М. Марковым — советским офицером и военным журналистом, участником освободительного похода советских войск. Это было в Хабаровске — городе, где позднее впервые, в журнале «Дальний Восток», был опубликован новый роман Г. Маркова «Соль земли». Признаюсь, личное знакомство с писателем только укрепило ранее сложившееся представление о нем, как о человеке скромном, партийном, близко к сердцу принимающем общественный интерес.

Новую книгу талантливого писателя всегда ожидаешь с нетерпением. А если еще обнаруживаешь знакомых тебе героев, — интерес к ней удваивается. Читатели нового романа Маркова с удовольствием опять встретили на его страницах Строговых, но уже другое, советское поколение этой семьи. Как и Матвей Строгов в первом романе, его дети — партийные работники Артем и Максим, Марина Строгова, ставшая научным сотрудником, — находятся в центре повествования; с развитием именно этих образов связаны основные идеи романа, его проблематика. Конечно, роман «Соль земли» нельзя считать продолжением «Строговых»: и тема его другая, и время не то. Но между обоими произведениями есть определенная связь, и это усиливает звучание романа.

В «Строговых» основное внимание писателя было сосредоточено на изображении суровой борьбы народа с эксплуататорами, интервентами. Герои романа могли только мечтать о счастливом будущем родного края. В «Соли земли» проблема освоения богатства Сибири и коренного преобразования самого облика обширнейшей земли — это уже не мечта, а практическая задача сегодняшнего дня. В таежном Улуюлье этим заняты и краевед Алексей Краюхин и Марина Строгова, возглавившая научную экспедицию, и профессор Великанов, которому нелегко было отказаться от прежних ошибочных взглядов на перспективность исследуемого района; масштабно, широко мыслит, думая о будущем своей области, работник обкома партии Максим Строгов. А к большому, нужному делу, которым заняты герои романа, как это бывает иногда, примазались разные проходимцы и карьеристы, вроде Бенедиктина или Водомерова. Писатель отчетливо видит главную линию развития и в своих творческих поисках стремится идти в том же направлении.

Что прежде всего привлекает читателей в романе Георгия Маркова? Широта изображения жизни, умение писателя видеть и показать громадные перемены в сегодняшней Сибири, а главное — замечательные черты нового в характерах и поступках людей, героев романа, их беззаветная преданность делу коммунизма, партийная принципиальность и моральная чистота, неотъемлемое чувство коллективизма. Все это, как правило, дано в ярких, художественных образах, картинах, написано хорошим русским языком. Марков умеет передать тонкие оттенки человеческих чувств, рисует и картины природы и отношения между людьми во всей их сложности и многообразии.

Вспомним для примера сцену романа, где изображаются Алексей Краюхин и Ульяна Лисицына в момент, когда после долгих поисков, блужданий по тайге им посчастливилось обнаружить магнитную аномалию и доказать наличие в Заболотной тайге богатейших залежей железной руды. Произошло небольшое на первый взгляд событие: отклонилась стрелка компаса. Но как изменится из-за этого в недалеком будущем весь облик глухого таежного края! И не случайно, что именно в такую минуту раскрылись чувства Уленьки и Алексея; уже не таясь, потянулись они навстречу друг другу.

Люди, их судьбы, их настоящее и будущее — вот что прослеживает писатель. Четко и определенно выразил он основную идею произведения в самом названии: соль земли — трудовой народ. Глубоко верная мысль эта проходит через всю книгу: она определяет поступки лесообъездчика Чернышева и бывшего партизана Лисицына, озабоченных бесхозяйственным отношением к народному достоянию — недровникам Улуюлья; ею обусловлен спор между Артемом и Максимом Строговыми о методах партийной работы.

Можно, конечно, спорить: удался или нет в романе образ «немого» Станислава и дает ли он что-нибудь для развития сюжета? Но большинство образов «Соли земли» — яркие, запоминающиеся образы. Их поступки, мысли воспринимаются как дела и думы реальных, живущих среди нас людей. Особенно удались Г. Маркову женские образы: та же Марина Строгова; обаятельная, умная Анастасия Федоровна; скромная и отважная Уленька Лисицына; самоотверженная в своей неудачной любви Софья Великанова. Радует в романе богатый внутренний мир героев.

«Соль земли» — роман многоплановый, сложный по композиции и сюжету. Сейчас нет возможности говорить подробнее о развитии отдельных сюжетных линий, развитии характеров. Но следует подчеркнуть жизненную достоверность и правдивость рассказанного автором. Г. Марков не выдумывал проблемы комплексного развития Улуюлья или идеи создания недропромов — все это подсказала ему жизнь сегодняшней Сибири, собственные поездки и наблюдения. Интересно, что не успел роман выйти отдельным изданием, как молодые лесоводы-энтузиасты уже приступили к созданию недропромов в лесах Сибири.

Роман Г. Маркова «Соль земли» — заметное явление в русской художественной прозе истекшего года. Вместе с романом «Строговы», за который писателю присуждена Сталинская премия, «Соль земли» отображает целую эпоху в жизни Советской Сибири.

Главный редактор журнала «Дальний Восток»
Николай РОГАЛЬ

От 5 до 9

Очень трудный этот возраст — от пяти до девяти. Педагоги называют его сложно: «старший дошкольный и младший школьный возраст». Даже в таком названии выражен его переломный характер. А если говорить просто, то в возрасте от пяти до девяти лет ребенок становится большим человеком. Ему, растущему гражданину Советской страны, посвятил свою книгу «Большая Светлана» Сергей Баруздин, только что вышедшую в Детгизе.

В этой книге многое совершается впервые для ее героини. Светлана впервые узнает, что она живет в городе Москве; она впервые не испугалась большой мохнатой собаки; девочка впервые познает и чувство товарищеской выручки и удовлетворение первой, самостоятельно сделанной игрушкой и первым посаженным своими руками деревцем.

Попадая вместе со Светланой в маленькие увлекательные приключения, невольно веришь, что все рассказанное автором увидено им в жизни. А взяться за перо писателя заставила любовь к детям, маленьким жителям большой страны.

С. ГУСЕВА

Предшественником «У-2» был «Ю-49». Этими специальными машинами было оснащено звено воздушной разведки гитлеровского полковника Ровельса. Потолок «Ю-49» — 10 тысяч метров — считался в те годы недостигаемым.

Эстафета воздушного шпионажа

Вольфганг ШРАЙЕР

Вольфганг Шрайер, писатель и историк, работающий в ГДР, является автором ряда романов и повестей, разоблачающих агрессивную политику США и других держав НАТО в послевоенный период.

В. Шрайер опубликовал в журнале «Нейе Берлинер Иллюстрирте» большой документальный репортаж, в котором раскрывается прямая преемственная связь между воздушным шпионажем, практиковавшимся еще до войны гитлеровской разведкой, и нынешними действиями воздушных пиратов Аллена Даллеса.

Ниже печатается с сокращениями репортаж Вольфганга Шрайера.

Неприятный свидетель

Полковник Джон Г. Эймен, государственный обвинитель от США, поднялся с места и, обращаясь к председателю трибунала, сказал:

— Ваша честь! Я хотел бы допросить в качестве свидетеля обвинения Эрвина фон Лахузена.

В зал Нюрнбергского суда вошел человек высокого роста, в форме германского генерала без погон и знаков отличия и занял место для свидетелей. На скамье подсудимых зашевелились. Иодль и Кейтель начали шептаться, Геринг неподвижно уставился на свидетеля. Это было 30 ноября 1945 года.

В тот день трибуна для прессы была заполнена до предела. Триста корреспондентов крупнейших газет и агентств затаили дыхание, когда прозвучало имя Лахузена. Допрос длился несколько часов. Нацистский генерал отвечал на вопросы не спеша, часто после долгого раздумья, и переводчики могли быть им довольны.

А генерал Эрвин фон Лахузен мог рассказать о многом. Он был одной из виднейших фигур германской секретной службы. Руководя отделом «Абвер II», он пять лет подряд проводил самые разнообразные виды диверсионной работы. Его агенты еще задолго до начала второй мировой войны тайно обосновывались под видом «специалистов» на румынских нефтяных промыслах; выводили из строя британские суда в нейтральных портах; закладывали адские машины в американские пассажирские самолеты. Некоторые из них даже высаживались с подводных лодок на восточном побережье Америки, чтобы поджигать бензосклады и взрывать авиабазы США. Лахузен был «специалистом» высшего ранга в гитлеровском вермахте по части саботажа и диверсий...

Допрос уже подходил к концу. И тут полковник Эймен спросил:

— Знали ли вы полковника Ровельса?

— Ровельс был полковником военно-воздушных сил, — сказал Лахузен и потянулся к стакану с водой.— Он командовал специальным звеном высотных самолетов, выполнявшим задания «Абвера» по воздушной разведке в некоторых государствах и районах.

— Присутствовали ли вы когда-либо при разговорах Ровельса с Канарисом? — спросил Эймен.

— Иногда присутствовал, — ответил Лахузен тихо, с мягким акцентом австрийца.

Да, Лахузен был по рождению австрийцем. Мало того, он был старым кадровым офицером Габсбургской монархии, затем окончил военную академию в Вене и занял видный пост в разведывательном отделе австрийского министерства обороны; он вел там подотдел «Чехословакия». В 1937 году Лахузен впервые встретился с Канарисом, шефом германского шпионажа. С тех пор судьба Лахузена была тесно связана с третьим рейхом. Он помогал генералам Гитлера составлять план вторжения в Чехословакию еще до того, как была ими проглочена Австрия, его собственная страна. А когда это произошло, Лахузен сделался доверенным лицом Канариса и с апреля 1938 года стал руководить разведывательными и диверсионными операциями против восточных и юго-восточных соседей фашистской Германии. Карьера Лахузена пошла круто вверх...

Сейчас голос обвинителя словно издалека доносился до него. Генералу на мгновение представился блеск прошедших дней. Но былые времена навсегда ушли. Это стало ему особенно ясно, когда два американских военных полицейских в белых касках вывели его из камеры в свидетельском крыле и повели по бесконечным лестницам и коридорам нюрнбергского Дворца юстиции. Да, отпираться бесполезно! Надо говорить, возлагая надежду только на милосердие победителей.

Но вот Лахузен встрепенулся. Американский обвинитель спрашивал:

— Знали ли вы, над какими территориями производились тогда разведывательные полеты?

— Они производились над Польшей, затем над Англией и в юго-восточном пространстве, — произнес Лахузен еле слышно. — Более подробно я сказать об этом не могу. Я знаю лишь, что эскадрилья Ровельса базировалась в Будапеште и предназначалась для целей рекогносцировки, разведки... — Слово «шпионаж» генерал старательно обходил.

— Видели ли вы сами некоторые из сделанных этим отрядом фотографий?

Взгляд Лахузена падает на скамью подсудимых, скользит по двадцати одной фигуре, по людям, которые некогда были его начальниками. Лицо Геринга пылает от бешенства...

— Да, — ответил Лахузен.

Он хорошо понимал, что сейчас дело идет о его собственной голове.

Полковник Эймен. Скажите трибуналу, когда предпринимались разведывательные полеты над Лондоном и Ленинградом?

Лахузен. Точных дат я назвать не могу. Могу только сказать, что эти разведывательные полеты имели место в названных пространствах и что их результатом был соответствующий фотоматериал.

Полковник Эймен. Меня интересует лишь год или годы, в течение которых предпринимались эти полеты.

Лахузен. Они предпринимались в 1939 году, до начала польской кампании.

Полковник Эймен. Содержались ли эти полеты в тайне?

Лахузен. Да, конечно, они были весьма секретны.

Так 30 ноября 1945 года мир впервые услышал о своеобразном, до тех пор незнакомом способе нарушения международного права и суверенитета других стран. На следующее утро на страницах газет появилось новое понятие: «воздушный шпионаж».

О чем поведал Геринг

Прошло более трех месяцев. В марте 1946 года один из защитников бывшего «рейхсмаршала авиации» Геринга, доктор Зимерс, снова вытащил на поверхность историю с воздушными операциями Ровельса. На этой фазе Нюрнбергского процесса обвиняемые уже сказали все, что пожелали сказать. Суд только что допросил гитлеровского обер-палача, убийцу Кальтенбруннера, и вот со скамьи поднялся Геринг.

Он зачитал запись из дневника Иодля:

«13 февраля 1940 года через адмирала Канариса я узнал, что отряд Ровельса должен проводить операции из Болгарии над Кавказом. Командование ВВС, видимо, может объяснить, кому принадлежит эта мысль».

Защитник Зимерс тут же вскочил и, давая направление показаниям Геринга, попросил его сказать, какую задачу ставил он тогда перед этими полетами.

Геринг откинул голову назад наподобие хищной птицы. Он не был больше таким жирным, но хитрости и наглости у него еще хватало с избытком. Если генерал Лахузен многое рассказывал на суде, надеясь на снисхождение, то Геринг выступал как гангстер, в последний раз вышедший на промысел.

— Канарис, — начал он, — имевший связи с отрядом Ровельса и сам дававший ему часто задачи по разведке и шпионажу, узнал о моем намерении использовать эту эскадрилью и, вероятно, доложил об этом верховному командова-

нию... Мое намерение при этом было совершенно ясным. Показание, что отряд Ровельса должен был вести разведку в направлении Кавказа, было не совсем верным. Следовало бы сказать: в направлении Кавказа, Сирии и Турции. Мне доставляли все больше донесений о том, что с Ближнего Востока против нефтяных промыслов Кавказа, и в частности Баку, готовятся операции... Как главнокомандующий военно-воздушных сил вермахта, я был наиболее заинтересован в получении кавказской нефти на основе торгового соглашения с Россией.

Повысив голос, Геринг продолжал:

— Я распорядился проверить эти агентурные данные и при этом выяснил, что в Сирии действительно создается армия под командованием французского генерала Вейгана. Меня больше интересовало то, что в район Сирии англичанами и французами стягивались военные эскадрильи для бомбардировки района Баку, чтобы вывести из строя русские нефтяные промыслы...

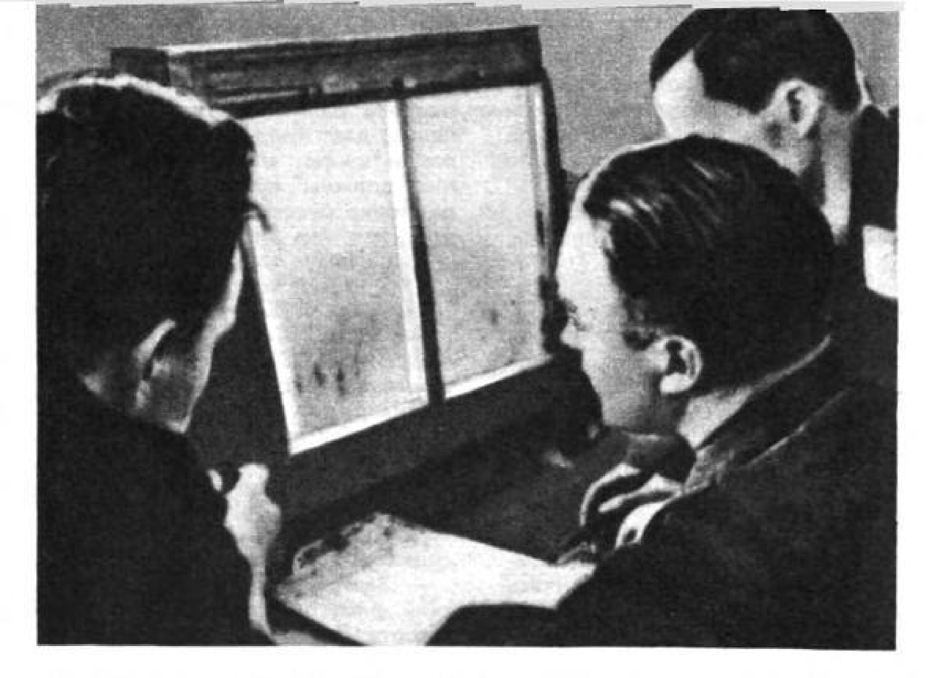
То, что бывший рейхсмаршал с такой развязностью излагал суду, действительно имело место в 1939 году, в первые месяцы войны. В то время война велась западными державами за господство в Европе, за источники сырья, за сферы влияния. Гитлеровская Германия и англо-французская коалиция стояли друг против друга за Западным валом и линией Мажино. Втайне же генеральные штабы обеих сторон вынашивали планы ведения войны за счет нейтральных государств: каждая из сторон не прочь была пролить чужую кровь и, если удастся, напасть на Советский Союз. Удобным плацдармом для этой цели англо-французская коалиция считала Ближний Восток. Но эти же районы в качестве исходных позиций для нападения на СССР старался обеспечить себе и германский фашизм. Так два империалистических хищника кружили, перебегая друг другу путь, вокруг Ближнего Востока. И оба нарушали при этом чужое воздушное пространство, чтобы за тысячи километров от своих территорий вести разведку на предмет агрессии против Советского Союза.

— Лишь позже, после окончания кампании во Франции, — заключил Геринг с довольным видом гангстера, которому удалось «мокрое дело»,— эти планы полностью подтвердились. Мы нашли секретные документы французского генерального штаба и протоколы заседаний верховного военного совета Англии и Франции. Я увидел, что мои сведения были верными и что предусматривалась внезапная и жестокая бомбардировка всех русских нефтепромыслов...

Суд молчал. Британский председатель трибунала не прерывал обвиняемого.

Показания Лахузена приподняли завесу над темными предвоенными делами германской разведки, но повлекли за собой и раскрытие кое-каких действий англо-французского блока.

Однако Лахузен сказал суду далеко не все. Германия начала воздушный шпионаж вовсе не весной 1939 года.

Фотоматериалы «сугубо гражданской» организации «Ганза—Люфтбильд» сразу же направлялись в штаб военно-воздушных сил Геринга.

Эпопея «Ганза — Люфтбильд»

В начале нашего столетия секретные сведения о других государствах добывались при помощи агентов, главным образом через дипломатический персонал, иногда — через всяческих авантюристов, засылаемых в другие страны. Тайные агенты наблюдали передвижения флотов, составляли планы крепостей. Добытые факты заносились на бумагу тайнописью, отчеты отправлялись с курьерами, а часто и просто по почте.

Первая мировая война показала, что разведывательный самолет может сделать намного больше, чем самый ловкий агент. На фотографиях, сделанных с воздуха, были хорошо различимы колонны подходящих к фронту войск, эшелоны, подвозящие боеприпасы.

В конце двадцатых годов оправившиеся германские империалисты возродили свою секретную службу. В военном министерстве все еще сидел на этом деле кайзеровский полковник Николаи. Вскоре он стал получать в свое распоряжение денег гораздо больше, чем отпускалось при Вильгельме.

В Германии возникла в те времена дочерняя фирма акционерного общества воздушных сообщений «Люфтганза». Этот отпрыск получил название «Ганза — Люфтбильд». Фирма рекламировала себя как чисто коммерческое предприятие, действующее строго в рамках Версальского договора: ее продукция — воздушные съемки для составления топографических карт Германии. Но странным образом самолеты «Ганза — Люфтбильд» то и дело появлялись над территориями соседних государств. Ими командовал Теодор Ровельс, бывший военный летчик и крупный землевладелец. В отчете о деятельности фирмы с гордостью отмечалось, что количество отснятых негативов возросло за один лишь 1926 год с 8 300 до 25 тысяч.

Когда власть в стране захватил Гитлер, дела «Ганзы — Люфтбильд» пошли круто в гору. Ровельс набрал в свой отряд лучших асов, его машины «Ю-49» с маскировочной окраской и без опознавательных знаков стали все чаще на недостижимой в то время для артиллерии высоте в 10 тысяч метров бороздить небо над Францией и Польшей, Англией и Норвегией, западной и южной частями Советского Союза и Балканами.

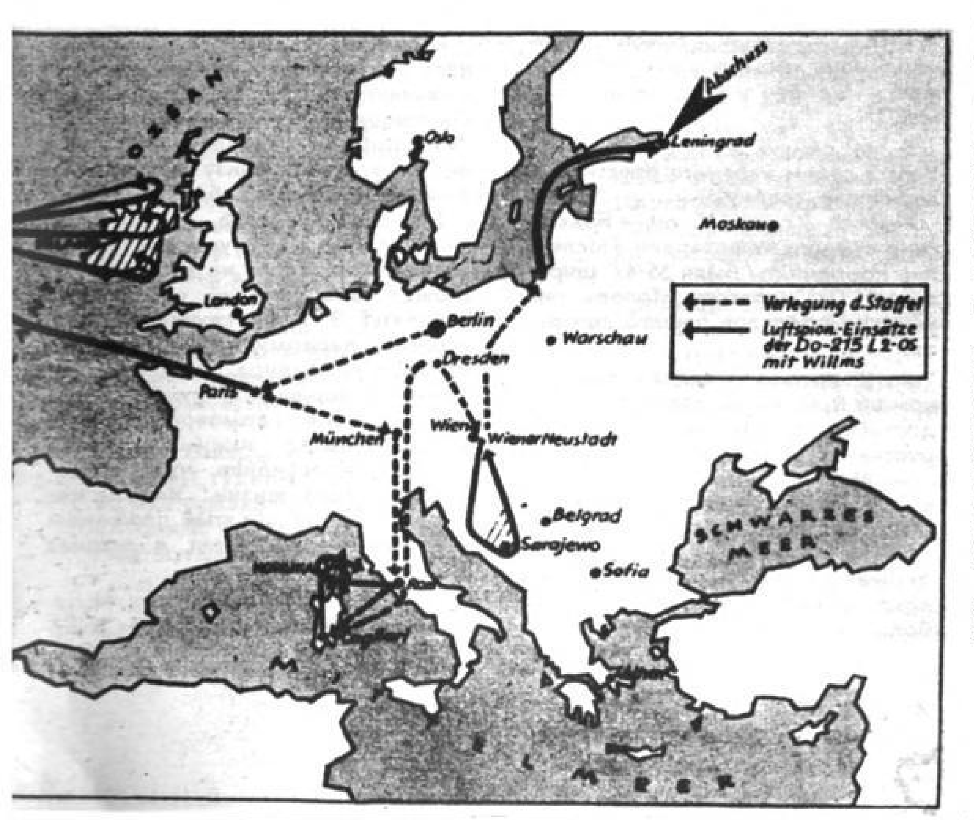
За пятилетие — с 1935 по 1939 год — пятый отдел генерального штаба гитлеровских военно-воздушных сил накопил колоссальную фильмотеку целей для бомбардировочной авиации. Из Темпельгофа, Штаакена и Ораниенбурга — центров подготовки аэрофотоматериалов — в кабинет Геринга сплошным потоком с грифом «строго секретно» шли фото и детальные описания верфей Британии, мостов Польши, портов Латвии, дотов французской линии Мажино, фортов Бельгии, береговых батарей Норвегии и нефтяных резервуаров Голландии. Весь этот поток шпионских материалов питало всего лишь одно звено в двенадцать машин.

Итоги этих операций «Ганза» — в наблюдательном совете которой, кстати говоря, заседал не кто иной, как нынешний боннский канцлер Конрад Аденауэр, — изложила в секретном письме директору Немецкого банка Курту Вайгельту от 17 июня 1940 года, уже в период нападения гитлеровских войск на Францию:

«То, что ожидания, возлагавшиеся на воздушную фотометрию, полностью оправдались, показывают нынешние боевые действия. Теперь уже можно сказать, что это вспомогательное средство полностью признано военным руководством».

И «Ганза — Люфтбильд» сбросила маску. Она была включена в состав гитлеровской военной авиации и отныне именовалась «Разведывательной группой верховного главнокомандующего ВВС». Ровельс получил серебряные погоны на плечи и рыцарский крест на шею.

Карта шпионских полетов одного из гитлеровских воздушных пиратов. Он летал безнаказанно над Корсикой и Сардинией, над Балканами и Ирландией, над Францией и Австрией. Но под Ленинградом советский истребитель положил конец его полетам.

Эстафету принимает Аллен Даллес

Обо всем этом Лахузен на суде умолчал. Но еще за несколько месяцев до того, как над Дворцом юстиции в Нюрнберге взвились флаги четырех держав и председатель объявил о начале первого заседания, в той части Германии, которую заняли войска западных союзников, появился человек, осведомленный в делах германской секретной службы не хуже самого Лахузена. Этот седеющий джентльмен в очках, по имени Аллен Уэлш Даллес, прибыл сюда, чтобы лично отыскать архивы и перенять опыт германского «Абвера».

Война окончилась. Соотношение сил в мире резко изменилось в пользу социализма. И с первого же послевоенного дня американские генералы стали рассматривать СССР как своего следующего противника. Их мучила досада: из всех 22 миллионов квадратных километров советской территории они располагают картографическим материалом лишь о небольшой части. Правда, 7-я американская армия в начале мая 1945 года захватила в Верхней Баварии часть аэрофотоархива штаба командования гитлеровских сухопутных сил — 65 ящиков, которые были немедленно отправлены в Штаты.

За дело взялся Аллен Даллес. В поездке по Германии его любезно сопровождали два персонажа: доктор Ойген Герстенмайер, нынешний президент боннского бундестага, и видный нацист, ныне государственный секретарь в правительстве Аденауэра, Ганс Глобке. Дрожа за свою шкуру, оба готовы были выдать Даллесу что угодно, включая «святая святых» германской секретной службы.

Аллен Даллес тщательно ознакомился с предоставленными ему материалами воздушной развед-

ки фашистского верховного командования. По этому образцу он и начал создавать отдел «Воздух» в своем шпионском ведомстве за океаном.

Операция «Пасхальное яйцо»

...В страстную пятницу 1950 года полковник Уайт, начальник одной из групп дальних разведчиков «Европейского командования» американских ВВС, сидел в своем любимом глубоком кресле и думал о сыне. Христиан поехал недавно во Флориду и вот уже пишет, что по уши увяз в карточных долгах. Но Уайт не может сейчас вмешаться. Он сидит в четырех километрах от Рейна в своей комфортабельной вилле и, подчиняясь режиму боевой готовности номер один, ждет приказов.

На низком круглом столике — сделанный из целлулоида звездно-полосатый флаг и бутылка с горькой минеральной водой. Полковника мучает ревматизм, и жена настояла, чтобы он пил эту проклятую теплую воду каждые полчаса...

Резкий телефонный звонок заставил полковника вздрогнуть. Это был аппарат прямой связи с командующим. Он узнал голос генерал-лейтенанта Кеннонса, во время войны командовавшего 12-м тактическим воздушным флотом в Италии, а теперь начальника над всеми американскими эскадрильями, базирующимися на аэродромах от Норвегии до Турции.

— Слушайте, полковник, — сказал высокий начальник, — мне только что сообщили, что подразделения советских военно-морских сил в данный момент находятся у своих берегов. Си-Ай-Эй (Центральное разведывательное управление) дает предстоящей нам операции шифр «Пасхальное яйцо». Мы должны пробить окошко в оболочке русского яйца и посмотреть, что там внутри. Мне бы хотелось, чтобы за дело взялись вы.

— О'кей. В чем состоит задача?

— Я пришлю к вам подполковника Лонга. С ним вы обсудите подробности... Ребята, которых вы пошлете к русским, после возвращения будут представлены к повышению в чине.

— Слушаюсь, сэр. — Уайт положил трубку и с отвращением допил минеральную воду.

Немного спустя перед ним уже сидел подполковник Лонг.

— Завтра, — начал он, — советский флот будет крейсировать на широте Либавы, там-то мы его и должны перехватить. Я думаю, одного самолета будет достаточно. Он будет оснащен специальными приемниками, магнитофонами, самыми современными бортрадарами и укомплектован первоклассными специалистами.

Уайт молчал: у него на языке все еще был противный привкус минеральной воды. Он не любил Лонга, как вообще не любил людей из разведки.

— В радарном деле русские тоже не спали, — снова заговорил Лонг. — Они, видимо, оснастили свой флот по последнему слову электронной техники. Но донесения наших агентов часто противоречивы. Сейчас предоставляется случай их уточнить.

— Вы хотите прощупать советскую радарную систему?

— Именно. Красные вводят в строй новейшие приборы, и мы должны выяснить, насколько они эффективны. Итак, мы пошлем специальный самолет, лучше всего «Превейтор», чтобы проверить свои собственные приборы, так сказать, в «ближнем бою» с приборами русских.

— А что, если такая машина попадет к ним в руки? Знаете, чем это пахнет?

— От вас целиком зависит, чтобы этого не случилось.

Уайт промолчал. Он считал операцию рискованной, но командующий ее одобрил, и надо было подчиниться.

На следующее утро, накачанный до предела горючим и загруженный приборами, четырехмоторный «Превейтор» уже стоял на бетонной дорожке. Второй пилот докладывал командиру экипажа капитану Колмэну, что машина проверена и операторы радаров на местах.

— Капитан, — неожиданно раздается голос за спиной Колмэна. Это подполковник Лонг. Он держит в протянутой руке опечатанный конверт. — Вот секретный приказ, — говорит он строго. — В интересах обороны страны я обязываю вас вскрыть пакет только после того, как немецкий берег останется позади.

Колмэн неохотно берет конверт.

Моторы взревели до самой высокой ноты, и тяжелая машина сначала медленно, затем все быстрее покатилась по стартовой дорожке... Это было в субботу, 8 апреля 1950 года, в 12 часов 40 минут пополудни. Официальное задание экипажу гласило: беспосадочный перелет по трассе Висбаден — Копенгаген — Висбаден.

В 13 часов 50 минут капитан Колмэн вскрыл пакет. «...Разведка над районом учений между 17°15′ и 21° восточной долготы, 55°10′ и 57°30′ северной широты, — прочитал он. — Предоставьте возможность техническому персоналу включиться в советскую радиотелефонную связь и провести «ближний бой» с советскими морскими радарами в течение минимум двух часов. После пересечения немецкой береговой линии всякую связь с базой прекратить... Возвращаться кратчайшим путем... Приказ после ознакомления уничтожить...»

Колмэн изменил направление полета и взял курс на южную оконечность датского острова Фальстер. Приказ он передал второму пилоту лейтенанту Зеешафу.

— Предлагаю снизиться у Борнхольма до 300 футов, тогда мы проскочим под сетью советских радаров, — сказал второй пилот.

— Ах, — махнул рукой Колмэн, — они нас все равно обнаружат! — В горле у него застрял комок.

В эту самую минуту полковник Уайт в своем кабинете опустил телефонную трубку.

— Всё! — сказал он. — Британские станции их потеряли. Последние координаты были 55°47′ широты и 17°35′ долготы. Теперь они уже вне пределов нашего контроля.

— Я думаю, — сказал подполковник Лонг, — что вашим ребятам доставит удовольствие пощекотать русских.

— Может быть. Вопрос только в том, доставит ли это удовольствие русским.

— Вы думаете, у русских не выдержат нервы? Ну, полковник, они вряд ли смогли бы оказать нам бóльшую услугу. Представьте себе, что поднимется в Белом доме. Каждый поймет, что нам надо лучше вооружаться. Государственный департамент сможет немедленно протащить через конгресс военные пакты с Японией, Пакистаном и даже с немцами. Боже мой, русские сбили невооруженный самолет!

— Значит, вам бы хотелось, чтобы «Превейтор» не вернулся? — с раздражением спросил Уайт.

— Ах, что вы! Мы ведь рассуждаем совершенно отвлеченно! Но думали ли вы о коммерческих последствиях такого случая? Конгресс утвердил бы новую военную программу. При нынешнем состоянии бизнеса это было бы спасением.

Уайт вспомнил о том, что и он владеет акциями самолетостроительных фирм, и больше не спорил.

...В 16 часов 50 минут капитан Колмэн передал управление Зеешафу, покинул пилотскую кабину и подошел к операторам радаров.

— Ну как, достаточно? — спросил командир очкастого инженера в чине лейтенанта. — Мы делаем уже четвертый круг над районом учений. Достаточно, док?

Инженер поднял голову и уставился на пилота.

— Не знаю. Несколько рулонов пленки уже полны. Но мне кажется, мы должны следовать за подводными лодками, пока сможем. — Он показал на зеленоватый светящийся экран, по которому ползли, часто пропадая, пять-шесть дрожащих пятен.

— Они нас видят?

— Конечно. — Инженер кивком указал на один из приборов. — Он показывает, что радарные импульсы попадают в «Превейтор». Их могут подавать лишь советские станции, наши остались далеко позади.

Колмэн вернулся на место. В этот момент второй пилот крикнул:

— Под нами земля!

«Боже мой, что мы делаем!» — пронеслось в мозгу капитана.

— Немедленно назад! — крикнул он в микрофон, и тут же сам взялся за штурвал. Он передвинул сектор газа до отказа и стал набирать высоту.

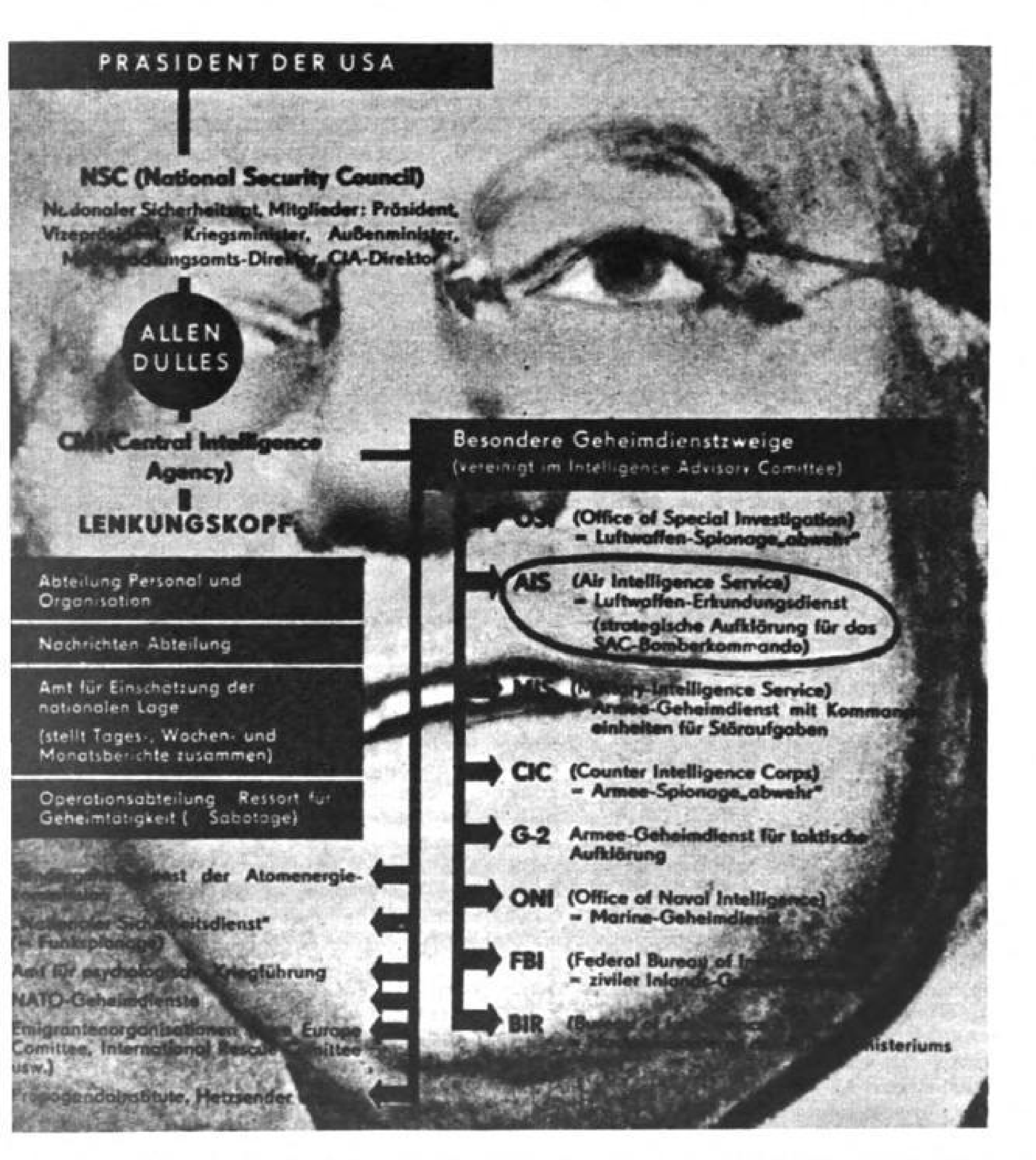
— Четыре истребителя над нами! — закричал Зеешаф. — Они приближаются, показывают шасси — требуют следовать за ними на посадку...

Колмэн увидел один из советских истребителей — тот с ревом и свистом пронесся над «Превейтором».

«Проклятие, они прижимают нас к земле!» — лихорадочно мелькнуло в голове у капитана. Он понимал, что, попади электронные приборы «Превейтора» в руки к русским... Внизу показалась линия морского прибоя.

Лейтенант Зеешаф, не отрывая глаз, глядел на другой истребитель, пикирующий на их машину. Может быть, русский собирается стрелять? В таких случаях лучше стрелять первому... Не дожидаясь приказа командира, лейтенант начинает поворачивать рукоятку визира, наводя кормовое орудие. Потом Зеешаф нажимает кнопку. Это — последнее, что он делает в своей жизни. Через несколько минут объятый пламенем «Превейтор» исчезает в волнах Балтики...

Окончание следует.

Вот оно, ведомство Аллена Даллеса. В овале— Эй-Ай-Эс, отдел воздушной разведки, организованный им по типу отдела «Воздух» гитлеровского «Абвера».

Дмитрий КОВАЛЕВ

ИДУ ПОЛЯМИ

ЗА ПШЕНИЦЕЮ ДЕРЕВНЯ...

Вот скрылась за пшеницею деревня...
Лишь перекличка петухов слышна.
А поверху
Шумят, шумят деревья.
А понизу —
Густая тишина.

Еще как будто не обсохнув с ночи,
В тени зеленой солнце моросит,
И сушь соломенная не стрекочет,
И холодок соцветиями сыт.

И с крупной солью хлеб домашний лаком.
И мягок и прохладен мрак земли.
Просторно дышится корням и злакам,
Тем лепесткам,
Что стежку замели.

И светит длинным колосом пшеница.
И полосы лесные вдоль дорог...
И словно б нам
Любиться да жениться,
Да жить и жить
Не для себя лишь впрок!

Да знать, что мы —
Опора и надежда
Разросшейся защитной полосы...
Прилипла к телу мокрая одежда.
Иду, по пояс темный от росы.

ЛЕТОМ

А на небе такие стоят
Непролитые тучи,
Так на зорях медвяных
Несметные росы падучи,

Что кругом покрутились
Скрипучие стручья гороха
И паденье налива в траву
Затаеннее вздоха.

И суровей холста
Отбеленная солнцем ромашка.
И хрустящею спелостью
Сад нагибается тяжко.

И, как солнце, хлеба.
И отавы гудят за стогами.
И, как праздничный бубен,
Глубокий и медленный гром
Над лугами.

И плывет, как на пир,
Сарафанами в сборочку свекла.
Весь навыкате лук,
Вся его злая зелень поблекла.

Разлеглись, словно боровы,
Тыквы в тени рябоватой.
Решетами подсолнухи,
Пышно подбитые ватой.

Завили́сь, на заборы взбежав,
Волосатые звонкие плети.
И медовые глотки цветов
Затрубили о лете.

Затрубили о том,
Что тревоги не знает природа;
Что рожает земля,
Что дородней она год от года;

Что еще у нестарых людей
Подрастают внучата;
Что зеленого ярого буйства
Пора непочата!

ЛЮДИ СТРОЯТСЯ

Нынче строятся все, как посмотришь, подряд,
Забывая усталость, не помня седин;
И большая семья, где кормилец один,
И вдова, что уже подрастила ребят.

До чего же умелый,
Смекалистый люд!
Только были бы руки
Да был бы здоров!

Мастеров напасешься ль на столько дворов!
Сами стены из шлака, как надобно, льют,
Штукатурят и красят,
Даже печи кладут,
Ей же богу, не хуже твоих мастеров.

Председателю вечером ставят на вид:
— Только званья того, что строительный склад...
А наутро глядишь:
«ЗИЛ» со шлаком стоит.
И ковши зашуршали старательно в лад.

Всей семьей,
Всей бригадой,
Всей улицей тут.
И в опалубке стены
Растут и растут.

Со времен навсегда б отгремевших атак
Никогда еще люди не строились так!

ХЛЕБА

Опять во всем душа заговорила,
Запело сердце близкое во всем.
Кому что дорого,
Кому что мило...
Шуршит безмолвье гречкой и овсом.
Кузнечики куют неутомимо.
И перепел всего не перепел.
Не надо ни Кавказа мне,
Ни Крыма.
Насущный хлеб мой
Колосист и спел.
Нетерпеливая моя дорога к стану,
Зазывные над нею провода...
И кажется,
Что старым я не стану
И не расстанусь с жизнью никогда.

ПРОСТИ

А. Ковалевой

Не жизнь прожить, а поле перейти...
Но поле, поле!..
Отчего ж так мало
Жизнь в годы бедствий сердце понимало?
И ты меня
За все, за все прости,
Судьба моя,
Несладкая отрада,
Единственный тревожный мой покой.
Но никакой другой мне и не надо,
И нет другой на свете никакой,
С неведеньем большого ожиданья,
С непраздничностью позднего свиданья.
Прости,
Что не таким, как ожидала,
Таким, как есть,
Меня ты увидала;
Что в горе ты не опустила руки
И голову в беде не уронила;
Что жили от разлуки до разлуки;
Что сына без меня ты хоронила,
И те, как кровь и как заря, цветы,
Что принесла на первый холмик ты, —
И всё в глазенках черных наяву
Я утреннюю вижу синеву...
Прости —
И сны мне новые навей!
Я теми, помнишь, сколько лет живу.
Прости, что меньше знаю сыновей;
Что часто ревновал тебя, родную,
И что теперь все реже я ревную,
Все чаще матерью тебя зову;
За скрытность скорби
И невидность слез;
За то,
Что столько сил твоих унес;
Что надо было поле перейти,
Где столько павших,
Жизни не узнавших,
И что иного не было пути
У нас,
Так долго,
Трудно отступавших,
Но победивших все-таки...
Прости!

Памятник русской архитектуры XVI века церковь Вознесения в селе Коломенском.

Фото П. Клепикова.

С. КОНЕНКОВ,
народный художник СССР

Мои современники — наследники богатой многовековой истории народа, наследники великой русской культуры.

На необъятных просторах нашей Родины находятся многочисленные очаги древней культуры. Городища, обнесенные валами, курганы-могильники, соборы, старинные дома, связанные с именами великих русских людей. Ведь это живая книга нашей отечественной истории!

Но часто ли мы заглядываем в эту книгу? Бережем ли память предков? Учим ли любви к родной земле, ее истории и культуре молодежь?

Надо прямо ответить: редко заглядываем, плохо бережем, мало учим!

Многое, очень многое делается нашим Советским государством для сохранения памятников культуры, для организации все новых и новых музеев и заповедников, но вместе с тем сколько еще совершается непоправимых потрав в бесценном наследии старины!

Рассказывают про случай в Рязанском краеведческом музее: богатейшее собрание уникальных русских икон XI—XVII столетий было передано невежественным директором музея одной из городских организаций. А эта организация, пройдясь рубанком по бесценному красочному слою, использовала обструганные, теперь уже только древние доски не больше как для упаковки сельхозмашин. По случайно сохранившимся образцам погибшей коллекции предполагают, что там были работы Андрея Рублева, иконы рязанской школы времен князя Олега, современника Дмитрия Донского.

Это ли не варварство?!

Можно, имея современные технические средства, построить миллионы квадратных метров жилья за очень короткий срок. Такая стройка заботами нашей партии ведется. Ведется на радость советским людям, быстро и хорошо. Но никакими ухищрениями современной строительной техники нельзя воссоздать творений талантливых зодчих далекого прошлого.

Тем более странно и больно слышать, что в наши дни ради проведения «красных линий» давно устаревшего Генерального плана реконструкции Москвы 1935 года в Москве собираются сносить многие уникальные здания храмового и гражданского строительства.

Центр Москвы должен быть архитектурным заповедником!

Мы не имеем права разрушать памятники древней культуры! Не имеем права этого делать во имя идущих нам на смену поколений, во имя коммунизма!

Седые камни древних зданий хранят в себе и не раскрытые пока тайны истории и признанную, но открытую еще не всем сердцам красоту. Мы сейчас остро нуждаемся в красоте, а ведь потребность прекрасного будет расти не по дням, а по часам.

Нам предстоит много строить. И если опыт древнейших строителей (а их постройки пережили века) по недоразумению не нужен некоторым сегодняшним архитекторам, то очень скоро они все-таки придут набираться мудрости к древнему и вечному источнику русского зодчества.

По какому-то непонятно кем заведенному правилу наших современников учат понимать прекрасное исключительно на памятниках русского искусства второй половины XIX столетия и искусства Запада. Может создаться впечатление, что до передвижников на Руси не было художников, а в средние века мы были непроходимыми дикарями.

Это не так. Народ чувствует и понимает, что это не так. Но до обидного мало приходит к людям, специально не занимающимся искусством, сведений о гениальных русских живописцах древности — Андрее Рублеве, Феофане Греке, Дионисии, о славных строителях русских соборов и крепостей — Барме и Постнике, москвиче Федоре Коне. О творениях народа, подобных вознесшемуся к небесам гордому и прекрасному храму в селе Коломенском, который француз Гектор Берлиоз, пораженный увиденным, назвал «чудом из чудес». Только на образцах высокого искусства можно воспитать и утвердить эстетический вкус народа. Где же, как не в славной истории русского искусства, истории всеобъемлющей, а не куцей, брать такие образцы? У кого нам учиться понимать прекрасное, как не у скромных зодчих Древней Руси? Они не оставили истории своих имен, но оставили захватывающую дух сотворенную ими красоту. Они возводили храмы, не считаясь с прихотью богатеев и администраторов с дурным вкусом и кривым глазом, а по принципу «как мера и красота скажет». У народа-строителя был верный глаз, безошибочное чувство прекрасного и художественность в крови.

От такого родства нам нельзя отказываться. Возможно, наши беды в архитектуре происходили от забвения многовековых традиций, неумной ориентации на Запад.

Совсем недавно мы отметили шестисотлетие гениального Рублева. Ромен Роллан, по-моему, очень хорошо сказал о нем: «Шедевры Рублева сохраняются в моей памяти как выражение всего самого чистого и самого гармоничного в живописи» (разрядка моя.— **С. К.**).

Рублев жил на сто лет раньше Рафаэля и сделал для искусства никак не меньше, чем великий итальянец. Но так сталось, что о «Сикстинской мадонне» понаслышаны очень многие в нашей стране, а рублевские «Архангел Михаил» и «Троица» в забвении.

Народное искусство должно быть приближено к народу. Творчество же Рублева глубоко народно. Об этом свидетельствуют русские историки искусства, об этом же говорят прозорливые иностранцы. Вот что писал о нем Анри Матисс, большой художник и непререкаемый авторитет Запада:

«Это доподлинно народное искусство. Здесь первоисточник художественных исканий. Современный художник должен черпать свои вдохновения в этих примитивах.

Ваша (советская.— С. К.) учащаяся молодежь имеет здесь, у себя дома, несравненно лучшие образцы искусства.., чем за границей. Французские художники должны ездить учиться в Россию: Италия в этой области дает меньше».

Как же можем мы быть равнодушными к научной пропаганде огромного художественного наследства Древней Руси? Пропаганде умной, целенаправленной, всенародной.

Какое же мы имеем право холодно и равнодушно взирать на уничтожение бесценных памятников нашей культуры, быть равнодушными к тому, что важнейшее оружие в борьбе за эстетический вкус народа ржавеет в ножнах?

Насквозь казенная Петербургская Академия художеств изгоняла из стен своих все живое, все национальное по форме. Она наставляла молодых художников на путь схоластики, эклектического толкования религиозных догм и сюжетов. Эта академия не знала и не хотела знать великого искусства Древней Руси. Она боялась его животворящей мощи, его ликующей приподнятости, его народного духа. Не пристало нам, современникам грандиозных исторических свершений советского народа, держать на положении девки-чернавки бесценные духовные богатства предков! Не пристало нам быть Иванами, не помнящими родства!

Мы обязаны вступить «в святой и правый» бой с людьми, забывающими, что Родина — это история народа, его искусство и зодчество, его песни и обряды, его танцы и уклад жизни.

Пора, давно пора переходить от слов к делу.

Почему не доводится до конца прекрасная инициатива Министерства культуры СССР о создании в республиках обществ охраны памятников старины?

Такие общества созданы в Грузии и Латвии, но такого общества нет в РСФСР. А ведь больше всего потрав бесценной старины именно в Российской республике. Такое общество должно быть создано в РСФСР в ближайшее время. Ждать нельзя! Невежественные люди рушат невыразимо прекрасный архитектурный ансамбль Великого Устюга. Бульдозером и топором они подрубают неповторимую красоту деревянных построек Севера.

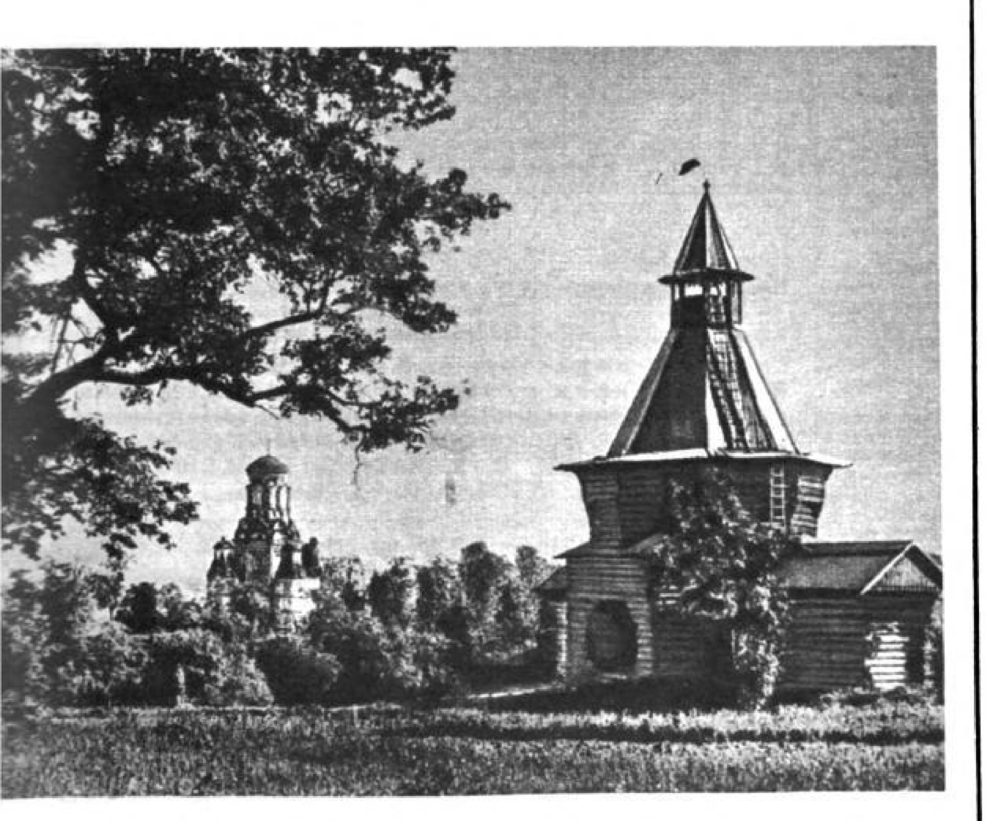
Их должны остановить наши замечательные трудовые советские люди, боевые комсомольцы, патриоты родной земли, пенсионеры, деятели культурного фронта, органы Советской власти на местах. Пора всем, кому дорого имя Родины, сплотиться в мощное патриотическое Общество охраны памятников старины. Вооруженное безусловной поддержкой партии, законами Советского правительства, оно сможет успешно выполнить задачу глубокопатриотического значения.

* * *

К голосу великого советского народа прислушивается весь мир. Выступления Никиты Сергеевича Хрущева на XV сессии Генеральной Ассамблеи в Нью-Йорке явились прекрасным примером миролюбивой политики Советского Союза. Народы мира видят в нас первых защитников мировой цивилизации и культуры.

Долг моих соотечественников — отстоять мир для всех людей земли и довести до конца благородное дело строительства коммунизма.

Коммунизм и культура неотделимы. В ряду других задач культурного строительства мы обязаны сделать памятники старины достоянием народа.

Коломенское. Проездная башня Николо-Карельского монастыря Архангельской области. XVII век.

Под редакцией международного гроссмейстера Сало ФЛОРА

ЗАКУЛИСНАЯ ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕНСАЦИОННОЙ ПАРТИИ

И. МАЙЗЕЛИС

Кто не знает знаменитой, хотя и очень простой комбинации — так называемой «мельницы» [1], при помощи которой юный Торре выиграл у 57-летнего Ласкера! Но сознайтесь, читатель: когда вы впервые рассматривали за доской эту комбинацию и предшествовавшие ей ходы, вы ведь испытывали чувство некоторого недоумения, не правда ли?

Ласкеру, конечно, не раз случалось проигрывать и раньше, но в этом его проигрыше было что-то непонятное, даже странное: на такие комбинации Ласкер еще никогда не попадался, так он еще ни разу не проигрывал. Характерно: когда гроссмейстеру Нимцовичу в одной из его книг понадобился пример «мельницы», он привел позицию из партии Торре — Ласкер, но сопроводил ее замечанием, что дает этот пример скрепя сердце.

Смутное ощущение, что здесь что-то было не в порядке, не обмануло вдумчивых шахматистов. Кое-что было в самом деле не так.

Приподнимем завесу.

Перенесемся мысленно в ту теперь уже далекую обстановку московского международного турнира 1925 года. Огромный турнирный зал в гостинице «Метрополь». Тихое, монотонное журчание отмеченного в шахматной истории фонтана заглушает взволнованное перешептывание многочисленных зрителей. Сегодня 25 ноября, идет двенадцатый тур. Молчаливая упорная борьба прославленных матадоров на десяти досках держит зрителей в лихорадочном напряжении.

В помещении оргкомитета турнира появляется рассыльный Центрального телеграфа. Он не застал Ласкера в гостинице «Националь» и поэтому принес телеграмму сюда, на турнир. В тысячной толпе трудно разыскать председателя оргкомитета Н. Д. Григорьева. Мы стоим с ним (я присутствую как один из переводчиков) с левой стороны зала, где неподалеку, на возвышении, Ласкер играет с Торре. Члены оргкомитета В. Е. Еремеев и Г. Л. Раскин наконец-то находят Григорьева. Шепотом обсуждают они возникший казус: если бы это было письмо, его можно было бы вручить Ласкеру по окончании партии, но телеграмма... Что в ней? Вправе ли они ее задерживать? Принимается решение: передать телеграмму Ласкеру, когда он сделает ход и начнет думать над ответным ходом Торре.

И вот, отражая скороспелую попытку атаки белых, Ласкер после размена двух фигур делает свой феноменальный 20-й ход. Это похоже на удар львиной лапы. В позиции белых словно что-то хрустнуло, и она начинает внушать серьезные опасения. Торре погружается в глубокое раздумье. В таком положении уже ничего плохого для Ласкера случиться не может. Пора! Николай Дмитриевич кивает головой Еремееву, и тот поднимается на подмостки.

Ласкер распечатал и прочел телеграмму. Он как будто изумлен, затем глаза его радостно блеснули. Валериан Евгеньевич мгновенно охватил ситуацию.

— Надеюсь, никаких неприятных известий? — любезно осведомился он по-французски.

— О нет, наоборот! — весело ответил Ласкер.— Моя драма принята к постановке в «Дойчес театер».

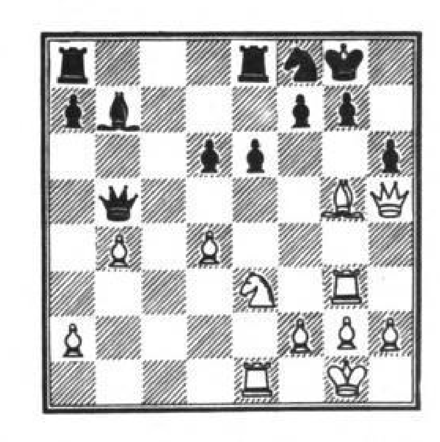
— Мои живейшие поздравления!

Это много значило — «Дойчес театер» периода 1925 года! Почти все равно, что сказать у нас начинающему драматургу: «Ваша пьеса пойдет на сцене Московского Художественного театра».

Ласкер буквально светился счастьем. Продолжая партию, он был как-то по-особенному, не по-шахматному задумчив. По его лицу временами блуждала еле заметная довольная улыбка.

О чем он думал?.. В его мозгу, несомненно, роились образы из написанной вместе с братом Бертольдом драмы. Возможно, он представлял себе отдельные эпизоды на сцене. Постановка Рейнгардта... Строгий зал, напряженное внимание зрителей... Нет, накала шахматной борьбы больше не существовало! Необходимая степень концентрации мысли никак не возвращалась или же не устанавливалась достаточно стойко.

Партия тем временем неумолимо приближалась к своему кризису. Гениальный мексиканец, в поисках комбинационных осложнений способный с отчаяния на острейшие выпады, предложил остроумную жертву пешки. Еще через ход он изобретательно подчеркнул свои практические шансы, введя в игру коня и создав опасные контругрозы. Возникавшие головоломные позиции были как раз в духе Ласкера, его подлинной стихией (о них принято было говорить: «борьба на туго натянутой проволоке», «на краю пропасти»). К их созданию он нередко стремился, неизменно проявлял при их разыгрывании свое испытанное мастерство. Для него еще возможен был трудный выигрыш, позднее еще возможна была боевая ничья. Но что это?.. Ласкера словно подменили! В его ходах нет привычной силы, больше того — они просто слабы. Его ферзь нелепо передвигается взад и вперед по пятой горизонтали и — удивительное дело! — сразу же минует то единственное поле, занятие которого могло бы обеспечить победу. И, наконец, случилось непоправимое: слишком поспешный, недостаточно обдуманный роковой 23-й ход Ласкера, блестящий комбинационный ответный удар Торре — и безжалостная многоходовая «мельница» развеяла в прах бастионы ласкеровской защиты.

Последовало: 25. Cq5 — f6! Фb5 : h5 26. Лq3 : q7 + Крq8 — h8 27. Лq7 : f7 + («мельница» начинает свою разрушительную работу!) Крh8 — q8 28. Лf7 — q7 + Крq8 — h8 29. Лq7 : b7 + Крh8 — q8 30. Лb7 — q7 + Кμq8 — h8 31. Лq7 — q5 + Крh8 — h7 32. Лq5 : h5, и белые легко выиграли.

[1] Возвратные движения фигуры, обычно ладьи (с повторяющимися шахами), когда при каждом вскрытом шахе выигрывается неприятельская пешка или фигура.

Мамонты на паркете

Фельетон

Птичка божья, как известно, не свивает долговечного гнезда. Человек же устраивает свое гнездо на многие лета, в расчете на потомков. Птичка, эта сугубая индивидуалистка, вьет гнездо исключительно для своего семейства. Человек старается не только для себя, он строит для всех. Голенастые краны подносят ему в своих клювах блоки и целые стены, а человек трудолюбиво возводит этаж за этажом и любовно отделывает одно-, двух- и трехкомнатные гнездышки. Он проводит в гнездышки электричество, радио и телефон, устраивает ванные, мусоропроводы и прочее. И когда все готово, он любезно говорит: «Добро пожаловать!»

Потом наступает праздник — новоселье. У парадного подъезда новосела встречает управгнездом, то бишь управдом, и вручает счастливцу ключи от рая.

И начинается новая, светлая и аккуратная жизнь со всеми удобствами. Счастливцы, как правило, трут, моют и чистят свое гнездышко чуть ли не каждый день. И оно сверкает красками, как в первый день творения.

Но случается, попадает в новую квартиру неряха и в два счета возвращает все в состояние первозданного хаоса. Попробуйте сделать ему замечание, он огрызнется: «Моя квартира — что хочу, то и делаю».

Дом № 9 на Университетском проспекте в Москве — одиннадцатиэтажный столичный красавец, гордость архитекторов и строителей. Лифты, мусоропроводы, горячая вода, сверкающий кафель. То-то, должно быть, счастливы новоселы!

Получив новую квартиру, да еще в таком великолепном доме, люди, как правило, впадают в восторг. Целуют соседей, кричат «ура» и в воздух чепчики бросают. Но почему-то в семье рабочего-строителя Литвинова, въезжавшей в квартиру № 549, радости не наблюдалось. При виде нового жилища глава семьи удивленно свистнул, жена заплакала, а дочь-школьница заявила:

— А я знаю, здесь жили троглодиты, и у них был ручной мамонт! — Девочка показала на развороченный паркет. — А вот и настенная живопись! — Стены были украшены весьма замысловатыми пятнами.

Но в этой комнате до Литвинова жили не троглодиты. Здесь обитала семья штукатура Фадеева. Она умудрилась «отделать» не только свою комнату. Пещерный мрак царит в передней и коридоре. Разбиты выключатели, разнесены вдребезги облицовочные плитки в ванной, вечной струей течет из отломанных кранов вода.

Немногим больше двух лет прожили Фадеевы в этом доме. Сейчас они получили новую, двухкомнатную квартиру. Что-то будет там?..

Разные у людей вкусы. Одни из новой, светлой квартиры делают темную пещеру, другие предпочитают жить в сарае. А так как сараев для жилья ныне не строят, приходится приспосабливаться. Именно так и поступила Антонина Ивановна Медведева. Не так давно комната, предоставленная ей в квартире 247 дома 16/18 по Щербаковской улице, сияла первозданной чистотой. Теперь это унылое и грязное помещение нуждается в срочном ремонте. А однажды Антонина Ивановна, ломясь в двери квартиры, сокрушила стену. Вести с ней разговор о ремонте, о возмещении ущерба бесполезно. Она твердо убеждена:

— Дом государственный. Починят!

В дом № 20/24 по Щербаковской улице входить рекомендуется осторожно. Лучше всего захватить с собой зонтик, чтобы не вымокнуть. Если же вас ненароком окатит душ, знайте, в том повинен гражданин Мещеряков, что живет в восьмой квартире. Это он имеет обыкновение, уходя на целый день из дома, открывать все краны. Легко представить, что получается. Вода, как в известной задаче с бассейнами, переливается из одной квартиры в другую, проходит насквозь через три этажа. А что же сам виновник водяной феерии? Над ним-то ведь не каплет! Он пожимает плечами: управдом, мол, отремонтирует.

Стоит на 3-й Черемушкинской улице недавно построенный дом № 4. Здесь, в третьем корпусе, в квартире № 9, живет Михаил Филиппович Поздняков, бывший прораб-строитель, а ныне пенсионер. Скучно Михаилу Филипповичу до невыносимости, чешутся у него руки. Смотрит он на стены своей новой квартиры, и кажется ему, что в одном месте обои как будто бы отстали. А может, не отстали? Одним словом, не отстает он от обоев, пока не убеждается, что если они еще не отстали, то могут отстать. И экспрораб немедленно принимается за дело.

Как по-вашему, что надо сделать в этом случае? Подклеить обои? Вставить новый кусок? Ничего подобного! Надо написать в «Правду». Или в Моссовет. Можно и туда и сюда.

Именно так и поступает Поздняков. Он сочиняет письма и в «Правду», и в Моссовет, и куда-то еще. Написал про обои, написал о замеченной щелочке в полу, о треснутом стекле в кухонном окне. Пожалуй, истраченной им бумаги хватило бы на оклейку целой комнаты.

— Да ведь вы же строитель! — сказали ему. — Неужели сами не можете заняться такими пустяками?

— Не обязан! А государство обязано. Ведь год прошел?

— Прошел.

— Дом осадку дал?

— Дал.

— Обязаны сделать ремонт! По закону.

— Но ведь в вашей квартире осадка не сказалась.

— Все равно. Год прошел? Обязаны! И все тут. Я законы знаю. Я жаловаться буду!

В один прекрасный день в доме № 71 по Ленинградскому проспекту разыграется драма. В тот час, когда граждане завершают утренний туалет, на площадку одного из этажей выйдут обитатели 159-й квартиры. Нетерпеливо будет переминаться с ноги на ногу Александр Иванович Косачев, зябко закутается в халат его супруга. Они будут жаться, переглядываться, тяжко вздыхать. Наконец Косачев одернет пижаму и решительно нажмет кнопку соседской двери.

— Разрешите? — скажет он, пытаясь изобразить на лице приятную улыбку.

— Опять в туалет?

— Только на минуточку!

— Так и быть, заходите!

Дело в том, что обитатели квартиры № 159 ухитрились вывести из строя некое фаянсовое сооружение, стоящее в том уголке квартиры, который на языке строителей называется санузлом. И долго не могли договориться, кто же возьмется за ремонт. Наконец было принято соломоново решение:

— Государство починит!

Тем самым гордиев санузел был разрублен, так сказать, единым махом.

В том же доме, в квартире № 143, нас встретила детский врач Людмила Николаевна Масленникова. Она была возмущена, она пылала гневом.

— Опять обследование? Придут, посмотрят и уйдут...

А посмотреть было на что: в передней выбиты куски штукатурки, в ванной разбит умывальник, санузел (прямо заколдованное место) выведен из строя.

— Н-да, ремонт надо сделать.

— Вот и делайте! — последовал хладнокровный ответ.

Нам удалось заглянуть и в комнату Масленниковых. Она сияла чистотой и находилась в поразительном контрасте с тем, что мы только что видели.

— Недавно сделали ремонт, — не без гордости поведала Людмила Николаевна. — За свой счет.

И все стало на свои места: здесь бытует психология закоренелого мещанства, выражающаяся в известной формуле «свое и чужое». То, что находится в комнате, — это свое, его надо беречь и лелеять. То, что за порогом, — это уже чужое.

Пожалуй, уместно было бы новоселам вместе с ключами от новой квартиры вручать фотографии старых коммунальных жилищ. Пусть висит такая фотография на видном месте. Этакое полезное напоминание, яркая иллюстрация, помогающая усвоить контраст между старым и новым.

Когда покупают новый костюм или платье, о них заботятся, их чистят и гладят, за ними ухаживают. На мебели своевременно меняют обивку, велосипед смазывают, часы берегут. Шутка сказать: деньги плачены! Свои, кровные.

Если часы испортились, костюм порвался, велосипед сломался, их несут в починку. Но разбив вдребезги раковину, испортив паркет, свернув шею крану, отбив штукатурку, бегут к управдому и требуют:

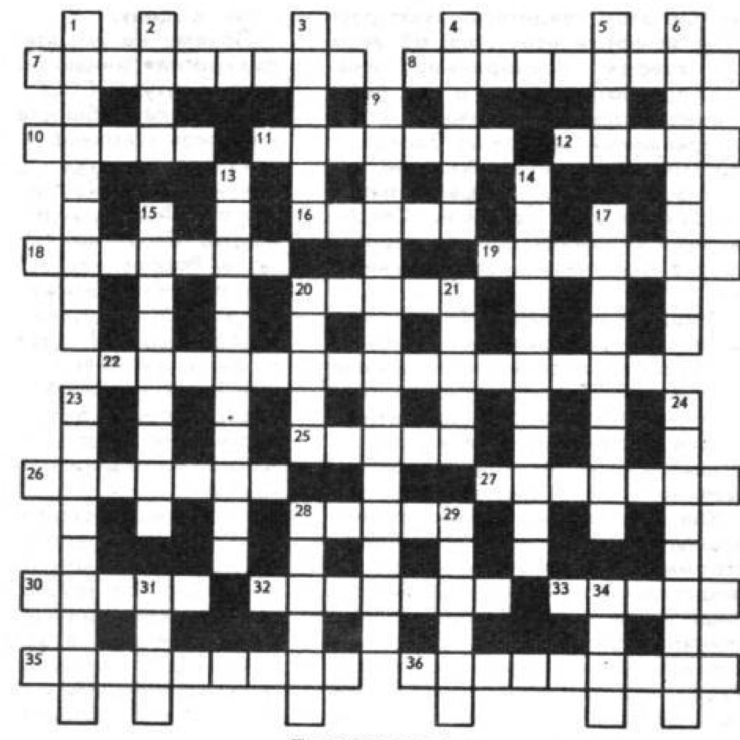
— Ремонтируйте! За счет государства.

Выходит, это уже не «свое», а «чужое». Вот государство пусть и заботится.

А, собственно, почему? Ведь это ваши дома, уважаемые новоселы, ваши квартиры, ваши ванные, кухни и коридоры. Берегите их! А привели в негодность, извольте исправить, починить собственными руками, за свой счет. На то они и руки, чтобы не болтались зря.

В. ПРИВАЛЬСКИЙ,
Я. БРЯНСКИЙ

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Персонаж романа «Поднятая целина» М. Шолохова. 8. Русский народный танец. 10. Столица Центральноафриканской республики. 11. Народное название былины. 12. Равнина в Южной Америке. 16. Амплуа актера. 18. Форма поощрения. 19. Геологическая эпоха. 20. Один из концов магнита. 22. Самопроизвольный распад атомных ядер. 25. Город в Молдавии. 26. Приток Северского Донца. 27. Опера Г. Майбороды. 28. Единица массы. 30. Невысокая горная цепь. 32. Черный медведь. 33. Марка фотоаппарата. 35. Декоративное растение. 36. Тип славянского письма.

По вертикали:

1. Румынский писатель. 2. Сельскохозяйственное орудие. 3. Старинная рукопись. 4. Звуковой сигнал. 5. Французский композитор XIX века. 6. Участник выставки. 9. Способ многокрасочного печатания. 13. Гриб. 14. Курорт на берегу Финского залива. 15. Рабочий-металлург. 17. Произведение Л. Н. Толстого. 20. Немецкий физик. 21. Часть дерева. 23. Персонаж комедии Мольера «Дон-Жуан». 24. Пролив, соединяющий Балтийское и Северное моря. 28. Точный план работы. 29. Горная порода. 31. Часть корпуса скрипки. 34. Здравица.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали:

5. Дядечкин. 7. Каламбур. 11. Визит. 12. Орало. 13. Онега. 14. Карнавал. 15. Акустика. 18. Деньга. 20. Станина. 22. Кадку. 23. Амфитеатр. 25. Календарь. 27. Рубрика. 28. Нансен. 29. Спектр. 31. «Мечта». 33. Анива. 35. Вальс. 38. Тракт. 39. Фауна. 40. Мороз. 41. Чертеж. 42. Ограда. 43. Лира. 44. Кент. 45. Акробат.

По вертикали:

1. «Рябина». 2. Киловатт. 3. Лавочкин. 4. Лунник. 6. Черпак. 8. Амурск. 9. «Двенадцать». 10. Тарапунька. 14. Кенаф. 16. Атака. 17. «Снегурочка». 19. Апельсин. 20. Сатурн. 21. Анабас. 22. Крендель. 24. Игла. 26. Дуэт. 28. Нептуний. 30. Референт. 31. Матрешка. 32. Автограф. 33. Асача. 34. Инари. 36. Легар. 37. Сумак.

На первой странице обложки: Надежда Беликова работает аппаратчицей штапельного цеха на Курском заводе синтетического волокна (см. в номере репортаж «Нефть и овцы»).

Фото Д. Ухтомского.

На последней странице обложки: Зимний лес.

Фото Е. Савалова.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), В. Б. КАССИС, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 11069 Подписано к печати 4/I 1961 г.
Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 700 000. Изд. № 3 Заказ 3564.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Ультракороткие рассказы

Анатолий ВОЛКОВ

ПЕРЕЛИЦОВКА

После того, как рассказ отклонили в толстом журнале, автор опубликовал его в юмористическом, добавив всего одну фразу: «Иду, это я, братцы».

СИРОТА

Если исходить из того, что краткость — мать таланта, а здравый смысл — отец его, то надо признать, что автор — круглый сирота.

И ДРУГИЕ

Он особенно внимательно относился к словам докладчика «и другие», потому что всегда находился в этой рубрике.

ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

Единодушно отмечалось, что художник в картине «Новый пейзаж» хорошо продолжает классические традиции. Но когда говорили о его новаторстве, то речь шла о двух столбах электросети и одном подъемном кране.

ПИСЬМО, ПРОЯСНИВШЕЕ ОТНОШЕНИЯ

Она получила от него письмо, написанное на машинке. Место, где должен был быть указан цвет ее глаз, оказалось незаполненным. А письмо начиналось словами: «Моя единственная...»

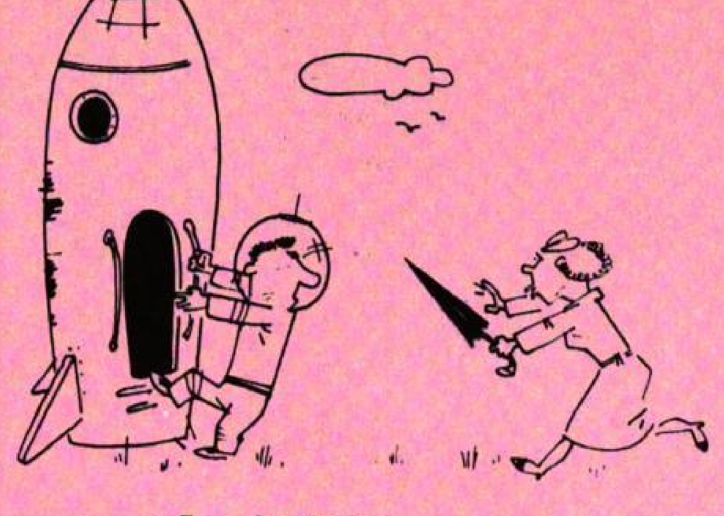
УСЛОВНЫЙ РЕФЛЕКС

Ребенок привык есть по принуждению родителей. Когда стал взрослым, только по принуждению суда соглашался кормить родителей.

ЗАКАЗ

Мастерская по ремонту лифтов получила большой заказ на металлические таблички «Лифт не работает».

Шутливые зарисовки

— Ты забыл зонтик!

Рисунок А. Сухова

Распрощался с курением.

Рисунок Вл. Гальбы.

Затянувшееся свидание.

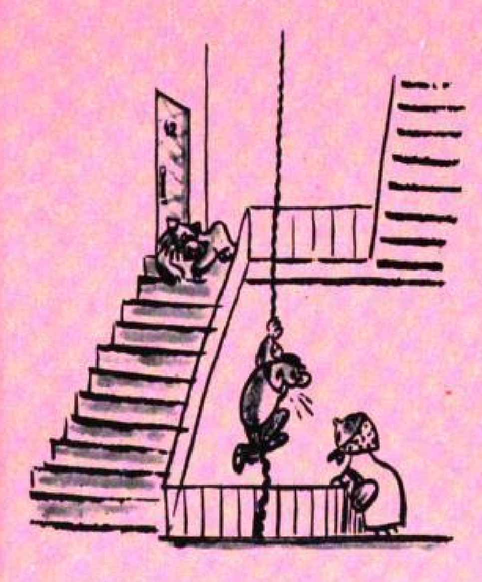
Рисунок Э. Змойро.

В мастерской абстракциониста.

— А это мой ранний автопортрет. Тогда я был, как видите, молодым и красивым.

Рисунок Л. Самойлова.

— Эти из 42-й квартиры опять держат своего Джека на лестнице!

Рисунок В. Воеводина.

— Как слаломист вы несколько прямолинейны.

Рисунок В. Воеводина.

Рисунок Г. и В. Караваевых.

Находки в пакете с арахисом

Как-то меня угостили арахисом. Я взял пакетик и рассыпал орехи на столе. Сперва они мне показались все одинаковыми, но вдруг... орехи ожили. Оказалось, что у каждого своя внешность, свой характер. Посмотрите и вы.

Архитектор А. КУЗНЕЦОВ

